К 50 2/43
т. I

4 К50 2/13

ВЕЛИКАЯ РОССІЯ

ТОМЪ I

469/5

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДѢЛО"

К50 2/из

„ВЕЛИКАЯ РОССІЯ".

Географическіе, этнографическіе и культурно-бытовые очерки современной Россіи.

Подъ общимъ руководствомъ

Профессора Д. Н. АНУЧИНА.

Сибирь.

Прив. доцента Московскаго Университета

П. М. ГОЛОВАЧЕВА.

469/5

Книгоиздательское Товарищество „ДѢЛО"

Москва, Козицкій пер. 2.

1918 г. 28 сент.

Типографія Шнакенбургъ, Юрьевъ.

БИБЛИОТЕКА Г. И. М.
№ 2695
3-II 1931 г.

Оглавленіе.

Географическое положеніе Сибири.

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ.

		Стр.
Глава I.	Общій видъ поверхности	4
„ II.	Климатъ	11
„ III.	Орошеніе	14
„ IV.	Почвы	19
„ V.	Растительность	21
„ VI.	Животный міръ	28
„ VII.	Населеніе Западной Сибири	33
„ VIII.	Инородцы Западной Сибири	39
„ IX.	Переселенцы	62
„ X.	Хозяйственная дѣятельность населенія въ связи съ пользованіемъ произведеніями царства растительности	68
„ XI.	Хозяйственное пользованіе предметами животнаго царства	79
„ XIa.	Кустарные промыслы	96
„ XII.	Обработывающая промышленность	104
„ XIII.	Торговля	110
„ XIV.	Пути сообщенія	115
„ XV.	Народное здравіе, образованіе и населенныя мѣста Западной Сибири	123

ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ.

Глава I.	Рельефъ поверхности	132
„ II.	Климатъ и почва	136
„ III.	Орошеніе	140
„ IV.	Почвы, растительность и животный міръ	149
„ V.	Населеніе Восточной Сибири	154
„ VI.	Сельско-хозяйственные промыслы	178
„ VII.	Ископаемыя богатства и золотопромышленность	191
„ VIII.	Обработывающая промышленность, торговля, пути сообщенія	199
„ IX.	Административное дѣленіе, народное здравіе и образованіе, населенныя мѣста	203

АМУРСКО-ПРИМОРСКАЯ ОКРАИНА.

Глава I.	Рельефъ, климатъ и орошеніе	209
„ II.	Почвы, растительность и животный міръ	217
„ III.	Инородческое и русское населеніе	222
„ IV.	Сельско-хозяйственные и др. промыслы края и населенныя мѣста	228

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать
36	4	остцкаго	остяцкаго
41	6	древенской	древесной
41	29	долохоцевалы	долихоцевалы
43	4	стицевыя	ситцевыя
65	29	ушель	ушелъ
90	14	оченъ	очень
90	15	лови	ловъ
92	34	Одирскомъ	Обдорскомъ
92	36	Сашировская	Самаровская
93	24	Итимскомъ	Ишимскомъ.
178	1	IV	VI
191	1	V	VII
199	1	VI	VIII
203	1	VII	IX

Природа.

Географическое положеніе Сибири.

Съ именемъ Сибири связано представленіе о громадной странѣ, находящейся за Ураломъ на востокѣ и обнимающей собою всю сѣверную четверть Азіи. Прилегая на сѣверѣ къ Ледовитому океану и соприкасаясь на югѣ съ сѣверными окраинами Китая, страна эта имѣетъ протяженіе до 4000 верстъ съ сѣвера на югъ и до 8000 вер. съ запада на востокъ. Занимая пространство около 11 милл. кв. верстъ, Сибирь почти въ полтора раза превосходитъ по площади Европу и болѣе чѣмъ въ два раза Европейскую Россію, составляя, такимъ образомъ, наибольшую по пространству часть Россійской Имперіи. Свое названіе Сибирь получила, какъ думаютъ, отъ небольшого народа сывыръ или сыбиръ, жившаго по среднему Иртышу въ нынѣшней Тобольской губ. и который еще до прихода русскихъ въ Сибирь былъ покоренъ татарами, пришельцами изъ Средней Азіи. Имя этого народа къ тому времени уцѣлѣло лишь въ названіи столицы хана Кучума — Сибирь или Искеръ, завоеванной Ермакомъ и названіе которой

было перенесено и на все царство Кучума, а затѣмъ и на всю страну за Ураломъ. Сѣверные берега Сибири омываются Ледовитымъ океаномъ. Они начинаются съ восточнаго берега Карскаго моря, ограниченнаго островомъ Новой землей съ запада и сѣверо-запада и полуостровомъ Ямаломъ съ востока. Этотъ полуостровъ отдѣляетъ Карское море отъ Обской губы, длиннаго залива (700 в. въ длину, 80—100 в. въ ширину и 15 саж. глубиной), въ который впадаетъ р. Обь, а также, чрезъ посредство Тазовской губы, и рѣка Тазъ. Между Обско-Тазовской губой и слѣдующей далѣе къ востоку губой Енисейской берегъ образуетъ также полуостровъ Гыданскій. За Енисейской губой берегъ опять начинаетъ выступать къ сѣверу и образуетъ постепенно широкій полуостровъ Таймырскій, подраздѣленный Таймырской губой на два—западный и восточный. Изъ нихъ восточный наиболѣе выдвигается къ сѣверу, оканчиваясь мысомъ Челюскина, самой сѣверной точкой владѣній Россіи. Далѣе къ востоку выступаетъ широкая дельта р. Лены, за которою противъ материка подымается изъ моря группа острововъ Новосибирскихъ. Еще далѣе Сибирь образуетъ выступъ къ сѣверо-востоку, такъ называемый Чукотскій полуостровъ, оканчивающійся мысомъ Дежнева (самая восточная точка русскихъ владѣній) и отдѣленный отъ Америки (полуостровъ Аляска) Беринговымъ проливомъ около 70 вер. шириной. Восточные берега Сибири омываются на сѣверѣ Беринговымъ моремъ (ограниченнымъ съ юга цѣпью Алеутскихъ острововъ), затѣмъ Охотскимъ моремъ, отдѣленнымъ отъ Тихаго океана полуостровомъ Камчаткой и цѣпью Курильскихъ острововъ, и, наконецъ, Японскимъ моремъ, которое соединяется съ Охотскимъ узкимъ Татарскимъ проливомъ между материкомъ и островомъ Сахалиномъ и отгорожено отъ Тихаго океана островами Японскими и полуостровомъ Кореей. Протяженіе всей морской границы Сибири доходитъ до 28000 верстъ.

На югѣ Сибирь отдѣляется отъ Китая пустынными, высокими и трудно доступными горными хребтами, ровной травянистой степью у предѣловъ Маньжуріи и р. р. Аргунью, Амуромъ и Уссури. Отъ Кореи, принадлежащей теперь Японіи, Сибирь отдѣляется небольшой рѣкой Тумень-Улы.

Географическое положеніе Сибири нельзя назвать благопріятнымъ для культурнаго развитія ея населенія: она занимаетъ сѣверную и сѣверо-восточную окраины Азіи, и берега ея омываются океанами, расположенными въ очень холодныхъ и необитаемыхъ поясахъ, и малодоступны изъ-за льдовъ (только сѣверовостокъ на побережьи Японскаго моря является болѣе доступнымъ для сношеній), а ея южная граница проходитъ по обширнымъ степямъ и труднодоступнымъ горнымъ хребтамъ, вообще, по мѣстностямъ пустыннымъ и занятымъ кочевыми народами. Наконецъ, сосѣдство съ Японіей и Китаемъ по Амуру становится все болѣе и болѣе опаснымъ потому, что съ каждымъ годомъ увеличивается возможность войны съ Китаемъ и Японіей и ожесточенной борьбы съ желтыми не только за побережье Тихаго океана и Приамурье, но и за Забайкалье.

Всю Сибирь можно раздѣлить на три главныя части, отличающіяся между собою какъ географическими и климатическими условіями, такъ и этнографическими и экономическими: на Сибирь Западную, Восточную и Амурско-Приморскую окраину.

Западная Сибирь.

I.

Общій видъ поверхности.

Западная Сибирь, простирающаяся къ востоку отъ Урала до Енисея и къ югу отъ береговъ Ледовитаго океана до Степного края и границъ Китая, раздѣляется на двѣ части: Сибирскую или Обскую низменность (приблизительно $^2/_3$) и горную страну — Алтай съ его отрогами (около $^1/_3$) на юго-востокѣ.

Западно-Сибирская низменность представляетъ почти идеальную равнину и этой особенностью своей поверхности она обязана, главнымъ образомъ, морю, которое еще въ началѣ третичнаго періода покрывало всю Западную Сибирь. Волны этого моря, находившагося въ сообщеніи съ моремъ, затоплявшимъ Арало-Каспійскую впадину и южно-русскія степи, и вѣроятно, также съ полярнымъ моремъ на сѣверѣ, — сгладили подъ одну плоскость болѣе древнія кристаллическія породы и погребли ихъ подъ толщею морскихъ осадковъ. Въ болѣе позднее время это море превратилось въ огромное озеро, сначала съ горько-

Алтай. Катунскій ледникъ.

соленой, а затѣмъ и съ прѣсной водой, которое постепенно все болѣе и болѣе усыхало и мелѣло, пока къ серединѣ третичнаго періода не превратилось въ сушу, одѣтую богатой растительностью. Климатъ Западной Сибири былъ тогда очень теплый и мягкій, такъ что въ серединѣ третичнаго періода здѣсь росли, между прочимъ, лавры и магноліи, а въ концѣ этого періода существовали еще лѣса изъ широколиственныхъ породъ (дуба, бука, клена и друг.) Къ началу четвертичнаго (современнаго) періода въ Сибири такъ же, какъ и въ Европейской Россіи и въ Сѣверной Америкѣ, наступило охлажденіе. Сплошнаго оледенѣнія въ Западной Сибири, повидимому, не было, но ледники Алтая спускались тогда гораздо ниже по долинамъ, а многіе отроги Алтая и Сѣверный Уралъ, лишенные въ настоящее время ледниковаго покрова, питали мощные ледники. Тогда какъ ледники Алтая не уходили далеко изъ горъ, ледники Урала, спустившись на низменную равнину, расползались въ ширь и отлагали принесенные съ горъ и перемытые талой водой наносы сплошнымъ покровомъ на значительной площади, на югъ до слiянія Иртыша съ Обью. Эти ледники давали огромное количество талой воды, и рѣки, протекавшія тогда по Сибирской низменности, имѣли очень широкія русла, какъ объ этомъ можно судить по ихъ нынѣшнимъ рѣчнымъ долинамъ. Западно-Сибирская низменность очень слабо понижается отъ Урала до Иртыша и отъ этой рѣки также весьма слабо повышается на востокъ. Вся же низменность представляетъ постепенное медленное пониженіе съ юга къ сѣверу, причемъ и южныя, самыя высокія, части лежатъ очень низко надъ уровнемъ моря (въ среднемъ около 40 сажень и только въ отдѣльныхъ пунктахъ достигаетъ 50 с., тогда какъ средняя высота сѣверной половины едва ли достигаетъ 200 фут.) На крайнемъ сѣверѣ эта низменность представляетъ безбрежныя тундры. (Тундры подробно описаны въ I т. „Великой Россіи“ — „Тундры“, Б. М. Житкова.) Полоса тундры идетъ отъ береговъ Ледовитаго океана на югъ на протяженіи до 200 и 300 в. Затѣмъ безлѣсная тундра смѣняется лѣсо-тундрой съ озерами, болотами и лѣсами, сначала рѣдкими и чахлыми, а потомъ, чѣмъ южнѣе, то тѣмъ болѣе переходящими въ густыя, вѣковые урманы и тайги. Вся южная часть Западно-Сибирской низменности представляетъ лѣсо-степь — зеленое море высо-

кой травы съ разбросанными по ней, словно острова, березовыми лѣсами и перелѣсками, съ множествомъ озеръ въ плоскихъ берегахъ съ болотистой водой и мягкимъ илистымъ дномъ. Степь эта, въ общемъ, называемая Барабой, или „березовой степью“, очень однообразная, рѣками Тоболомъ и Иртышемъ дѣлится на три части: Ишимскую, по обѣимъ берегамъ р. Ишима, между Тоболомъ и Иртышемъ, собственно Барабу, между Иртышемъ и Обью, и Кулундинскую, въ которую на ю-в. переходитъ Бараба. Кромѣ березовыхъ рощъ, или колковъ, однообразіе этихъ степей нарушается „гривами,“ продолговатыми холмами въ 1—2, рѣдко въ 3—5 саженъ высоты, тянущимися въ сѣверо-восточномъ направленіи. Низины между этими гривами часто заняты болотами, озерками или цѣпью озеръ. На вершинѣ гривъ часто находятся березовыя рощицы. Особенно ясно выдѣляются эти гривы въ Барабинской степи.

Гривы эти произошли вслѣдствіе размыванія поверхности материковыми водами по однообразному направленію. Послѣ своего осушенія отъ водъ третичнаго моря Бараба представляла еще болѣе совершенную равнину съ очень слабымъ наклономъ къ Ледовитому океану. Благодаря этому, воды, стекавшія съ низменности, направились также къ сѣверу и сѣверо-сѣверо-западу: такъ создалась главнѣйшая водная артерія Западной Сибири — рѣка Иртышъ и его непосредственное продолженіе далѣе на сѣверъ — нижняя Обь. Естественно, что по мѣрѣ углубленія русла Иртыша всѣ воды, скоплявшіяся на поверхности Барабы отъ таянія снѣговъ и дождей, получили слабый уклонъ къ долинѣ Иртыша. Вслѣдствіе идеальной равнинности мѣстности и однообразія размываемыхъ горныхъ породъ, въ теченіе вѣковъ выработался рядъ правильныхъ ложбинъ стока въ направленіи съ с.-в. на ю.-з., отдѣленныхъ другъ отъ друга, повышеніями поверхности, „гривами“, имѣющими, конечно, то же самое направленіе.

Юго-восточную треть Западной Сибири занимаетъ горная страна Алтай. Степи, прилегающія къ нему съ запада (Кулундинская), по мѣрѣ близости горъ начинаютъ холмиться, становятся волнистыми; предгорья поднимаются все выше и выше, и наконецъ начинается самый Алтай („Золотыя Горы“) съ своими

Алтай. Кара-Булакъ близъ Бирели.

Алтай. Долина р. Нижній Карагапъ.

Алтай. Чуйскій трактъ.

Истокъ р. Катуни изъ ледника.

дремучими лѣсами, узкими, дикими ущельями, въ глубинѣ которыхъ мчатся покрытые пѣной потоки, дробясь о пороги и камни, съ своими свѣтлыми долинами, съ гладью чудныхъ озеръ, въ которыя смотрятся обрывистыя скалы. Среди горъ, покрытыхъ на хребтахъ дремучими хвойными лѣсами, возвышаются огромныя вершины со снѣжными полями и каменными осыпями и величественныя высокія горы съ снѣжными шапками (бѣлки), съ которыхъ стекаютъ широкія полосы ледниковъ. Алтай занимаетъ пространство больше 500 в. въ длину и ширину, составляя часть краевыхъ возвышенностей Среднеазіатскаго нагорья. Изъ горныхъ породъ наибольшее распространеніе имѣютъ на Алтаѣ кристаллическіе сланцы и известняки, не содержащіе въ себѣ окаменѣлостей и образовавшіеся въ весьма древнія геологическія эпохи. На югѣ, въ болѣе высокой части русскаго Алтая, эти породы слагаютъ высочайшіе хребты и вершины и только мѣстами прорѣзаны древними изверженными породами (гранитами, сіенитами и другими); напротивъ, въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ хребтахъ, а особенно на Кузнецкомъ Алатау, граниты образуютъ большую часть горныхъ вершинъ; подъ вліяніемъ рѣзкихъ перемѣнъ температуры, днемъ и ночью, воды, проникающей въ трещины и тамъ замерзающей, а отчасти также дѣятельности вѣтра, — эти горныя вершины подверглись сильному разрушенію, получили весьма оригинальныя очертанія, а иногда представляютъ непроходимыя розсыпи, сложенныя изъ громадныхъ каменныхъ глыбъ.

Образованіе Алтайскихъ горъ относится къ началу древнѣйшей палеозойской эры. Съ тѣхъ поръ Алтай въ теченіе долгихъ геологическихъ періодовъ представлялъ скалистый полуостровъ, своими отрогами вдававшійся далеко въ омывавшее его съ сѣвера Сибирское море, а съ каменоугольнаго періода вся область Алтая уже не покрывалась болѣе моремъ. Отложенія этого періода, заполнившія собой котловину между Салаирскимъ хребтомъ и Кузнецкимъ Алатау, такъ называемый „Кузнецкій бассейнъ“, заключаютъ многочисленные и мощные пласты каменнаго угля, дѣлающіе этотъ бассейнъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ въ мірѣ.

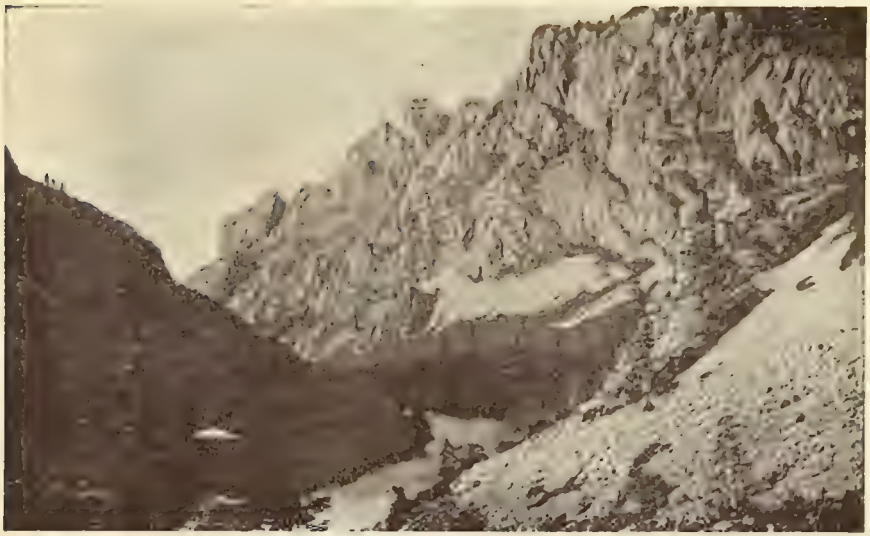
Въ южныхъ и среднихъ своихъ частяхъ Алтай состоитъ изъ многихъ дугообразныхъ складчатыхъ хребтовъ, обращен-

ныхъ выпуклостью къ югу и въ общемъ простирающихся съ запада на востокъ. Вѣковая работа многочисленныхъ горныхъ потоковъ, протекающихъ какъ въ продольныхъ, такъ и поперечныхъ долинахъ, расчленила, однако, первоначальные хребты на рядъ отроговъ и создала весьма сложную сѣть горныхъ цѣпей. Какъ бы узломъ всего Алтайскаго нагорья является лежащая на границѣ съ Китаемъ горная группа Табынъ-Богдо, увѣнчанныя снѣгомъ вершины которой подымаются значительно выше 11.000 фут. и, быть можетъ, представляютъ высочайшія точки всего русскаго Алтая.

Отъ группы Табынъ-Богдо отходятъ четыре главныхъ горныхъ вѣтви: на юго-востокъ, въ глубь центральной Азіи, простирается Монгольскій или Эктасъ-Алтай, на западъ Большой Алтай съ Нарымскимъ хребтомъ (большая часть этой вѣтви находится внѣ предѣловъ Россіи), на сѣверо-западъ такъ называемый Внутренній Алтай, составляющій своими хребтами значительную часть Русскаго Алтая, и, наконецъ, почти прямо на сѣверъ, хребетъ Сайлюгемъ. Этотъ хребетъ на сѣверѣ распадается въ видѣ вѣера на рядъ отроговъ, имѣющихъ сѣверное или сѣверо-западное направленіе, образуя далеко проникающіе въ Сибирскую низменность хребты — на западѣ Салаирскій, а на востокѣ Кузнецкій, пограничный съ Енисейской губерніей. Внутренній Алтай, идя съ юга на сѣверъ, состоитъ изъ слѣдующихъ главныхъ грядъ. Первую гряду составляетъ хребетъ Листвяга съ своимъ сѣверо-западнымъ продолженіемъ — Холзунскими бѣлками. Далѣе къ сѣверу расположена главная ось Русскаго Алтая — Катунско-Чуйская гряда, а еще сѣвернѣе—гряда Тигерецкихъ, Коргонскихъ и Теркешинскихъ бѣлковъ, въ свою очередь дающихъ на сѣверъ рядъ вѣерообразно расходящихся отроговъ. Наиболѣе высокій изъ Алтайскихъ хребтовъ въ русскихъ предѣлахъ, Катунско-Чуйскій, имѣетъ среднюю высоту до 10.000 ф. надъ уровнемъ моря. Его главныя вершины покрыты вѣчными снѣгами, отчего и произошло названіе Алтайскихъ горъ — „бѣлки“. Въ этомъ хребтѣ находятся самыя высокія вершины Алтая: на западѣ Бѣлуха, или Катунскіе столбы (14,800 ф.), и на ихъ восточномъ крылѣ — Іикту (около 14,000 ф.). Бѣлуха только на 982 ф. ниже Монблана и состоитъ изъ двухъ снѣжныхъ пи-

рамидъ, соединенныхъ сѣдломъ. Къ сѣверу она падаетъ почти отвѣсной стѣной и болѣе полого опускается на югъ Катунскимъ ледникомъ. Непосредственно съ двуглавой Бѣлухи спускается семь большихъ ледниковъ, а ниже съ ея отроговъ 10 меньшихъ ледниковъ. Поверхность всѣхъ ледниковъ Бѣлухи равняется 60 кв. верстамъ. Ледники Бѣлухи, достигающіе отъ 7 до 10 верстъ въ длину, медленно стекаютъ по долинѣ по 1 футу въ сутки лѣтомъ и мало-по-малу таютъ, доходя до границы лѣсной растительности и питая горныя рѣчки и ручьи. Рядъ ледниковъ, немногимъ уступающихъ ледникамъ Бѣлухи, спускается съ наиболѣе высокихъ вершинъ Чуйской гряды, и даже въ четвертомъ хребтѣ Чуйскихъ бѣлковъ ближе къ р. Чуѣ, въ горномъ узлѣ Бишъ-Іирду, имѣются тоже ледники средней величины. Всего на Алтаѣ до сихъ поръ извѣстно до 50 ледниковъ съ общей поверхностью до 150—200 в. Въ предшествовавшую современной ледниковую эпоху алтайскіе ледники были гораздо больше и спускались на 40—50 верстъ ниже мѣста окончанія въ настоящее время. Крупные камни, попадающіе на поверхность ледниковъ, медленно движутся вмѣстѣ съ ними и образуютъ по сторонамъ ледяного потока каменные валы, такъ называемыя боковыя морены. На крутыхъ спускахъ ледъ разрывается глубокими трещинами, громоздится ступенями (ледопадами), которыя по временамъ обрушиваются со страшнымъ трескомъ. Такіе ледопады особенно часто встрѣчаются на Катунскихъ и Іедыгемьскихъ ледникахъ. Другіе хребты Алтая едва достигаютъ лѣсной линіи, которая тамъ проходитъ на высотѣ 9000—10000 футовъ, но многіе изъ нихъ далеко проходятъ за предѣлы лѣсной растительности и покрыты такъ называемыми альпійскими лугами. Хребты по большей части отдѣляются одинъ отъ другого узкими долинами, которыя иногда расширяются въ горныя степи. Степной характеръ имѣютъ также высокія плоскогорія расположенныя въ ю.-в. углу Алтайскаго нагорья, какъ плоскогоріе Укэкъ и Чуйская степь. На болѣе низкихъ уровняхъ весь сѣверный Алтай изрѣзанъ плодородными долинами. У подножій горъ ютятся деревни, окруженныя пашнями, всюду видны заимки, хутора, пасѣки, на каждомъ шагу встрѣчаются привольные покосы и красивыя рощи. Также привлекательны

мѣстности въ Южномъ Алтаѣ, особенно въ долинѣ р. Бухтармы. Въ этихъ долинахъ и предгорьяхъ Алтая скопилось все его русское населеніе, предоставляя полукочевникамъ-инородцамъ внутреннія возвышенныя части, непригодныя для земледѣлія.



Коргонскія Альпы (Алтай).

Бомъ на Чуйскомъ трактѣ (Алтай).

Катунскій ледникъ (Алтай).

Рѣка Катунь (Алтай).

II.

Климатъ.

Климатъ Западно-Сибирской низменности, относящейся къ поясамъ полярно-холодному и умѣренно-холодному, является болѣе холоднымъ и болѣе континентальнымъ, съ большей разницей между зимнимъ холодомъ и лѣтнимъ теплomъ, чѣмъ соотвѣтствующія по географическому положенію губерніи сѣверной Россіи. Это происходитъ отчасти отъ большаго удаленія страны отъ сравнительно теплаго Атлантическаго океана, отчасти отъ большей близости Ледовитаго океана, къ которому наклонена Западно-Сибирская низменность, и отъ холодныхъ вѣтровъ котораго она ничѣмъ не защищена. Климатъ сѣверныхъ, тундровыхъ частей Западно-Сибирской низменности гораздо холоднѣе соотвѣтствующихъ полосъ Архангельской г. и разсматривается въ I томѣ „Великой Россіи“, посвященномъ крайнему сѣверу. Среднія части Тобольской и Томской губ., имѣющія среднюю годовую температуру отъ 2^0 до 0^0 и въ Барабѣ отъ 1^0 до 1^0, по суровости своего климата могутъ сравняться лишь съ мѣстностями, лежащими на крайнемъ сѣверо-востокѣ Евр. Россіи. Только южные уѣзды Тобольской губ. и нѣкоторыя мѣстности Алтая имѣютъ среднюю годовую t^0 отъ $+1$ до $+3$, т. е. температуру Архангельской, Олонецкой, сѣверо-восточной части Вологодской губ. и сѣверной Финляндіи. О климатѣ Западной Сибири можно составить себѣ понятіе изъ слѣдующей таблицы:

	Сред. t° зимы	Лѣта	Средняя годовая
Тобольскъ	— 17,1	16,7	— 0,2
Нарымъ	— 20,0	16,3	— 2,0
Томскъ	— 17,7	16,8	— 1,0
Каинскъ	— 18,9	17,3	— 0,8
Барнаулъ	— 17,2	17,8	+ 0,4

Изъ этой таблицы видно, что чѣмъ сѣвернѣе находится мѣсто, тѣмъ зима тамъ холоднѣе, и что лишь Барнаулъ имѣетъ среднюю годовую t° немного выше нуля (въ Тоб. губ. средняя годовая t° одной Тюмени доходитъ до 1°), и что разница между средней зимней и средней лѣтней t° достигаетъ отъ 33 до 36 градусовъ. Среднія температуры весны и осени, въ общемъ близки другъ къ другу, между тѣмъ какъ въ странахъ съ морскимъ климатомъ осень всегда теплѣе весны. Зима въ Томскѣ продолжается 144, въ Барнаулѣ 143 дня, лѣто въ первомъ 130, во второмъ 152 дня. До какихъ степеней жара и холода можетъ доходить t° въ означенныхъ предѣлахъ Западной Сибири, показываютъ наблюденія, произведенныя за послѣднія 60 лѣтъ:

	Наибольшій жаръ	Наибольшій холодъ
Тобольскъ	36,0	47,6
Томскъ	35,0	51,2
Барнаулъ	36,2	56,0
Каинскъ	35,0	48,6

Въ Березовѣ въ 1839 г. былъ отмѣченъ холодъ въ 59°, чего никогда и нигдѣ не наблюдалось въ предѣлахъ Евр. Россіи. Климатъ Алтая, особенно въ высокихъ частяхъ, отличается также суровостью и рѣзкими перемѣнами, особенно у большихъ озеръ. Вечеромъ, ночью и утромъ въ алтайскихъ горахъ, даже въ концѣ іюня, t° падаетъ до 8—9°. Въ августѣ уже начинаются иней и заморозки. Въ долинахъ предгорій, закрытыхъ съ сѣвера, климатъ мягче.

Сѣверные вѣтры являются самыми холодными въ Западной Сибири, какъ зимой, такъ и лѣтомъ, а самыми теплыми — юго-западные зимой и южные лѣтомъ.

Наибольшее воздушное давленіе (наивысшее стояніе барометра) приходится въ Западной Сибири на январь и февраль,

наименьшее — на лѣтніе мѣсяцы. Что касается атмосферныхъ осадковъ (дождя и снѣга), то въ Западной Сибири выпадаетъ ихъ, въ среднемъ, за годъ всего 30—35 сантиметровъ, между тѣмъ какъ въ одинаковыхъ по широтѣ частяхъ Европейской Россіи — отъ 49 до 50 сант. Наиболѣе богаты осадками вся средняя половина Тобольской и южная Томской губ., т. е. мѣстности, имѣющія наиболѣе плодородныя и удобныя для земледѣлія почвы. Наибольшее количество осадковъ (дождя) приходится на мѣсяцы іюль и августъ, наименьшее (снѣга) на февраль. Въ Тарѣ, Каинскѣ и Барнаулѣ въ іюнѣ никогда не бывало снѣга, въ Тобольскѣ, Тюмени и Томскѣ онъ выпадаетъ иногда и въ этомъ мѣсяцѣ, въ августѣ снѣгъ изрѣдка выпадаетъ въ Тюмени и Каинскѣ, а въ сентябрѣ онъ отдѣльными днями выпадаетъ повсемѣстно. Количество выпадающаго снѣга приходится болѣе всего на Томскъ, за которымъ слѣдуетъ Березовъ и Тюмень.

Градъ въ Западной Сибири выпадаетъ чрезвычайно рѣдко. Также рѣдки и грозы въ равнинныхъ частяхъ Западной Сибири (не болѣе 11 грозовыхъ дней въ году) и становятся болѣе часты лишь въ гористой Томской губ. (18 дней).

III.

Орошеніе.

Западная Сибирь орошается рѣками бассейна Оби, кромѣ самостоятельныхъ рѣкъ, вродѣ Таза, Надыма и другихъ, впадающихъ въ Ледовитый океанъ. Обь, самая большая рѣка Западно-Сибирской низменности (3500 в.), рождается на Алтаѣ. Самый большой алтайскій ледникъ, Катунскій, даетъ начало Катуни. Она вырывается изъ темной ниши у конца ледника и, слившись съ лѣвымъ, меньшимъ, потокомъ, направляется въ видѣ уже спокойной извилистой рѣки на западъ. Питаемая ледниками, Катунь несетъ мутную бѣловатую воду и черезъ 600 верстъ теченія сливается съ синей Біей, вытекающей изъ сѣверо-западнаго конца Телецкаго озера, по сліяніи съ которой получаетъ названіе Оби. Женщина (Катунь), говоритъ алтайская легенда, хотѣла перебѣжать дорогу мужчинѣ (Бій), но онъ пересѣкъ ей путь. Въ степной полосѣ Обь течетъ въ высокихъ берегахъ и имѣетъ не менѣе версты въ ширину. Вступивъ въ лѣсную полосу, Обь разбивается на протоки,

которыхъ особенно много въ нижнемъ теченіи, образуетъ много острововъ, берега ея становятся все ниже, а сама рѣка все шире и глубже. Медленно катитъ она свои мутноватыя воды, разливаясь въ половодье весной на нѣсколько десятковъ верстъ. Ниже впаденія Иртыша ея глубина доходитъ до 20—15 саженъ, а въ нивовьяхъ становится меньше — отъ 4—8 саж. Въ самомъ устьѣ, у входа въ губу, находится баръ (мель) съ высотой воды надъ нимъ только въ 10 футовъ, что препятствуетъ большимъ морскимъ судамъ входить въ рѣку. Изъ монгольскаго Алтая на Западно-Сибирскую равнину выходитъ могучій притокъ Оби, мутно-желтый Иртышъ (1780 в.). Проложивъ себѣ путь сначала въ живописной горной мѣстности, онъ выходитъ затѣмъ въ степь, принимая сѣверо-западное направленіе. Его лѣвый берегъ все время низменъ и болотистъ, а правый, подмываемый рѣкой, образуетъ обрывы и яры въ 30—40 саженъ и легко обваливается, представляя тѣмъ большую опасность для судоходства. Когда обрушивается особенно большое количество земли, то рѣка разступается въ ширину, образуется огромная плотина, и лѣвый низменный берегъ заливается водой на значительное разстояніе. Обвалы губятъ не только рыбу, выбрасывая ее на берегъ, но могутъ угрожать даже большимъ судамъ; въ 1885 г. обвалъ выбросилъ на другой берегъ паровую шхуну „Надежду“, перевернувъ ее вверхъ килемъ. Всѣ главные притоки Иртыша впадаютъ въ него слѣва: извилистый Ишимъ, протекающій по плодороднѣйшимъ мѣстностямъ Западно-Сибирской равнины (2200 в.), Тоболъ и его притокъ, крайне извилистая Тура. Въ предгорьяхъ Алтая начинаются южные притоки Оби — мелководный, длинный Чулымъ, быстрая Томь и др. Если Обь и Иртышъ удивляютъ своей многоводностью, шириной, длиной теченія, то горныя рѣки Алтая поражаютъ дикой красотой своихъ береговъ, быстротой теченія и несравненной чистотой воды во многихъ изъ нихъ, рождающихся не изъ ледниковъ, а изъ ледяныхъ полей. Рѣки въ верхнемъ теченіи стремятся въ тѣсномъ руслѣ пѣнистыми потоками, образуя часто шумные водопады. Успокоившись въ среднемъ теченіи, онѣ часто вновь наталкиваются на каменныя заграждения и образуютъ непроходимые для судовъ пороги, черезъ которые лишь съ большой опасностью могутъ проходить плоты.

Пополняясь боковыми притоками со всѣхъ окрестныхъ хребтовъ, горныя рѣки увеличиваются все больше и больше и, наконецъ, мощнымъ потокомъ плавно выходятъ изъ горныхъ долинъ въ широкія степи. Напр., многоводный Аргутъ, притокъ Катуни, прорываясь черезъ Катунскія горы въ глубокомъ ущельѣ, извѣстномъ подъ именемъ „аргутскихъ пропастей“, — весь состоитъ изъ сплошной бѣлой пѣны, и шумъ его подобенъ раскатамъ отдаленнаго грома. Теплый Чулышманъ, впадающій съ юга въ Телецкое озеро, течетъ сначала по цвѣтущей долинѣ, а потомъ мчится въ узкомъ ущельѣ, ворочая громадные камни; нависшіе скалы иногда образуютъ какъ бы своды, подъ которыми и мчится рѣка. Въ Чулышманъ впадаетъ бѣшеная Чель-чу; среди ея сплошной желто-мутной пѣны лишь кое-гдѣ мелькаютъ зеленовато-голубыя полосы воды. Когда алтайскія рѣки мчатся въ ущельяхъ, обставленныхъ почти отвѣсными скалами, то пробираться вдоль ихъ береговъ можно только по такъ называемымъ „бомамъ“ — узкимъ карнизамъ, образованнымъ самой природой. Когда бомъ прерывается, черезъ него перебрасывается мостъ изъ нѣсколькихъ бревенъ, висящій надъ головокружительной бездной. На водораздѣлѣ между среднимъ теченіемъ притоковъ Оби и Иртыша простирается Васюганъ, болотистая низменность протяженіемъ съ запада на востокъ до 500 в., а съ сѣвера на югъ до 400 в. Эта площадь изрѣзана большими и маленькими рѣчками, испещрена озерами, зыбкими, кочковатыми болотами, глухими хвойными и лиственными смѣшанными лѣсами. На холмахъ тянутся въ высь кедры и лиственницы, всюду дремлютъ спокойныя воды, то прозрачныя, то покрытыя ярко-зеленой болотной растительностью. Лѣтомъ вся эта мѣстность представляется какъ бы безконечнымъ дырявымъ покрываломъ изъ растеній, наброшеннымъ на воду. На югѣ эта площадь состоитъ почти исключительно изъ болотъ, которыя во время весеннихъ разливовъ образуютъ безпредѣльное водяное пространство, называемое окрестнымъ населеніемъ „Васючанскимъ моремъ“. Весной и обширный Нарымскій край, лежащій къ сѣверу отъ Васючана, если разливъ значителенъ, представляетъ ту же самую картину: кругомъ во всѣ стороны безбрежное море, изъ котораго кое-гдѣ торчатъ кустарники и лѣсъ, и вы-

Алтай. Берельскій ледникъ.

ступаютъ „гривки“ и „веретья“ (небольшіе холмики). Озерами западно-Сибирская низменность очень богата, особенно вся лѣсо-степная и степная части; вообще они отличаются небольшой глубиной, но иногда достигаютъ крупныхъ размѣровъ. Въ Барабинской степи они часто заполняютъ углубленія между увалами. Многочисленныя озера Барабы имѣютъ совершенно плоскіе берега, очень мелки, заросли камышомъ, такъ что иногда только на срединѣ остается свободное пространство воды („стекло“, по мѣстному). Вслѣдствіе множества перегнившаго камыша и разной болотной растительности, вода многихъ изъ этихъ озеръ имѣетъ желтоватый цвѣтъ и пахнетъ сѣроводородомъ. Самое большое изъ этихъ озеръ — Чаны, глубиною отъ 7 до 10, рѣдко до 12 аршинъ. Чаны состоятъ какъ бы изъ двухъ соединенныхъ озеръ: большого (80 в. въ длину при ширинѣ въ 20—30 верстъ) и меньшаго (40 в. длиной и 15—20 въ ширину). По Чанамъ въ сѣверо-восточномъ направленіи проходитъ рядъ острововъ и косъ, вполнѣ соотвѣствующихъ „гривамъ“ Барабинской степи. Въ древнее время поверхность Чановъ была гораздо больше. Вообще барабинскія озера съ теченіемъ времени мелѣютъ и усыхаютъ. Нѣкоторыя озера лѣсо-тундровой полосы также уменьшаются потому, что ихъ поверхность мало- по-малу затягивается растительностью. Многія изъ озеръ Кулундинской степи имѣютъ соленую воду, а изъ нѣкоторыхъ добываютъ даже соль.

Алтайскія озера совершенно не походятъ на озера Западно-Сибирской низменности: они очень глубоки, имѣютъ прозрачную, чистую воду, обставлены со всѣхъ сторонъ высокими горами, въ нихъ съ шумомъ падаютъ горныя рѣки. Самое большое и замѣчательное изъ алтайскихъ озеръ — Телецкое, раскинувшееся въ длинной разсѣлинѣ среди горъ пустынное, съ необычайно красивымъ свѣтло-зеленымъ цвѣтомъ воды. Горы, покрытыя лѣсомъ и со всѣхъ сторонъ окружающія это удлиненное и изогнутое озеро, особенно высокія на югѣ, мѣстами прямо обрываются въ него своими крутыми скалами. Рѣки, впадающія въ Телецкое озеро, кромѣ Чулышмана, чрезвычайно бурны, порожисты, и ихъ долины совершенно непроходимы. Нѣкоторыя изъ нихъ, не успѣвшія еще прорыть себѣ глубокихъ ущелій, падаютъ въ озеро красивыми водо-

падами. Многіе изъ такихъ водопадовъ инородцы называютъ „Аю-Кечнесъ“ (медвѣдь не пройдетъ). Самые величественные потоки низвергаются съ горы Алтынъ-Ту, съ почти отвѣснаго утеса въ 857 саженъ высотой, поднимающагося на юго-западномъ концѣ Телецкаго озера. На вершину этого утеса, разсказываютъ инородцы, пришелъ нѣкогда человѣкъ, обладавшій кускомъ золота величиною съ конскую голову. Всюду въ странѣ былъ голодъ, и человѣкъ этотъ не могъ получить за свое золото даже нѣсколькихъ зеренъ ячменя. Тогда, приведенный въ отчаяніе, человѣкъ бросилъ въ глубокія воды свое безполезное сокровище и проклялъ озеро. И съ этихъ поръ озеро стало называться у окрестныхъ инородцевъ „Золотымъ“ и „Проклятымъ“. Вода Телецкаго озера очень холодна, и на далекое пространство оно замѣтно охлаждаетъ воздухъ. Вѣроятно, по этой причинѣ на его берегахъ почти нѣтъ селеній, хотя оно и богато рыбой. Длина Телецкаго озера доходитъ до 73 вер., а ширина въ узкомъ западномъ концѣ — до 150 саженъ, а въ южномъ концѣ доходитъ до 5 верстъ. Глубина озера въ сѣверно-западномъ концѣ не превышаетъ 4—5 саженъ, зато въ сѣверной части доходитъ до 145 саженъ. Изъ другихъ алтайскихъ озеръ замѣчательны: Колыванское, Тальменье и Язевое. Колыванское озеро (4 верс. въ длину, 2 въ ширину, при наибольшей глубинѣ въ 12 саженъ) расположено среди послѣднихъ отроговъ горнаго Алтая, у сѣвернаго конца Колыванскаго хребта, какъ разъ на границѣ равнины. Озеро это чрезвычайно живописно и обставлено своеобразными гранитными утесами, напоминающими развалины замковъ, башенъ и т. п. Обильное рыбой Тальменье озеро, окруженное величественными горами, поросшими кедрами и лиственницами, отражаетъ въ своихъ спокойныхъ водахъ снѣговыя вершины сосѣднихъ горъ.

IV.

Почвы.

Отъ 62° сѣв. широты, начиная съ области высокостольныхъ лѣсовъ, лежитъ огромная полоса подзолистыхъ почвъ, покрытая вѣковой тайгой, а на самомъ югѣ этой полосы, на границѣ лѣсо-степи, залегаютъ сѣрые (лѣсные) суглинки, суглинки, похожіе на черноземъ, иловатые вдоль рѣчныхъ долинъ, и суглинки болотные. Южную часть лѣсо-степной полосы, именно южные уѣзды Тобольской губ., а также части уѣздовъ Бійскаго Барнаульскаго и Змѣиногорскаго Томской губ. занимаетъ черноземная почва. Въ Барабинской степи черноземъ залегаетъ по гривамъ и увалам, между которыми иногда расположены солонцеватыя почвы, въ видѣ пятенъ, почти совершенно не имѣющихъ растительности. Иногда соли въ почвѣ бываетъ такъ много, что въ сухую погоду поверхность такого солонца покрывается бѣлымъ налетомъ. Гривы одѣты черноземомъ также не сплошь, такъ какъ ихъ плоскія вершины обыкновенно заняты чуть замѣтными углубленіями, заросшими березовыми колками съ подзолистой лѣсной почвой. По своему происхожденію сибирскій черноземъ не отличается отъ южно-русскаго, но онъ не залегаетъ такой непрерывной широ-

кой полосой, какъ въ Европ. Россіи. Сибирскій черноземъ долженъ быть признанъ столь же плодородной почвой, какъ и черноземъ южно-русскій, и, если земледѣліе на немъ не всегда удачно, то лишь отъ сухого и непостояннаго климата. Тобольскіе черноземы залегаютъ въ такой полосѣ, гдѣ осадковъ гораздо меньше, чѣмъ въ черноземной полосѣ Евр. Россіи, и потому тамъ нельзя ожидать столь же обильныхъ и постоянныхъ урожаевъ. Что касается вѣчно мерзлой почвы, то она, кромѣ полосы тундръ, встрѣчается въ Западно-Сибирской низменности лишь тамъ, гдѣ средняя годовая температура равняется -2^0, и именно въ мѣстностяхъ низкихъ, гдѣ почвенныя воды близки къ поверхности и гдѣ послѣдняя покрыта очень толстымъ слоемъ мха, весьма плохо проводящимъ тепло. Такимъ образомъ, одна только средняя годовая t^0 въ -2^0 не вызываетъ еще вѣчной мерзлоты почвы.

Алтай Розсыпной водопадъ.

Каменная баба на Укекѣ.

V.

Растительность.

По растительности Западная Сибирь можетъ быть раздѣлена на четыре области: сѣверную, или тундровую, лѣсную, степную и альпійскую (горную, на Алтаѣ). Уже въ южной части тундры появляются острова хвойныхъ лѣсовъ — кедры, лиственницы, ели и на песчаныхъ почвахъ сосны. Въ области лѣсо-тундры (приблизительно къ югу отъ Обской и Тазовской губ.) на высокихъ берегахъ рѣкъ кедры и лиственницы иногда достигаютъ огромныхъ размѣровъ (до $3^1/_2$ арш. въ обхватѣ). Почва такихъ лѣсовъ одѣта моховымъ или лишайниковымъ покровомъ. Но въ открытыхъ мѣстахъ, гдѣ лѣса лишены защиты отъ сѣверныхъ вѣтровъ, они низкорослы, уродливы, деревья безъ верхушекъ и напоминаютъ кустарники. Съ праваго берега Оби начинается лѣсная полоса, гдѣ къ указаннымъ выше породамъ прибавляются сосна, береза и осина, съ преобладаніемъ хвойныхъ породъ, причемъ въ однѣхъ мѣстностяхъ главными деревьями оказываются пихты и ели (послѣднія иногда достигаютъ 42 саженъ высоты), въ другихъ сосны, а въ третьихъ растетъ смѣшанный лѣсъ (съ преобладаніемъ лиственницы и

кедра). Смѣшанные лѣса чаще всего встрѣчаются въ средней полосѣ лѣсной области Тобольской губ. и извѣстны подъ названіемъ „урмановъ“. Они поражаютъ своей мощью и своимъ дикимъ величіемъ. У корней вѣковыхъ деревьевъ лежатъ груды гніющихъ стволовъ и валежника, среди которыхъ поднимаются молодыя деревья, кустарники и высокія травы. Все это образуетъ непроходимую чащу, въ которую съ трудомъ проникаетъ солнечный лучъ. Всю сѣверную половину Томской губ. занимаютъ густые, сумрачные пихтово-еловые лѣса, гдѣ царятъ сырость и полумракъ, и гдѣ главными деревьями являются пихты. Кедръ, береза и осина нѣсколько разнообразятъ эти лѣса, извѣстные у мѣстнаго населенія подъ именемъ тайги. Тайга не представляетъ сплошного хвойнаго лѣса, такъ какъ среди нея встрѣчаются участки березы и осины (по мѣстному, „бѣльники“) и обширныя торфяныя болота. Въ сѣверныхъ предгорьяхъ Алтая, гдѣ мѣстность становится горной, гдѣ происходятъ частые лѣсные пожары, и идетъ порубка лѣсовъ, послѣдніе называются чернью. Пихта, ель и кедръ, иногда береза образуютъ непроходимую чернь по склонамъ горъ и по берегамъ рѣкъ. Хотя черневыя травы въ общемъ тѣ же, что и въ тайгѣ, но ни въ урманахъ, ни въ тайгѣ онѣ не достигаютъ такихъ огромныхъ размѣровъ, какъ въ черни. Нѣкоторыя, какъ ярко-синій шпорникъ, достигаютъ роста до 2 саж.; папоротники высотою въ ростъ человѣка. По такой травѣ ходить очень трудно; приходится раздвигать ее руками и едва передвигать ноги, потому что онѣ ежеминутно запутываются въ травѣ и валежникѣ, проваливаются въ пустые полусгнившіе пни и стволы или вязнутъ въ мокрой черной почвѣ; смотрѣть же подъ ноги впередъ очень трудно изъ-за густоты растительности. Въ другихъ мѣстахъ чернь состоитъ изъ березы съ примѣсью пихты, которая очень красиво выдѣляется на свѣтлой зелени березъ. Изъ другихъ деревьевъ въ черни встрѣчаются акація, черемуха и калина, травы состоятъ изъ зонтичныхъ и ангеликъ (по мѣстному, „пучекъ“), но мѣсто папоротниковъ занимаетъ огромныхъ размѣровъ осотъ. Сравнивая обѣ черни, можно сказать, что у осиновой красивъ низъ, а у березовой—верхъ. Менѣе красива чернь, состоящая изъ пихты и осины съ болѣе рѣдкой травой. Въ черневыхъ лѣсахъ въ

западныхъ предгорьяхъ Кузнецкаго Алатау сохранилась липа, иногда составляющая цѣлые лѣса, причемъ деревья достигаютъ 10—12 саженъ высоты. Лѣса средняго Алтая состоятъ преимущественно изъ лиственницъ и кедровъ. Свѣтлые лѣса лиственницъ, раздѣленные прогалинами, особенно хороши весной, когда воздухъ напитанъ фіалковымъ ароматомъ синихъ ирисовъ („кукушкины слезки"), а поляны усѣяны золотисто-желтымъ адонисомъ, крупными розовыми піонами („марьинъ корень"), ярко-оранжевыми „огоньками", темно-голубыми незабудками. Высоко на горы взбирается гордый кедръ; онъ особенно любитъ берега свѣтлыхъ алтайскихъ рѣчекъ. Избѣгая сосѣдства другихъ породъ, онъ растетъ сплошнымъ кедровникомъ и послѣднимъ изъ деревьевъ поднимается къ горнымъ альпійскимъ лугамъ. Презирая холода и вѣтра суровой зимы, онъ поднимается до крайняго предѣла лѣсной растительности; его корни, какъ толстые канаты, оплетаютъ каменныя глыбы, пока не исчезнутъ въ какой нибудь трещинѣ. Съ южной и восточной сторонъ его вѣтви обыкновенно сохнутъ и обваливаются (вслѣдствіе дѣйствія сухихъ степныхъ вѣтровъ), а онъ, простирая къ сѣверу уцѣлѣвшія вѣтви, цѣлыми столѣтіями сторожитъ недоступныя вершины и борется съ бурями и морозами суровой зимы. Вообще, всѣ древесныя породы, достигая на алтайскихъ горахъ границы своего распространенія, теряютъ свой обычный видъ — уменьшаются въ ростѣ, лишаются верхушекъ и т. п., напоминая деревья „края лѣсовъ" сѣверной части Западной Сибири. Кустарниковъ въ лѣсной части Алтая такъ много, какъ нигдѣ въ другихъ мѣстностяхъ Западной Сибири. На первомъ мѣстѣ стоятъ ягодные кустарники и деревья: малина, смородина, калина, рябина, черемуха, боярышникъ и рядъ другихъ: шиповникъ, бузина, жимолость и др. Почти во всѣхъ алтайскихъ долинахъ встрѣчаются или цѣлые лѣса обнаженныхъ стволовъ съ обугленными основаніями („гари"), или завалившіяся колоды, среди которыхъ поднимается молодая поросль. Это — послѣдствія лѣсныхъ пожаровъ, отъ которыхъ особенно страдаютъ пихта, ель, сосна и кедръ, какъ болѣе смолистыя и растущія тѣсно; лиственница страдаетъ меньше. Во время пожаровъ въ смѣшанныхъ лѣсахъ

огонь уничтожаетъ пихты, ели и кедры, но оставляетъ лиственницу.

Переходомъ отъ лѣсной растительности къ степной являются березовые лѣса въ такъ называемой лѣсо-степи Тобольской и Томской губ. Лѣса эти имѣютъ видъ острововъ, называемыхъ „колками“; въ нихъ преобладаетъ береза, но встрѣчается и осина, и разные кустарники (жимолость, смородина, можжевельникъ, шиповникъ и др.)

Участки со степной растительностью встрѣчаются во всѣхъ южныхъ уѣздахъ Тобольской губ., но болѣе или менѣе сплошныя пространства ея занимаютъ Кулундинскую степь (въ Барнаульск. у.), южную часть Барабы (въ Каинскомъ уѣздѣ Томской губ.), въ видѣ отдѣльныхъ участковъ вокругъ Салаирскаго хребта и на Алтаѣ между горными хребтами (Чуйская степь). Въ нѣкоторыхъ степныхъ участкахъ Тобольской губ. залегаетъ черноземъ, и они покрыты ковылемъ, дикимъ овсомъ и др. подобными растеніями, а изъ кустарниковъ на нихъ встрѣчаются шиповникъ, вишенникъ, таволга. Чисто-степныя растенія, свойственныя солончакамъ, доходятъ до сѣверныхъ уѣздовъ Тобольской губ. и проникаютъ въ лѣсную область по рѣчнымъ холмамъ, особенно по Оби и Иртышу. „Палы“ помогли южной степной растительности сопротивляться надвигающейся на степи растительности лѣсной. Къ степной близка и луговая растительность, напр., по Оби, Иртышу, Ишиму, Тоболу и др. Степная растительность въ Томской губ. богаче и разнообразнѣе, чѣмъ въ Тобольской. Барабинская и Кулундинская степи — цѣлое море таволги, иванъ-да-марьи, розовыхъ тысячелистниковъ, золотушниковъ, шиповниковъ высотою съ полсажени и множества другихъ растеній, мѣстами перепутанныхъ журавлинымъ горохомъ до такой степени, что идти по этой степи совершенно невозможно: зелень спутываетъ ноги. Изъ этого травяного моря кое-гдѣ выдаются лѣсные острова, а самой степи не видно и конца. Хотя мѣстные жители и называютъ эти березовые колки дубравами, но въ нихъ нѣтъ ни одного дуба. Какъ и въ предѣлахъ Тобольской губерніи, но чаще и въ бо̀льшихъ размѣрахъ, здѣсь встрѣчаются сосновые боры вдоль рѣчныхъ долинъ и между гривами, гдѣ залегаютъ песчаныя почвы. Въ этихъ борахъ въ изобиліи

растутъ клюва и брусника. Кромѣ песковъ, боры встрѣчаются и на „рямахъ“ (болотахъ), которые постепенно затягиваются и закрываются растительнымъ покровомъ. По долинамъ рѣчекъ, берегамъ озеръ и источникамъ встрѣчаются значительныя пространства солончаковъ съ полынью, въ южныхъ частяхъ камышемъ чіемъ и др. растеніями. У предгорій Алтая степь поросла коцюмъ и ковылемъ, желтовато-сѣрые пучки котораго, какъ вихры, торчатъ въ разныхъ мѣстахъ степи. Весною эта степь покрывается островами или сплошнымъ ковромъ изъ бѣлыхъ и фіолетовыхъ вѣтреницъ, яркожелтыхъ стародубокъ, ковыля, лука и др. На самыхъ предгорьяхъ Алтая появляются кустарники — таволга, жимолость, шиповникъ, каргана, образующія большія заросли. Здѣсь уже появляются растенія, которыя нигдѣ, кромѣ Алтая, не встрѣчаются, какъ, наприм., алтайскій тюльпанъ, сибирскій барбарисъ и др. Въ узкихъ долинахъ растутъ очень высокія и густыя травы. Въ степяхъ, заброшенныхъ на значительную высоту, древесной растительности, кромѣ низкорослыхъ ивъ и тополей, совсѣмъ нѣтъ, а травяная очень скудна: на дресвяной почвѣ среди камней ютятся различныя низкорослыя, сѣровато-войлочныя растенія. Эти степи (на плоскогоріи Укэкѣ) имѣютъ уже отпечатокъ сосѣдней монгольской флоры.

Область горныхъ луговъ (альпійская растительность) начинается на алтайскихъ хребтахъ выше лѣсного предѣла (930—1140 саж.), у самаго края лѣсовъ ели и кедры остаются внизу, только лиственница доходитъ до начала горныхъ луговъ, да и то послѣдніе ряды деревьевъ стоятъ врозсыпную и по большей части имѣютъ видъ сухихъ стволовъ. Коверъ луговъ: поражающій яркой зеленью и разнообразной окраской цвѣтовъ, раскинулся почти до самыхъ снѣговъ. Нѣжно-розовые первоцвѣты, ярко-синіе горечавки, ярко-красные и желтые узорчатые мытники, ярко-оранжевые купальницы (огоньки), синіе змѣеголовники, незабудки, цвѣтныя фіалки, альпійскій желтый макъ и др. цвѣты образуютъ необыкновенно яркій и пестрый коверъ, покрывающій нижнюю часть горныхъ луговъ. Коверъ этотъ стелется все выше и выше къ скаламъ и вѣчнымъ снѣгамъ, но постепенно блѣднѣетъ, рѣдѣетъ, становится тоньше многія растенія начинаютъ отставать, страшась холода горныхъ

высотъ. Но горечавки, незабудки и фіалки, ростомъ уже въ вершокъ, карабкаются все выше и выше, пользуясь каждой трещиной, гдѣ только можно уцѣпиться корнями. Даже посреди снѣжнаго поля, гдѣ позволяетъ почва, свободно раскидываются яркіе коврики такихъ карликовъ, а подлѣ тающихъ снѣговъ цвѣтетъ алтайскій лютикъ, чашечка котораго густо покрыта темно-коричневыми волосками. Алтайскіе горные цвѣты на такихъ высотахъ выработали себѣ особыя средства борьбы съ суровымъ климатомъ этихъ мѣстностей: они очень мелки, покрыты пушкомъ, на ночь свертываютъ свои лепестки. Снѣгъ, нерѣдко падающій въ срединѣ лѣта, заваливаетъ эти цвѣты, не вредя имъ. Послѣ того, какъ снѣгъ стаетъ, они продолжаютъ цвѣсти по прежнему; имъ не мѣшаютъ оканчивать свое цвѣтеніе и кусочки льда, въ который обращаются капли воды, скопившіяся въ цвѣточной чашечкѣ. Самый верхній поясъ растительности состоитъ, какъ и всюду, изъ лишайниковъ, которые одни владѣютъ горными вершинами, поднимающимися надъ вѣчными снѣгами и ледниками. На самыхъ снѣгахъ одинъ растительный видъ, красная водоросль, образуетъ иногда такой налетъ, что они даже издали пріобрѣтаютъ красноватый цвѣтъ, который особенно усиливается при сдавливаніи снѣга, напр., подъ слѣдами. На восточныхъ хребтахъ вообще растительность становится скуднѣе вслѣдствіе болѣе низкой температуры, большей высоты, преобладанія открытыхъ каменистыхъ плоскогорій. На плоскогоріи Укэкъ растительность напоминаетъ даже полярную тундру, особенно если глазъ можетъ сразу охватить нѣсколько верстъ кругомъ.

Въ алтайскихъ лиственныхъ и черневыхъ лѣсахъ и на лугахъ встрѣчаются растенія, которыя въ дикомъ видѣ приносятъ пользу человѣку, употребляющаго ихъ въ пищу: черемша́, или колба́ (изъ породы лука), кандыкъ (мучнистый корень), сарана́ (мучнистые клубни, оба изъ породы лилейныхъ), кырлыкъ (родъ дикой гречихи), баданъ (большелистная каменоломка, горное растеніе, употребляющееся вмѣсто чая) и др.

Почти десятая часть всѣхъ алтайскихъ растеній принадлежитъ къ чисто-мѣстнымъ и заселяетъ преимущественно Чуйскую степь и прилегающія мѣстности. Въ суровой Чуйской степи, со снѣжными бурями въ іюлѣ, возникаетъ новая рас-

тительность для заселенія равнинъ — одно изъ доказательствъ могучихъ творческихъ силъ природы.

Сравнивая растительность Алтая съ растительностью, напр., швейцарскихъ Альпъ, можно найти между ними большое сходство въ лѣсной и отчасти въ горныхъ полосахъ, но рѣзкую разницу въ нижнемъ поясѣ и отчасти степной области горъ вслѣдствіе суровости и сухости климата Алтая. Суровость и сухость алтайскаго климата должны очень препятствовать разведенію даже въ наиболѣе теплыхъ долинахъ Алтая плодовыхъ деревьевъ средней Россіи (яблони, вишни). Затѣмъ особенность алтайской растительности составляетъ отсутствіе широколиственныхъ лѣсовъ (за исключеніемъ остатковъ липы въ Кузнецкомъ Алтаѣ) и обиліе кустарниковъ (до 40 видовъ).

VI.

Животный міръ.

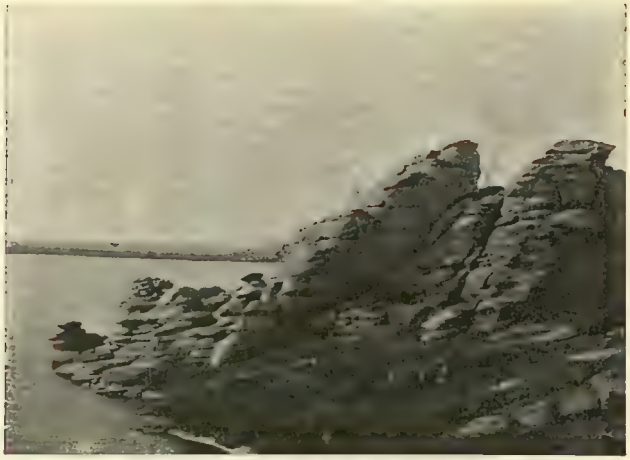
Хотя Западная Сибирь занимаетъ огромную площадь, однако ея животный міръ далеко не столь разнообразенъ, какъ можно было бы ожидать по ея пространству. Урманы и тайги лѣсной полосы вообще сравнительно бѣдны животными.

Животное населеніе ихъ обыкновенно скучивается въ немногихъ болѣе открытыхъ участкахъ.

Изъ крупныхъ животныхъ въ лѣсной полосѣ обитаютъ лось и бурый медвѣдь. Во многихъ мѣстностяхъ встрѣчаются дикій таежный сѣверный олень. Изъ другихъ болѣе крупныхъ животныхъ въ тайгѣ водятся еще выдра, рысь и барсукъ. Изъ промысловыхъ животныхъ въ западно-сибирскихъ лѣсахъ слѣдуетъ прежде всего отмѣтить бѣлку. Чѣмъ далѣе къ востоку, тѣмъ мѣхъ ея становится темнѣе; впрочемъ, зимой эта бѣлка бываетъ лишь свѣтло-сѣраго цвѣта. Лучшая бѣлка водится въ кедровыхъ лѣсахъ; извѣстно, что кедровые орѣхи составляютъ ея любимую пищу. Иногда бѣлки отъ недостатка пищи или отъ какихъ-то другихъ, еще неизвѣстныхъ причинъ, совершаютъ очень далекія переселенія, пробѣгаютъ, не останавливаясь, цѣлые лѣса. Изъ другихъ грызуновъ можно еще отмѣтить полосатаго бурундука и весьма рѣдкаго бобра.

Долина р. Бѣлой Берели (Алтай).

Водопадъ на р. Быстрой.



Восточный берегъ Колыванскаго озера.

Маралъ (олень).

Въ дремучихъ сѣверныхъ лѣсахъ сохранился еще соболь. Онъ быстро бѣгаетъ по землѣ, проворно взбирается на деревья и прыгаетъ съ одного на другое на значительное разстояніе. Питается онъ преимущественно бѣлками, хорьками, мышами, давитъ рябчиковъ, глухарей, тетеревей. Соболь, какъ и бѣлка становится темнѣе къ востоку. Хотя западно-сибирскій соболь по цвѣту и густотѣ мѣха считается низкимъ (лучшіе нарымскіе и березовскіе), однако за послѣднія 40—50 лѣтъ онъ тоже истребленъ почти совершенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ раньше встрѣчался часто. Лисица сибирскихъ лѣсовъ вообще больше ростомъ чѣмъ европейская, и чѣмъ далѣе на востокъ и ближе къ сѣверу, тѣмъ мѣхъ ея дѣлается гуще и темнѣе. Изрѣдка попадаются лисицы буро-желтыя (сиводушки) и еще рѣже черно-бурыя. Горностай водится повсюду въ Западной Сибири, и тамъ онъ ростомъ болѣе, чѣмъ въ Сибири восточной. Родственные съ горностаемъ колонокъ (рыжеватый) и ласка распространены по всему краю до Алтая.

Въ открытыхъ мѣстахъ лѣсной полосы водятся зайцы-бѣляки, сѣрые лѣтомъ и бѣлые, какъ снѣгъ, зимой. Изъ птичьяго населенія лѣсной полосы слѣдуетъ отмѣтить глухаря, тетерева, рябчика; мясо послѣдняго вкуснѣе, чѣмъ европейскаго. Въ таежныхъ лѣсахъ встрѣчаются рыжеголовыя чайки, красивыя птицы съ крыльями бѣлаго, чернаго и голубого цвѣтовъ, кедровки, распространенныя въ кедровыхъ лѣсахъ; изъ хищныхъ— беркуты, кречеты, сарычи, филины, совы. Обыкновенны также вороны, воробьи; встрѣчаются кукушки, клесты, синицы, снѣгири, скворцы и др. Пресмыкающихся въ таежной полосѣ почти нѣтъ, за исключеніемъ ужа и кое-гдѣ гадюки; изъ насѣкомыхъ — немногіе, сравнительно, виды жуковъ и бабочекъ, зато очень много кусающихъ двукрылыхъ, т. н. „гнуса“ — комары, мошки, слѣпни, овода. Изъ-за гнуса пребываніе въ тайгѣ въ лѣтнее время очень тяжело для человѣка. Гнусъ исчезаетъ только съ первымъ снѣгомъ, а появляется въ маѣ.

Въ многочисленныхъ рѣкахъ и озерахъ лѣсной полосы (среднее теченіе Оби съ ея притоками приблизительно до г. Березова на сѣверѣ) водится много видовъ различныхъ рыбъ, которыя можно раздѣлить на мѣстныхъ и проходныхъ. Ежегодно, какъ только вскроются рѣки, въ Обь входятъ изъ

Ледовитаго океана нельма, сельдь, сырокъ, муксунъ, пыжьянъ, таймень, осетръ. Эти рыбы (каждая порода отдѣльно и въ разное время) весной не поднимаются далеко вверхъ отъ устья Оби, потому что находятъ въ залитыхъ прибрежныхъ лугахъ обильную пищу въ видѣ личинокъ, насѣкомыхъ, мелкихъ ракообразныхъ и т. п., и только къ осени, съ убылью воды, поднимаются вверхъ по рѣкѣ въ лѣсную область, а нѣкоторыя даже до верховья Оби, именно муксунъ, сырокъ, осетръ и нельма. Къ мѣстнымъ рыбамъ лѣсной полосы принадлежатъ карпъ, линь, гольянъ, которые водятся въ озерахъ или малопроточной водѣ; ерши, окуни, щуки, плотва и язи живутъ и въ стоячихъ, и въ проточныхъ водахъ. Стерляди особенно много въ Иртышѣ и, вообще, она попадается только въ рѣкахъ. Появляющійся временами на нижней Оби (иногда и на нижнемъ Иртышѣ) „ржавчина“ или „заморъ“ оказываетъ значительное вліяніе на ходъ рыбы, которая или гибнетъ, или уходитъ внизъ или въ притоки.

Въ лѣсо-степной полосѣ изъ млекопитающихъ обыкновенны грызуны: хомяки, суслики разныхъ видовъ, также хорекъ, ежъ, кротъ, волки, которые сравнительно рѣдки въ таежной полосѣ, и лисица-корсакъ. Птичье населеніе этой полосы гораздо многочисленнѣе, чѣмъ въ тайгѣ: овсянки, снѣгири, чечотки, коноплянки—обычные обитатели лѣсовъ и рощъ этой полосы. Кое-гдѣ попадаются и нѣкоторые виды соловья. Изъ хищныхъ птицъ здѣсь обыкновенны кобчики, кречеты, беркуты, луни. Въ степныхъ мѣстностяхъ, кругомъ озеръ, водится водяная птица; особенно много разныхъ видовъ куликовъ. У барабинскихъ озеръ встрѣчается баба-птица (пеликанъ) и бакланы. Въ рощахъ и на склонахъ уваловъ и гривъ не рѣдки ужи и гадюки. Изъ вредныхъ насѣкомыхъ этой полосы преимущественно чисто-степнымъ мѣстностямъ свойственна кобылка. Рыбы этой полосы тожественны съ таежными. Въ озерахъ Барабинской и Кулундинской степей водится только „бѣлая рыба“ — карась, щуки, елецъ. Слизняковъ въ Зап. Сибири вообще очень мало; рѣчной ракъ былъ разведенъ, повидимому, искусственно въ 1870-хъ годахъ въ бассейнѣ Иртыша. Такимъ образомъ, въ общемъ животный міръ Зап.-Сибирской низменности

не отличается рѣзко отъ прилежащихъ мѣстностей къ западу отъ Урала.

Что касается Алтая, то онъ обладаетъ не только видами, свойственными лѣснымъ и лѣсостепнымъ мѣстностямъ, но и многими чисто-мѣстными, которыхъ нѣтъ въ другихъ частяхъ Западной Сибири. Кромѣ медвѣдей, сѣрыхъ волковъ, лисицъ, соболей, горностаевъ, на Алтаѣ встрѣчаются черные волки, особый видъ краснаго волка, дикая кошка (мануль), изрѣдка барсъ, особые виды сусликовъ, зайцевъ, тушканчиковъ, хомяковъ, алтайскій сурокъ, земляная медвѣдка, сѣноставки. Послѣднія получили свое имя отъ привычки запасать на зиму правильныя кучки сѣна, преимущественно изъ кипрея. На горахъ южняго Алтая водятся горные козлы и горные бараны (архары), мускусная кабарга, козуля (встрѣчающаяся и на Уралѣ) и маралы (видъ благороднаго оленя). Горный козелъ свѣтло-сѣраго цвѣта, съ рогами до 1—1 1/2 арш. длиной (у самцевъ). Съ изумительной легкостью перепрыгивая съ одного горнаго уступа на другой, не обращая вниманія на раскрывающіяся подъ ихъ ногами пропасти, горные козлы пасутся на почти недоступныхъ альпійскихъ лугахъ. Маралъ — высокое, стройное животное съ блестящими живыми, черными глазами, съ красивой головой, увѣнчанной вѣтвистыми рогами. Цвѣтъ шерсти марала зимой сѣровато-бурый и сѣровато-красноватый лѣтомъ. Въ южномъ Алтаѣ мараловъ ловятъ и держатъ въ особыхъ загонахъ (маральникахъ) изъ-за молодыхъ, еще мягкихъ весною роговъ (пантовъ), которые за дорогую цѣну покупаются китайцами, пользующими ими, какъ особымъ лѣкарственнымъ средствомъ. Алтайскіе крестьяне разводятъ мѣстами, кромѣ обыкновеннаго рогатаго скота, также монгольскихъ яковъ, съ гривой и безрогихъ. Кромѣ птицъ, свойственныхъ вообще Западной Сибири, на Алтаѣ водится горная индѣйка, живущая въ труднодоступныхъ скалистыхъ мѣстахъ, нѣсколько видовъ куропатокъ, каменная или альпійская ворона (съ красными ногами и клювомъ), альпійская галка, желтый пѣтушекъ или удодъ, золотистая щурка, розовый скворецъ, альпійская ласточка, китайскій гусь, журавль-красавка и др., а въ степяхъ Алтая — характерный рябокъ-бульдурюкъ. Изъ пресмыкающихся, кромѣ ужей и гадюки, на Алтаѣ встрѣчаются и другіе виды змѣй

(нѣкоторыя очень ядовиты). Городъ Змѣиногорскъ получилъ свое имя отъ множества змѣй, встрѣчавшихся въ его окрестностяхъ. Извѣстенъ еще особый видъ алтайской лягушки. Алтайскія рѣки и озера богаты мѣстными породами рыбъ, особенно любящихъ чистыя, прозрачныя озера и быстрыя горныя и луговыя рѣчки: форель, харіусъ (хайрюсъ), голецъ, елецъ, телецкая сельдь, таймень и др. Таймени тамъ такъ распространены, что многія деревни вдоль теченія рѣчекъ называются Таймеиьками. Горные лѣса Алтая въ лѣтнее время изобилуютъ „гнусомъ“, особенно на горныхъ скатахъ, гдѣ густая трава и обиліе воды весьма способствуютъ его размноженію. Міръ насѣкомыхъ Алтая гораздо разнообразнѣе, чѣмъ въ Западно-Сибирской низменности; встрѣчаются красивыя бабочки, жужелицы, прямокрылыя вродѣ саранчи, вредящія посѣвамъ кобылки и многіе виды мухъ.

Тайга.

VII.

Населеніе Западной Сибири.

Въ предѣлахъ Западной Сибири живетъ не менѣе 5 мил. человѣкъ, изъ которыхъ около 2 мил. приходится на Тобольскую и нѣсколько болѣе 3 мил. на Томскую губ. Населеніе это распредѣлено крайне неравномѣрно. Огромныя тундровыя и таежныя полосы населены такъ скудно, что тамъ насчитывается менѣе одного человѣка на квадратную версту. Нѣсколько гуще населеніе въ южной окраинѣ таежной полосы (1—6 чел.) и наибольшей густоты достигаетъ въ лѣсо-степной полосѣ, соотвѣтствующей южнымъ уѣздамъ Тобольской и Томской губ. Изъ этихъ уѣздовъ плотнѣе всего заселены въ Тобольской губ. Ялуторовскій и особенно Курганскій уѣздъ, а въ Томской—Бійскій и Барнаульскій. Этотъ послѣдній заселяется все болѣе и болѣе и скоро сдѣлается самымъ населеннымъ уѣздомъ Западной Сибири. Какъ увидимъ ниже, населеніе Западной Сибири возрастало не столько вслѣдствіе естественнаго прироста, сколько по причинѣ особеннаго наплыва переселенцевъ именно въ эти губерніи. Этимъ объясняется и почти одинаковое количество мужчинъ и женщинъ въ обѣихъ западносибирскихъ губерніяхъ, въ то время какъ въ восточно-сибир-

скихъ мужчинъ значительно болѣе женщинъ, и чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ перевѣсъ мужчинъ надъ женщинами все замѣтнѣе. Въ Тобольской губ. въ 1908 г. замѣчался даже нѣкоторый, хотя очень небольшой, избытокъ женщинъ, а въ Томской послѣднихъ было лишь немногимъ меньше мужчинъ. Приростъ населенія за послѣднее время отмѣчается, главнымъ образомъ въ различныхъ уѣздахъ Томской губ.: въ Томскомъ и Каинскомъ оно увеличилось болѣе чѣмъ въ два раза, въ Маріинскомъ въ три, въ Барнаульскомъ, Бійскомъ и Усть-Каменогорскомъ болѣе чѣмъ въ четыре раза.

По составу своего населенія Западная Сибирь — страна исключительно крестьянская (почти $^9/_{10}$ ея населенія — крестьяне) и сельская: въ ней всего 21 городъ, и ея городское населеніе составляетъ лишь $6^0/_0$, между тѣмъ какъ сельское и кочевое $94^0/_0$. По племенному составу З. Сибирь — страна великорусская: великоруссовъ тамъ до $87^0/_0$, въ то время, какъ малоруссовъ всего $4^0/_0$, татаръ $4^1/_2{}^0/_0$, а остальныхъ народностей отъ $1^0/_0$ до $1^1/_2{}^0/_0$. По вѣроисповѣдному составу, въ Западной Сибири преобладаютъ православные и старообрядцы (до $94^0/_0$), прочихъ христіанъ всего $1^0/_0$, магометанъ $3^1/_2{}^0/_0$, прочихъ нехристіанъ всего $1^1/_2{}^0/_0$.

Относительно древнѣйшихъ обитателей Западной Сибири, жившихъ тамъ задолго до появленія русскихъ, можно составить лишь самое общее понятіе на основаніи находимыхъ случайно древностей, могильныхъ кургановъ, каменныхъ „бабъ“, изображеній и надписей на скалахъ въ южной Сибири и т. п. По всей вѣроятности, въ древнѣйшія времена въ Западной Сибири преобладали угро-финскія племена, извѣстныя въ нашихъ лѣтописяхъ и преданіяхъ подъ именемъ „чуди“. Въ китайскихъ лѣтописяхъ имѣются указанія на свѣтловолосыя и свѣтлоглазыя племена, жившія къ сѣверу отъ Саянскихъ горъ, и на столкновенія, которыя имѣли съ ними племена тюркскія. Въ средней полосѣ Западной Сибири жили, по китайскимъ извѣстіямъ, диньлини, бѣлокурые, рыжеватые, голубоглазые. Между Обью и Енисеемъ даже до верховьевъ послѣдняго, жили бѣлокурые и голубоглазые хакасы. Они занимались земледѣліемъ и торговлей и имѣли даже письменность. Къ западу отъ нихъ, въ Алтаѣ, жили дулгасцы.

Имъ, вѣроятно, принадлежатъ надписи на бухтарминскихъ камняхъ, писанныя краской. Къ сѣверу отъ хакасовъ, по китайскимъ преданіямъ, жило также какое-то бѣлокурое племя. Но въ III вѣкѣ на Алтаѣ, который, по своему географическому положенію, оказался какъ бы торной дорогой для приалтайскихъ народовъ въ ихъ движеніи съ востока на западъ, появились тюркскія племена, часть которыхъ осѣла тамъ и вступила въ борьбу съ пришедшими раньше. Это были хунны, а потомъ жунжунь. Въ VII в. Алтаемъ владѣлъ жунжунскій ханъ. Раньше занимавшіе Алтай угро-финскіе, или угро-самоѣдскіе народы были или оттѣснены на сѣверъ, или смѣшались съ новыми пришельцами; такъ, уже въ VIII в. хакасы, въ предѣлахъ нынѣшней Томской губ., жили смѣшанно съ тюрками. Древнѣйшіе обитатели Алтая, еще до появленія тюркскихъ племенъ, занимались добываніемъ и обработкой металловъ. Еще греческій писатель Геродотъ говоритъ о какой-то странѣ, гдѣ земля замерзаетъ на восемь мѣсяцевъ въ году, и гдѣ живутъ грифы, у которыхъ похищали золото аримаспы. Можетъ быть, это — Алтай, но возможно, что и Уралъ, гдѣ золото добывается и теперь. Древніе жители Алтая, кромѣ добычи золота, въ большихъ глиняныхъ тигляхъ плавили мѣдную и серебряную руду. Желѣзо было еще въ то время имъ неизвѣстно. Въ концѣ XVIII в. въ Змѣиногорскомъ рудникѣ былъ найденъ остовъ древняго рудокопа, задавленнаго обваломъ, съ инструментами и кожаной сумой, наполненной отборной охристой рудой. Водворившіяся на Алтаѣ тюркскія племена ослабляли себя постоянными раздорами и въ XIII в. были покорены монгольскими племенами, двигавшимися на западъ изъ глубины средней Азіи. Это передвиженіе монголовъ на западъ оттѣснило къ сѣверу остатки угровъ и способствовало окончательному смѣшенію съ монголами тѣхъ тюрокъ, которые остались на своихъ мѣстахъ. Послѣ распаденія Золотой орды сибирскіе татары основали на р. Ишимѣ свое независимое царство. Въ половинѣ XIV столѣтія въ этомъ царствѣ произошло междуусобіе, и бекъ Чинги, убившій хана Она и боявшійся мести со стороны родственниковъ послѣдняго, перенесъ свою столицу на р. Туру, гдѣ и основалъ городъ Чинги-Тура (нынѣ Тюмень). Но на Ишимѣ также ос-

новалось независимое царство, и его ханъ Ибакъ началъ войну съ отложившимся новымъ ханствомъ, но былъ убитъ Магметомъ, потомкомъ Чинги, который перенесъ свою столицу на Иртышъ (около 1495 г.) на мѣсто остцкаго города, гдѣ и основалъ Искеръ, въ 16 в. отъ нынѣшняго Тобольска. Въ Чинги-Тура осталось независимое ханство. Жители ханства продолжали свое отдѣльное существованіе до Кучума, который, вторгнувшись съ юга, вѣроятно, въ своемъ движеніи на сѣверъ съ киргизъ-кайсаками, побѣдилъ царя Едигера и сдѣлался властелиномъ всей Сибирской земли. Это было всего за нѣсколько десятковъ лѣтъ до Ермака. Сибирское царство при Кучумѣ по Иртышу простиралось къ сѣверу далеко за устье Тобола, и ему были подвластны сѣверные роды остяковъ; на западъ по Тоболу оно доходило почти до Урала, на югъ до Ишима, а на востокъ почти до лѣваго берега Оби. Впервые слово „Сибирь“, какъ названіе города, появляется уже на картѣ Франческо и Доменико Тицигани (1367 г.), потомъ встрѣчается, и на картѣ фра Мауро (1459 г.). Русскимъ, именно новгородцамъ, сѣверо-западная часть Сибири, къ востоку отъ Урала до низовьевъ Оби, была извѣстна еще за нѣсколько столѣтій до Ермака подъ именемъ Югорской земли или „Восточной страны“. Въ новгородскихъ лѣтописяхъ при упоминаніи о первыхъ походахъ за Уралъ, имя Сибири еще не встрѣчается и въ первый разъ она называется Сибирской землей при описаніи походовъ 1483 г. Занятіе русскими громадной площади Западной Сибири произошло въ очень короткое время сравнительно съ ея пространствомъ. Немедленно послѣ занятія Ермакомъ Искера началось движеніе русскихъ вверхъ и внизъ по Оби и вверхъ по Иртышу. До 90-хъ годовъ XVI в. были основаны Тюмень и Тобольскъ. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ этого столѣтія русскіе поселенія основались и внизъ по Оби (Березовъ и Обдорскъ), и вверхъ по этой рѣкѣ (Сургутъ, Нарымъ и Кетскъ), вверхъ по Иртышу (Тара). Въ самомъ началѣ XVII в. русскіе уже такъ подвинулись въ верховья Оби, что въ 1604 г. былъ основанъ Томскъ, а въ 1618 г. Кузнецкъ въ предгорьяхъ Алтая. Рѣка Обь была „вывершена“ въ 25 лѣтъ. Послѣ этого наступилъ перерывъ въ дѣлѣ русскаго заселенія Западной Сибири,

особенно продолжительный для ея юго-восточнаго угла, Алтая. Необходимость укрѣпиться на занятыхъ мѣстахъ и тревоги Смутнаго времени, отразившіяся и на отдаленной Сибири, позволили только съ 30-хъ годовъ XVII в. продолжать заселеніе нынѣшныхъ южныхъ уѣздовъ Тобольской губ. — Ялуторовскаго, Курганскаго и Ишимскаго. Для защиты мирнаго земледѣльческаго населенія отъ набѣговъ съ юга начали основываться укрѣпленія — остроги. Въ XVIII столѣтіи русскія укрѣпленія продвинулись еще южнѣе (Ишимская линія). Въ юго-восточномъ направленіи эта линія укрѣпленій захватила и нынѣшнюю Томскую губ. (уѣзды Каинскій, Томскій, Барнаульскій и часть Бійскаго). Въ половинѣ XVIII в. проведеніемъ еще болѣе южной линіи укрѣпленій (Прѣсногорьковской) вся нынѣшняя Тобольская губ. была уже вполнѣ обезпечена отъ внѣшнихъ враговъ, и плодородная черноземная лѣсостепь открылась для заселенія до самыхъ южныхъ своихъ предѣловъ. Занятіе Алтая, пріостановившееся болѣе, чѣмъ на 80 лѣтъ, снова началось въ первыхъ годахъ XVIII вѣка, когда, послѣ основанія укрѣпленій по Иртышу, отрѣзавшихъ Алтай отъ киргизскихъ степей, — край этотъ началъ переходить въ русскія руки. Въ концѣ первой четверти двадцатыхъ годовъ XVIII в. на Алтаѣ была найдена Демидовымъ мѣдная руда, и съ этого времени правительство начало усиленно заботиться о заселеніи Алтая. Къ возникшему Колыванскому заводу правительство перевело и приписало крестьянъ изъ сосѣднихъ округовъ Томскаго и Знецкаго, направляло туда уголовныхъ ссыльныхъ и поселило тамъ русскихъ подданныхъ-старообрядцевъ, бѣжавшихъ изъ русскихъ предѣловъ въ Стародубье и на Вѣтку, когда они еще принадлежали Польшѣ. Послѣ того, какъ при Екатеринѣ II, Западный край былъ присоединенъ къ Россіи, эти бѣглые русскіе подданные были переселены на Алтай. Правительство особенно старалось заселить Алтай послѣ того, какъ въ концѣ царствованія Елизаветы Петровны сначала Колыванскій заводъ, а потомъ и значительная часть всего Алтая были объявлены личной собственностью царствующаго Дома (Кабинетскія земли). Для охраны населенія отъ нападеній со стороны киргизскихъ степей и Монголіи, на Алтаѣ былъ основанъ рядъ укрѣпленій (форпостовъ) и была послана

сотня казаковъ. Нѣкоторые изъ старообрядцевъ, не желая подчиниться принудительнымъ работамъ на казенныхъ заводахъ и рудникахъ, бѣжали въ китайскіе предѣлы. Въ концѣ XVIII в. они просили Екатерину II о прощеніи, вновь были приняты въ русское подданство и поселены въ долинахъ южнаго Алтая.

Охотникъ съ убитымъ архаромъ.

Остяки.

Остякъ — охотникъ.

VIII.

Инородцы Западной Сибири.

Въ предѣлахъ Западной Сибири инородцы составляютъ весьма незначительную часть населенія — около 6%. Первымъ племенемъ сибирскихъ инородцевъ, съ которымъ встрѣчались русскіе, проникавшіе въ Сибирь черезъ Уралъ, были вогулы (югра). Въ настоящее время вогулы, въ количествѣ всего до 7000, живутъ въ сѣверо-западной части Тобольской губ., въ Тобольскомъ, Туринскомъ и Березовскомъ уѣздахъ (въ послѣднемъ по верховьямъ р. Сосвы и по Сыгвѣ), часть вогуловъ переходитъ и въ Пермскую губ. Вогулы принадлежатъ къ древнимъ финно-угорскимъ племенамъ, въ древнѣйшія времена обитавшимъ по Уралу. Они средняго, даже, ниже средняго роста, съ круглымъ лицомъ, съ немного выступающими скулами, съ широкимъ, но не плоскимъ носомъ, обыкновенно темнорусые и темноглазые, рѣдко свѣтловолосые. Въ прежнее время вогулы были гораздо болѣе многочисленны и очень безпокоили первыя русскія поселенія на Уралѣ. Еще Ермаку пришлось выдержать съ ними цѣлый рядъ битвъ. Затѣмъ, въ самомъ началѣ XVII в., они поднимали неудачныя возстанія,

но, постепенно подавляемые, превратились въ нынѣшнихъ покорныхъ, безотвѣтныхъ, лѣнивыхъ, обнищавшихъ инородцевъ; большинство ихъ ведетъ полукочевой образъ жизни. Зимой вогулы живутъ въ небольшихъ селеніяхъ, рѣдко состоящихъ болѣе, чѣмъ изъ 10 безпорядочно разбросанныхъ юртъ, бревенчатыхъ построекъ, въ родѣ курныхъ крестьянскихъ избъ, куда свѣтъ проникаетъ черезъ небольшія окошки, обыкновенно затянутыя бумагой или рыбьей кожей, и съ чуваломъ вмѣсто печи (родъ камина), изъ котораго дымъ выходитъ черезъ отверстіе въ потолкѣ. При юртѣ нѣтъ почти никакихъ надворныхъ построекъ. Сѣверные вогулы на лѣто перебираются въ берестяныя юрты на высокихъ рѣчныхъ берегахъ. Болѣе зажиточные вогулы живутъ въ избахъ, мало чѣмъ отличающихся отъ жилищъ бѣдныхъ русскихъ крестьянъ и по внутренней обстановкѣ; только въ нихъ больше грязи и копоти и меньше надворныхъ построекъ. По одеждѣ вогулы теперь мало отличаются отъ русскихъ; только женщины по праздникамъ надѣваютъ рубашки съ узорами изъ разноцвѣтной шерсти, цвѣтныя юбки и на голову родъ колпака, расшитаго бисеромъ. Свое существованіе вогулы теперь поддерживаютъ, главнымъ образомъ, рыболовствомъ, звѣроловствомъ, сборомъ брусники и кедровыхъ орѣховъ. Хлѣбопашество у нихъ существуетъ только какъ подспорье, да и далеко не всюду, хотя безъ хлѣба, какъ и безъ соли, они теперь уже не могутъ обойтись. Хотя всѣ вогулы крещены еще въ XVIII в., однако и теперь они приносятъ жертвы своимъ прежнимъ богамъ. И теперь въ селахъ Нахрачинскомъ и Троицкомъ Тобольскаго у. существуютъ потомки прежнихъ жрецовъ, еще поддерживающіе старинную языческую вѣру вогуловъ, а въ глухихъ чащахъ, куда трудно проникнуть, хранятся и идолы. По вѣрованію вогуловъ, каждый человѣкъ, кромѣ души и тѣла, имѣетъ еще и тѣнь. Послѣ смерти человѣка душа его переходитъ въ тѣло какого нибудь ребенка, а тѣнь отправляется въ подземное царство и находится тамъ столько времени, сколько живетъ самъ человѣкъ, послѣ чего начинаетъ уменьшаться, доходитъ до величины маленькаго жучка и наконецъ исчезаетъ совершенно. Богопочитаніе вогуловъ похоже на дѣловую мировую сдѣлку, принося жертву, вогулъ торгуется со своимъ

богомъ; „если убью трехъ соболей, тебѣ одинъ“. Особенно вогулы почитаютъ медвѣдя: передъ убитымъ медвѣдемъ они извиняются, оправдываются („убилъ тебя не я, а русскій“), устраиваютъ въ честь его умилостивительный пиръ, причемъ совершается родъ театральнаго представленія, участвующіе въ которомъ надѣваютъ изъ древенской коры маски съ длиннымъ носомъ. По мнѣнію вогуловъ, медвѣдь губитъ только тѣхъ людей, которые въ чемъ либо провинились. Первый медвѣдь былъ спущенъ Божествомъ съ неба и до сихъ поръ еще живетъ въ Уральскихъ горахъ, а другіе раньше были людьми, но за разные грѣхи и преступленія были обращены въ медвѣдей. Въ настоящее время вогулы — народъ очень бѣдный, опустившійся, вымирающій; среди нихъ очень распространено пьянство, занесенное къ нимъ русскими. Остяки, также угорское племя, родственное вогуламъ по типу и языку, живетъ въ количествѣ приблизительно до 25,000 въ Березовскомъ, Сургутскомъ и Тобольскомъ уѣздахъ Тобольской губ. и въ Васюганской тундрѣ по р. Васюгану, въ Нарымскомъ краѣ въ Томской губ. Сперва они были извѣстны русскимъ подъ общемъ именемъ югры, отъ зырянскаго „jögra“, что значитъ „грубый“, „дикій“, а потомъ русскіе усвоили татарское названіе этого народа „уштякъ“, что означаетъ тоже „грубый“, „дикій“. По наружности остяки довольно сходны въ вогулами, но ростъ ихъ еще меньше, сложеніе сравнительно слабое, грудь часто впалая, лицо нѣсколько скуластое, смуглое, волосы тоже темнорусые или черные, глаза темнокаріе. Форма головы у нихъ, какъ и у вогуловъ, не столь широкая, какъ у большинства финскихъ и тюркскихъ племенъ и чаще удлиненная съ наклонностью къ длинноголовости (долохоцефалы). При этомъ остяки крайне нечистоплотны и не имѣютъ привычки даже мыть руки. Нравственныя ихъ качества гораздо лучше физическихъ: если ихъ не задѣваютъ, когда они становятся раздражительны и жестоки, они вообще скромны, честны, очень довѣрчивы, гостепріимны, трудолюбивы, нуждающимся всегда оказываютъ помощь. Зимнія жилища остяковъ — бревенчатые срубы съ плоской крышей изъ дерна, съ небольшими сѣнцами спереди для храненія домашней рухляди. Внутри остяцкой юрты еще непригляднѣе, чѣмъ внутри вогульской:

въ ней нѣтъ ничего, кромѣ чувала въ углу, нѣтъ даже такого количества посуды, какъ у вогуловъ. Вдоль стѣнъ идутъ широкія нары, покрытыя травяными плетеными циновками и оленьими шкурами. На палку, прикрѣпленную поперекъ трубы чувала, надѣвается деревянный крюкъ, на которомъ подвѣшиваются котелъ и чайникъ для приготовленія пищи. Единственное окно юрты зимой иногда еще заставлено льдиной, въ самой юртѣ грязь и вонь. Эти юрты, не болѣе 4—5 аршинъ въ ширину и длину, иногда вмѣщаютъ по нѣсколько семействъ остяковъ вмѣстѣ съ ихъ собаками. Лѣтнія юрты на берегахъ рѣкъ, куда остяки переселяются на время рыбной ловли, представляютъ шалаши изъ наклонно поставленныхъ жердей, прикрытыхъ берестой или, иногда, оленьими шкурами. Посреди̇нѣ такого шалаша раскладывается огонь, и дымъ выходитъ черезъ верхнее отверстіе.

Въ котлѣ и чайникѣ надъ чуваломъ остяки кипятятъ чай, варятъ рыбу, приготовляютъ бурдюкъ (похлебку изъ муки, мяса и жира) и „варку“ изъ рыбьихъ кишекъ съ рыбьимъ жиромъ; изъ ржаной муки приготовляютъ лепешки, втыкая ихъ на палочкахъ въ землю около самаго огня. Изысканное блюдо у остяковъ — желудокъ бѣлки, вздѣтый на палку и поджаренный на огнѣ. Если бѣлка питается орѣхами, то жареный желудокъ имѣетъ видъ колбасы, совершенно бѣлой снаружи и въ разрѣзѣ. Рыбу и мясо (оленье) остяки охотно ѣдятъ въ сыромъ видѣ. Съ рыбы снимаютъ чешую чрезвычайно искусно, вырѣзываютъ всѣ мягкія части тѣла въ видѣ лентъ, отдѣльно брюшко, съ котораго и начинаютъ ѣду, какъ съ наиболѣе мягкой и жирной части рыбы, а потомъ уничтожаютъ и другія ленты, въ концѣ добираются и до внутренностей. Оставшійся послѣ этого костяной скелетъ рыбы остяки высушиваютъ на солнцѣ и даютъ собакамъ, а въ случаѣ недостатка пищи толкутъ, подмѣшиваютъ муки и приготовляютъ похлебку.

У оленя прежде всего съѣдаются сырыя внутренности, особенно печень, причемъ каждый кусокъ обмакивается въ горячую, еще дымящуюся кровь. Послѣ внутренностей съѣдается и мясо. Соль при этомъ не употребляется. Вмѣсто тарелокъ у остяковъ имѣются деревянныя корытца, которыя съ

Шестиугольная юрта у Алтайцевъ.

Алтайская юрта.

Алтайцы долины р. Катуни.

Русское селеніе Черга на Алтаѣ.

остатками пищи и отдаются собакамъ. Онѣ вылизываютъ начисто эти корытца и этимъ замѣняется мытье ихъ водой. Теперь остяки употребляютъ бѣлье, носятъ холщевыя или стицевыя рубахи и шаровары изъ замши. Зимой надѣвается „малица“ — шуба шерстью внизъ (вообще первый рядъ мѣховаго платья, ближе къ тѣлу, надѣвается остяками всегда шерстью внизъ); такъ, на ноги надѣваются первые чулки — „чижи“. Вторая шуба „гусь“, и вторые чулки надѣваются уже шерстью вверхъ, ремнемъ по таліи подтягивается „малица“. На голову остяки надѣваютъ треухъ изъ двухъ оленьихъ шкуръ, одна шерстью внизъ, а другая вверхъ. Женщины носятъ такую же малицу, только со складками назади. Лѣтомъ мужчины и женщины носятъ длинные кафтаны изъ синяго и зеленаго сукна, которые женщины украшаютъ бусами, бляхами и разноцвѣтными лоскутьями. На голову остячки надѣваютъ большой цвѣтной платокъ, которымъ окутываютъ и лицо. Женскій нарядъ вообще приближается къ русскому. Остячки ведутъ еще болѣе тяжелую и печальную жизнь, чѣмъ ихъ отцы, мужья, братья. На женщинъ возложены всѣ тяжелыя работы дома и въ дорогѣ. При рожденіи онѣ часто не получаютъ даже собственнаго имени и всю жизнь называются или „баба“. Такъ какъ онѣ не должны показывать свое лицо свекру и старшему брату мужа, то въ зимнее время въ юртѣ иногда совершенно лишены свѣта и тепла. Почти всѣ остяки теперь крещены, но даже и числящіеся христіанами не оставляютъ вполнѣ своихъ прежнихъ вѣрованій, и христіанскихъ святыхъ они смѣшиваютъ со своими прежними божествами. Каждый родъ и каждая семья имѣютъ своихъ покровителей и въ скрытыхъ мѣстахъ хранятъ ихъ изображенія.

Предполагаютъ, что гдѣ-то у Кызыльскихъ юртъ въ строжайшей тайнѣ хранится серебряное изображеніе богини плодородія и счастливаго промысла. На многихъ старинныхъ иностранныхъ картахъ, начиная съ приложенной къ извѣстнымъ запискамъ австроимперскаго посла Герберштейна, находится изображеніе Золотой Бабы, помѣщавшейся въ низовьяхъ Оби. Остяки до сихъ поръ вѣрятъ въ духовъ „кулей“, съ которыми сообщаются при помощи шамановъ (которые уже, впрочемъ, выводятся), приносятъ духамъ въ жертву

дорогіе мѣха, оставляя ихъ въ разныхъ укромныхъ мѣстахъ, называемыхъ русскими шайтанами. Къ помощи шамановъ остяки прибѣгаютъ въ случаѣ болѣзни, пропажи какой либо вещи и т. п.

Развлеченія остяковъ послѣ удачной охоты (особенно на медвѣдя) или промысла состоятъ въ ѣдѣ, попойкахъ и пляскахъ, подражающихъ движеніямъ различныхъ животныхъ, и распѣваніи однообразныхъ заунывныхъ пѣсенъ подъ звуки „лебедя“ (родъ гусель съ 8 мѣдными струнами) или домбры (родъ шестиструнной скрипки). Свои издѣлія изъ бересты (тигуды) остяки любятъ украшать узорами. Чѣмъ южнѣе, тѣмъ болѣе остяки переходятъ къ осѣдлому образу жизни, все лѣто занимаются рыбной ловлей, а охотой лишь зимой. Считавшіеся до прихода русскихъ очень богатыми, теперь остяки едва ли не бѣднѣе вогуловъ. Ихъ крайняя склонность къ спиртнымъ напиткамъ и табаку разоряетъ ихъ столько же, какъ и честность и довѣрчивость, которымъ до самаго послѣдняго времени не было никакихъ предѣловъ. Хотя теперь они сами стараются хитрить и обманывать, но дѣлаютъ это очень неумѣло, и это не спасаетъ ихъ отъ обмановъ со стороны русскихъ торговцевъ, которые пользуются ихъ непобѣдимой слабостью къ водкѣ, табаку и покупкѣ всякихъ ненужныхъ вещей, разоряютъ ихъ и вводятъ въ долги. Среди остяковъ распространены глазныя и венерическія болѣзни, и они едва ли не вымираютъ.

Зыряне, народъ финскаго племени, пришедшій въ Западную Сибирь изъ Вологодской и Архангелской губ., въ настоящее время въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ живутъ въ Березовскомъ уѣздѣ, преимущественно въ Обдорскомъ краѣ. Зыряне очень отличаются отъ остяковъ: это народъ здоровый, рослый, съ румяными живыми лицами и окладистыми бородами. По характеру они очень предпріимчивы и работящи, среди нихъ много разныхъ ремесленниковъ — плотниковъ, кузнецовъ, столяровъ, печниковъ. Они способны и къ тяжелому труду. Въ тундровыхъ частяхъ Березовскаго уѣзда живутъ кочевые зыряне — оленоводы, а въ лѣсныхъ — осѣдлые, занимающіеся рыболовствомъ и торговлей, по своему быту не отличающіеся ничѣмъ отъ русскаго осѣдлаго насе-

ленія. Они всѣ православные, строго соблюдаютъ посты и праздники, посѣщаютъ церкви, охотно учатся въ русскихъ школахъ и вообще не чуждаются образованія. Половина ихъ дѣтей грамотна. Зыряне не менѣе русскихъ занимаются торговлей съ инородцами и также всячески обманываютъ и обираютъ ихъ; за ихъ торговую предпріимчивость зырянъ называютъ „сѣверными евреями“. Тундры Западной Сибири занимаютъ самоѣды, подробности о которыхъ см. въ I т. „Великой Россіи“ („Тундры. Лѣсная Область“). Въ различныхъ мѣстностяхъ Западной Сибири обитаютъ татары, принадлежащіе къ тюркскому племени. Еще до прихода русскихъ тюркскія племена, жившія въ нынѣшнихъ Тобольскомъ и Кузнецкомъ уѣздахъ, выдѣлывали металлы, занимались скотоводствомъ и земледѣліемъ, имѣли города. Сибирскіе татары раздѣляются на тобольскихъ, барабинскихъ, томскихъ, чулымскихъ и кузнецкихъ. Тобольскіе татары, половина которыхъ живетъ въ Тобольскомъ у., къ югу отъ Тобольска, имѣютъ много сходства съ казанскими татарами. Они средняго роста, хорошо сложены, смуглы, худощавы; большинство ихъ имѣетъ свѣтлые волосы и удлиненное лицо съ правильнымъ носомъ; у другихъ наблюдается широкое лицо съ выдающимися скулами. Борода и усы жидкіе. У женщинъ черты лица тоньше. Эти татары занимаются скотоводствомъ, рыболовствомъ, орѣховымъ промысломъ, отчасти кожевеннымъ и кузнечнымъ, а также торговлей. Раньше тобольскіе татары принимали большое участіе въ торговлѣ съ Джунгаріей и вообще съ Средней Азіей. Теперь они обнищали, чему способствуютъ свойственныя имъ безпечность и лѣность. Смѣшанно съ тобольскими татарами въ Тобольскомъ и Тюменскомъ уѣздахъ (въ послѣднемъ находится Бухарская волость) живутъ бухарцы, потомки выходцевъ изъ Бухары. Прежде они имѣли большое значеніе для тюркскихъ племенъ Тобольской и Томской губерній: они распространили среди нихъ магометанство, снабжали ихъ среднеазіатскими товарами, привили имъ грамотность. Раньше въ ихъ рукахъ были всѣ торговыя сношенія Сибири съ Средней Азіей, и они пользовались разными торговыми льготами. Они ввели нѣкоторые промыслы: такъ, имъ приписывается распространеніе въ Тюмени кожевен-

наго и ковроваго производствъ. Въ 1822 г. бухарцы были записаны въ число осѣдлыхъ инородцевъ и обложены подушной и оброчной податью. Но и теперь бухарцы, главнымъ образомъ, занимаются торговлей, а уже затѣмъ земледѣліемъ, извозомъ и разными промыслами, но при первой возможности бросаютъ эти занятія и начинаютъ торговать. Въ настоящее время ихъ бытъ ухудшился, и самое ихъ число уменьшилось. Татары Томской губ. представляютъ много отличій между собою. Томскіе татары, живущіе въ Томскомъ у. около Томска и въ самомъ этомъ городѣ, очень обрусѣли, почти всѣ знаютъ русскій языкъ, всѣ живутъ осѣдло, занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ. Татары сохранившіе свои старинные обычаи, нравы и одежду, вполнѣ похожи на тобольскихъ. Татары Каинскаго уѣзда извѣстны подъ именемъ барабинцевъ. Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ ихъ положеніе было очень неудобно: съ сѣвера ихъ тѣснили русскіе, съ юга и востока киргизы и калмыки. Барабинцы — остатокъ Кучумовой орды, осѣвшей въ верхнихъ теченіяхъ Оми, Тары, ихъ притоковъ и около озера Чановъ; часть ихъ живетъ и въ Кулундинской степи. Ихъ долговременное подчиненіе калмыкамъ отразилось на ихъ наружности: плоское лицо, небольшіе, продолговатые глаза, большія уши и черные волосы — все напоминаетъ калмыковъ. Теперь барабинцы живутъ осѣдло улусами въ 10—12 юртъ, далеко отстоящихъ одинъ отъ другого, занимаются земледѣліемъ, рыболовствомъ, охотой, скотоводствомъ. Всѣ они магометане. Очень обрусѣли кузнецкіе татары, особенно около Кузнецка, гдѣ встрѣчаются очень зажиточныя татарскія селенія, живущія совсѣмъ на русскій ладъ. Дома богатыхъ татаръ-торговцевъ ничѣмъ почти не отличаются отъ русскихъ.

Чулымскіе инородцы, живущіе по р. Чулыму, главнымъ образомъ, въ Маріинскомъ у., собственно принадлежатъ по происхожденія къ югрѣ или самоѣдамъ, но до такой степени отатарились, что называются обыкновенно татарами. Ихъ зимнія юрты — многоугольные срубы аршина въ $3^1/_2$ высоты съ верхушкой въ родѣ сахарной головы изъ досокъ или бересты съ отверстіемъ для дыма. Оконъ, конечно, нѣтъ; въ юрту входятъ черезъ небольшую деревянную дверь. Кругомъ

юрты лавки, на которыхъ стоятъ сундуки съ пожитками, на стѣнахъ полки съ иконами (чулымскіе татары всѣ православные) и разной домашней утварью. Посрединѣ юрты огонь. Зимой въ такихъ юртахъ темно, холодно и сыро. Лѣтомъ чулымцы живутъ въ шалашахъ, крытыхъ берестой или войлокомъ. Звѣроловство, рыболовство, сборъ кедровыхъ орѣховъ — главныя занятія чулымцевъ. Чулымцы быстро русѣютъ. Такъ называемые „черневые“ татары ведутъ теперь осѣдлый образъ жизни въ горныхъ лѣсахъ Бійскаго и Кузнецкаго уѣздовъ между Телецкимъ озеромъ и Катунью, по Біи, Томи и ея притокамъ. По мнѣнію ученыхъ, черневые татары представляютъ изъ себя отатарившіяся самоѣдскіе племена, родственныя по происхожденію ушедшимъ на сѣверъ самоѣдамъ. Черневые татары имѣютъ смуглыя лица, черные глаза, выдающіяся скулы, черные, жесткіе волосы. Они живутъ въ четыреугольныхъ юртахъ безъ крышъ, съ потолкомъ, засыпаннымъ землей.

Вмѣсто печи въ юртѣ четыреугольная глиняная плита для разведенія огня. Чтобы не загорѣлась стѣна юрты, отъ такой плиты идетъ еще прямая глиняная стѣнка до самаго потолка, а къ ней примазывается труба изъ прутьевъ, обмазанная снаружи и снутри глиной. Отверстіе для дыма въ потолкѣ на ночь затыкается кускомъ войлока.

Оконъ въ юртѣ нѣтъ, а она освѣщается или черезъ отворенную дверь, или огнемъ всегда горящаго очага. Идущія вдоль стѣнъ широкія, низкія лавки покрыты берестой. Лѣвая половина юрты — женская; тутъ обыкновенно сидитъ хозяйка за своей работой, тутъ она и спитъ, и тутъ же на лавкѣ или на полкѣ, устроенной надъ ней, помѣщается посуда: вырѣзанныя изъ корня березы чашки и берестяные сосуды разной величины и формы, сообразно своему назначенію. Въ послѣднее время появилась стеклянная и металлическая посуда. Лавка противъ дверей и противъ очага назначена для гостей, какъ самая почетная. На правой сторонѣ въ одномъ изъ угловъ находятся ручные жернова, на которыхъ мелется мука, колоды съ золой для выдѣлки кожъ, большіе берестяные сосуды или кадки съ водой и др. скарбъ. Юрта черневаго татарина вообще очень тѣсна, а потому онъ ухитряется воспользоваться

всякимъ свободнымъ мѣстечкомъ для размѣщенія своего имущества: въ щеляхъ стѣнъ и за балками потолка воткнуты шила, деревянныя стрѣлы для охоты на соболя, бѣлку, бурундука, жерлицы на щукъ; на спицахъ въ стѣнахъ развѣшены кожи, сумочки съ иглами, нитками, музыкальные инструменты, если они имѣются въ юртѣ, и пр. Вблизи русскихъ жилища богатыхъ черневыхъ татаръ ничѣмъ не отличаются отъ русскихъ зажиточныхъ крестьянъ, а у очень богатыхъ татаръ подъ Кузнецкомъ дома почти ничѣмъ не отличаются отъ городскихъ купеческихъ. Въ глубинѣ черни зажиточные инородцы ограничиваются только тѣмъ, что строятъ избу по русскому образцу со стеклами въ окнахъ, съ досчатымъ поломъ и съ русской печью. Вонь, дымъ, грязь составляютъ непремѣнную принадлежность юрты черневаго татарина, все равно, бѣднаго или богатаго. Около юрты всегда находится бревенчатый амбаръ съ запасами продовольствія и разнымъ скарбомъ: берестяные туясья съ мукой, медомъ, орѣхами, кожаные мѣшки — цѣликомъ содранныя шкуры телятъ, барсуковъ, и др. животныхъ, зашитые около хвоста и на ногахъ, висятъ сушеныя и провяленныя щуки, связки сушенаго кандыка, корни одного растенія очень похожіе по цвѣту и формѣ на собачьи клыки, величиной въ мизинецъ, ловушки, винтовки, лыжи, рыболовныя сѣти, шубы, запасъ бересты на туясья и пр. Тутъ-же храняются жертвенные сосуды и ковши для разбрасыванія предъ идолами апйрана. У богатыхъ инородцевъ бываетъ по 2—3 юрты и по нѣсколько амбаровъ, переполненныхъ запасами. Въ каждой юртѣ живетъ только по одной семьѣ. Престарѣлые и безпомощные родители живутъ не какъ члены семьи и хозяева, а какъ гости.

Мужская одежда черневыхъ татаръ не отличается ничѣмъ особеннымъ: грубая холщевая или пеньковая рубашка, длинная, ниже колѣнъ, холщевые шаровары, запускаемые въ сапоги и картузъ. Зимой носятъ сверху овчинныя или войлочныя шубы и шапки обыкновенныя, а лѣтомъ кендырь изъ пеньки, покроемъ напоминающій крестьянскій зипунъ. Верхнее платье подпоясывается шерстяными поясками. Женская одежда не отличается отъ мужской, только рубаха гораздо длиннѣе, воротъ у ней стоячій, расшитый стеклярусомъ и бисеромъ и

на головѣ платокъ. Дѣвушки заплетаютъ волосы въ косы, которыхъ у нихъ всегда должно быть нечетное число, привѣшиваютъ пуговицы, бусы и маленькіе колокольчики. Всѣ инородцы, не исключая женщинъ, имѣютъ трубки и кисти съ табакомъ.

Пища черневаго татарина крайне неприхотлива и скудна: онъ почти не знаетъ мяса, но всегда имѣетъ молоко, довольствуется ячменемъ, наловленной въ ручьяхъ и рѣчкахъ мелкой рыбой, дикимъ лукомъ (черемшой) и корнями кандыка и сараны. Обыкновенно въ кипящую воду бросаются шарики изъ прѣсного ячменнаго тѣста. Черезъ нѣсколько минутъ кушанье (шишпитъ) готово. Тупташь употребляется утромъ, вечеромъ, гость-ли пріѣдетъ, сегодня, завтра, всю жизнь — тупташь. Самый лакомый тупташь состоитъ изъ кусочковъ того же тѣста или кандыка, разваренныхъ въ молокѣ или водѣ съ прибавленіемъ мяса или мелкой рыбы. Ячменныя прѣсныя лепешки и ватрушки съ творогомъ составляютъ у нихъ роскошь и употребляются лишь зажиточными инородцами, потому что пекутся въ русской печи. Во всеобщемъ употребленіи среди инородцевъ кирпичный чай у зажиточныхъ, а у бѣдныхъ высушенные листья одного мѣстнаго растенія. Въ чашку съ чаемъ подсыпается поджареная ячменная мука („толканъ“). Въ жаркіе лѣтніе дни черневые татары утоляютъ свою жажду не кумысомъ, а простой ручьевой водой, къ которой примѣшивается толканъ съ солью. Эта болтушка здѣсь въ такомъ же употребленіи, какъ кумысъ у степныхъ кочевниковъ. Гости-ли пріѣдутъ въ юрту, самъ-ли хозяинъ возвращается откуда нибудь, или просто заѣзжій человѣкъ завернетъ отъ томительной жары, — хозяйка тотчасъ всыпаетъ въ чашку поджареной ячменной муки съ солью, кладетъ ложку и подаетъ пріѣзжему вмѣстѣ съ туясомъ холодной воды. Гость самъ наливаетъ воду и, разболтавъ ложкой муку, пьетъ этотъ вполнѣ утоляющій жажду напитокъ и передаетъ чашку съ оставшей на дно мукой слѣдующему гостю, который снова наливаетъ туда воду, разбалтываетъ и пьетъ. Такъ ходитъ по рукамъ круговая чаша, пока всѣ не напьются досыта.

Черневые татары питаютъ страсть къ водкѣ и приготавливаютъ ее домашнимъ образомъ — араку, водку-самосидку.

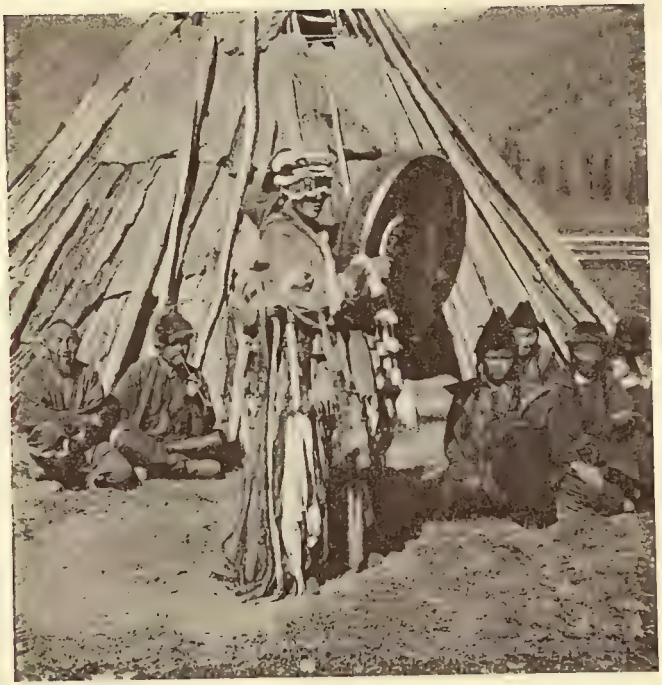
Гдѣ нибудь на берегу ручья, надъ ямкой вырытой въ землѣ и служащей мѣстомъ топки, стоитъ чугунный котелъ, поверхъ котораго опрокинута такихъ же размѣровъ деревянная чаша съ дыркой, плотно примазанная краями къ котлу. Въ отверстіи въ деревянной чашкѣ вставляется деревянная же, угломъ согнутая, труба, другой конецъ которой, раздваивающійся на двѣ трубки, опускается въ чугунные кувшины и примазывается плотно глиной къ ихъ горламъ; кувшины стоятъ въ колодѣ ежеминутно наполняемой холодной водой изъ ручья. Заторъ изъ ячменной муки съ солодомъ, заблаговременно разведенный теплой водой и поставленный въ теплое мѣсто вливается въ котелъ; дрова постепенно подбрасываюся въ топку и поправляются; всѣ щели и мѣста, зорко высматриваются и замазываются глиной. Изъ чугунныхъ кувшинъ, наконецъ, показался дымокъ. Всѣ спѣшатъ попробовать свѣжей водки, трехъ-четырехъ процентный растворъ спирта въ водѣ, который можно пить большими деревянными татарскими чашками и совсѣмъ не пьянѣть. Въ послѣднее время приготовленіе араки преслѣдуется.

Черневые татары не могутъ обезпечить себѣ существованіе однимъ звѣроловствомъ, потому что промысловые звѣри становятся все меньше и меньше, а земледѣліе возможно лишь на точныхъ прогалинахъ, гдѣ родится одинъ только ячмень, а другіе хлѣба гибнутъ отъ тясыной сырости. Меньше даетъ дохода сборъ кедровыхъ орѣховъ, рыболовство и пасѣки, такъ что въ общемъ положеніе черневыхъ татаръ стало значительно хуже. По своему характеру черневые татары кротки, добродушны, общительны, между собой живутъ дружно. Женщина пользуется у нихъ уваженіемъ. Почти всѣ они считаются христіанами, но на самомъ дѣлѣ придерживаются шаманства. Въ бытовомъ отношеніи они дѣлятся на сеоки (кости, роды), имѣющіе каждый одного общаго предка; но эти „кости“ далеко не всегда совпадаютъ съ волостями, на которыя они теперь распредѣлены.

Горную часть Алтая, кромѣ сѣверо-восточной, гдѣ живутъ черневые татары, и южныхъ склоновъ (кочевки киргизъ), занимаютъ алтайскіе горные калмыки, извѣстные подъ именемъ алтайцевъ, теленгитовъ, телеутовъ, телесовъ и др.

Алтаецъ

Группа калмыковъ и ихъ юрта.



Алтайскій шаманъ.

Въ настоящее время всѣхъ алтайцевъ не болѣе 30,000. Изъ всѣхъ этихъ племенъ, вообще мало отличающихся между собою по внѣшнему виду, нужно отмѣтить только телесовъ, живущихъ по р.р. Чульшману и Башкаусу (около Телецкаго озера); они имѣютъ смѣшанный типъ, что видно и изъ ихъ внѣшняго вида: одни изъ нихъ приземисты, скуласты, кривоноги, безбороды, другіе высоки, стройны, съ густой растительностью, съ умеренно-развитыми скулами. По своему характеру алтайцы вообще кротки, честны и гостепріимны. Ихъ главные пороки — лѣность, безпечность, неряшество и пьянство.

Алтайскіе аилы, т. е. деревни, состоятъ изъ тупо-коническихъ шалашей, крытыхъ берестой или корой лиственницы, съ отверстіемъ наверху для дыма, или изъ войлочныхъ юртъ. На срединѣ аила—площадка, гдѣ ночуетъ скотъ, и поэтому тамъ никогда не просыхающее болото. Въ послѣднее время войлочная юрта мало- по-малу замѣняетъ берестяную. Входъ въ юрту завѣшивается шкурой, а въ шалашъ закрывается деревяннымъ щитомъ. Въ алтайской юртѣ еще непригляднѣе и бѣднѣе, чѣмъ даже у черневыхъ татаръ. Полъ нерѣдко выстланъ пометомъ мелкаго скота; напротивъ дверей, у стѣны, свалено нѣсколько старыхъ мѣшковъ съ разнымъ имуществомъ; за рѣшетку, составляющую остовъ юрты, заткнуто длинное ружье; посрединѣ юрты котелъ, иногда установленный прямо на врытые въ землю камни, — вотъ и вся обстановка алтайской юрты. Зимой же къ огню, слабо поддерживаемому на очагѣ, жмется вся семья алтайца, одѣтая въ грязныя шубы. Голыя дѣти прикрыты только сзади, у матери семейства на спинѣ привязанъ грудной ребенокъ, чтобы не упалъ въ огонь. Тутъ же въ юртѣ помѣщается и молодой скотъ — ягнята и телята. Алтайцы не знаютъ употребленія мыла и полотенца, и только иногда поливаютъ себѣ водой руки и лицо и высушиваютъ ихъ передъ огнемъ. Посуда никогда не моется. Хозяйка, желая оказать особый почетъ гостю, наливая ему чаю, иногда только оближетъ чашку и вытретъ подоломъ рубахи.

Мужчины лѣтомъ носятъ рубахи съ длинными рукавами, короткія, стянутыя у колѣнъ шаровары, а сверху суконный халатъ съ широкими рукавами. Замужныя женщины сверху

набрасываютъ „чечедекъ“, накидку безъ рукавовъ изъ папки или китайки синяго цвѣта, а на голову надѣваютъ круглую шапку изъ желтой кожи съ краснымъ донышкомъ и чернымъ барашковымъ околышемъ спереди. Мужчины, кромѣ шапки такой же формы, носятъ еще круглыя мѣховыя шапки съ кистью на макушкѣ. Алтайцы любятъ пестрить свою одежду яркими цвѣтами — сапоги красные, шапка желтая съ красной кистью. Женщины унизываютъ косы бусами, пуговицами, раковинами которыя издаютъ шумъ при малѣйшемъ движеніи. Въ обыкновенное время въ одеждѣ алтайцевъ замѣчается страшный безпорядокъ: платье на женщинахъ разорвано, рубашки у мужчинъ безъ застежекъ, шапки распоролись. Женщины заплетаютъ волосы въ двѣ косы, дѣвушки въ 3, 5 и семь, причемъ очень заботятся о длинѣ косъ и иногда вплетаютъ въ нихъ чужіе волосы. За голенищемъ у мужчинъ и женщинъ трубка и кисетъ съ табакомъ. Курятъ всѣ — мальчики и дѣвочки; даже грудным дѣтямъ матери суютъ въ ротъ трубку. Трубка эта монгольскаго фасона, называется „ганзой“ и представляетъ мѣдную трубку съ небольшой чашечкой, насаженной на деревянный чубукъ съ каменнымъ или нефритовымъ мундштукомъ. Алтаецъ набиваетъ ее табакомъ, не вынимая изъ кисти, ею же загребаетъ жаръ на очагѣ и отыскиваетъ уголь, чтобы зажечь табакъ.

Алтайцы питаются молокомъ въ разныхъ видахъ (сырое, творогъ, сыръ, масло, кумысъ), чаемъ, ячменной кашей и изрѣдка мясомъ. Мясо (самое любимое — конину — ѣдятъ только очень богатые алтайцы, да и эти рѣдко) употребляютъ лишь осенью и зимой, когда удастся убить лося или козулю. Мясо варятъ въ котлѣ, а также жарятъ, воткнувъ на палку, и ѣдятъ полусырое. Сваренное мясо раскладываютъ на шкуру и ѣдятъ руками, безъ соли. Кирпичный чай обыкновенно варятъ съ молокомъ, саломъ, солью и мукой. Употребляютъ въ пищу также коренья разныхъ растеній, какъ и черневые татары. Любимый напитокъ алтайцевъ — арака, вино изъ молока. Жизнь алтайцевъ проходитъ очень однообразно. Мужчины ничего не дѣлаютъ — они только пьютъ, ѣдятъ, спятъ, курятъ и иногда играютъ въ карты. Всѣ работы взвалены на женщинъ: онѣ утромъ и вечеромъ доятъ коровъ

и козъ, поятъ телятъ, варятъ обѣдъ, шьютъ одежду и смотрятъ за дѣтьми, приготовляютъ кумысъ и араку. Старшій сынъ или младшій братъ хозяина смотрятъ за лошадьми, чтобы онѣ не отошли далеко отъ аила. Коровы и мелкій скотъ пасутся безъ присмотра и къ ночи сами возвращаются домой. У алтайцевъ мужъ — полный господинъ жены и всегда можетъ прогнать ее отъ себя, но жена можетъ уйти отъ него помимо его воли лишь въ томъ случаѣ, когда возвращенъ данный за нее калымъ. Часто послѣ смерти мужа его вдова переходитъ къ брату или ближайшему родственнику.

Значительная часть алтайцевъ въ настоящее время — православные. Съ конца 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія на Алтаѣ дѣйствуетъ алтайская духовная миссія, центръ которой находится въ живописномъ селеніи Улала недалеко отъ Бійска. Алтайская миссія открыла на Алтаѣ нѣсколько десятковъ школъ и вообще сдѣлала кое-что для просвѣщенія и улучшенія быта крещенныхъ инородцевъ. Но въ общемъ на Алтаѣ до сихъ поръ господствуетъ язычество — вѣра въ верховное божество Ульгеня и духа зла Эрлика. Горы, рѣки, лѣса для алтайца населены духами-покровителями. Болѣзни насылаются злыми духами, съ которыми бороться могутъ лишь шаманы, или камы, которые и производятъ камланье послѣ заката солнца передъ костромъ. Одѣтый въ костюмъ изъ шкуръ, украшенный побрякушками, пуговицами, съ 40 длинными кожаными ремнями, изображающими змѣй, въ шапкѣ изъ шкуры рыси, украшенной перьями совы и множествомъ побрякушекъ, съ бубномъ, имѣющемъ на себѣ изображенія птицъ, солнца и луны, — шаманъ поетъ, пляшетъ, заклинаетъ духовъ, бьетъ въ бубенъ. Прежде алтайцы часто приносили барановъ въ жертву духамъ особенно замѣчательныхъ мѣстъ, теперь же только кладутъ камни въ этихъ мѣстахъ. Кровавыя жертвы въ видѣ барановъ и лошадей теперь очень рѣдки на Алтаѣ. Среди самихъ шаманистовъ въ послѣднее время началось движеніе противъ старинной вѣры и кровавыхъ жертвоприношеній, и проповѣдникомъ новаго ученія явился инородецъ Четъ Челпановъ.

Какъ и черневые татары, алтайцы дѣлятся на кости, сеоки. Но административно они раздѣлены на 7 дючинъ,

или административныхъ отдѣловъ; телесы и телегиты составляютъ два зайсанства. Родовое управленіе алтайцевъ находится подъ надзоромъ русскихъ чиновниковъ. Всѣхъ казенныхъ платежей съ алтайцевъ приходится рублей по пяти съ души ежегодно. За послѣднее время алтайцы вообще обѣднѣли, потому что сократились ихъ угодья, отбираемыя для переселенцевъ. Теперь вся перекочевка большинства ихъ ограничивается тѣмъ, что у нихъ двѣ юрты — одна зимняя, въ долинѣ, другая лѣтняя, на горѣ. Алтайцы не прочь заниматься и земледѣліемъ, гдѣ это возможно, имѣютъ даже понятія объ искусственномъ орошеніи.

Отношенія между русскими и алтайцами складываются въ томъ смыслѣ, что русскіе обижаютъ и притѣсняютъ ихъ: ломаютъ изгороди, которыми алтайцы окружаютъ свои зимнія пастбища, косятъ ихъ луга, запускаютъ туда скотъ, оставляя инородцевъ безъ корма для скота на зиму. Смышленый алтаецъ перенимаетъ отъ русскихъ все полезное, въ томъ числѣ и маслодѣліе. Телеуты, остатокъ когда то большого кочевого народа, теперь осѣдло живутъ въ Кузнецкомъ и особенно Бійскомъ уѣздахъ, около Улалы, и занимаются земледѣліемъ. Особенно обрусѣли кузнецкіе телеуты: одѣваются, какъ русскіе крестьяне, живутъ въ обыкновенныхъ крестьянскихъ домахъ, занимаются торговлей. Только черные волосы и выдающіяся скулы изобличаютъ ихъ монгольское происхожденіе.

Старожилое русское населеніе Западной Сибири образовалось, во первыхъ, изъ потомковъ тѣхъ казаковъ-землеискателей, которые послѣ Ермака въ послѣднюю четверть XVI в., проникли въ низовья Оби и утвердились тамъ, а въ самомъ началѣ XVII в. укрѣпились и въ верхнемъ теченіи Оби, и по ея притокамъ; во вторыхъ, потомковъ звѣропромышленниковъ, которые изъ сосѣднихъ мѣстностей сѣверной Россіи, изъ „поморскихъ“ уѣздовъ, двинулись въ Сибирь вслѣдъ за землеискателями, привлекаемые слухами объ ея прибыльномъ пушномъ промыслѣ; въ третьихъ, потомковъ вольныхъ и невольныхъ переселенцевъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ: въ Сибирь бѣжали крестьяне, преимущественно помѣщичьи, старовѣры, укрывавшіеся отъ преслѣдованій за вѣру; наконецъ само правительство, преимущественно въ XVII в., отправляло въ Сибирь

иногда цѣлыя деревни для заселенія ея русскими людьми и для занятія тамъ земледѣліемъ, чтобы воинскіе люди въ Сибири могли кормиться мѣстнымъ хлѣбомъ. Правительство ссылало въ Сибирь и уголовныхъ преступниковъ, и различнаго рода непокорныхъ и непослушныхъ: при Петрѣ стрѣльцовъ и старовѣровъ, которые были поселены въ нынѣшнихъ Ялуторовскомъ, Тюменскомъ и особенно Тарскомъ уѣздахъ. Помѣщики ссылали въ Сибирь своихъ крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ не прекращалось явное и тайное переселеніе въ западно-сибирскія таежныя и степныя мѣста всѣхъ тѣхъ, кому по разнымъ причинамъ жилось тяжело въ предѣлахъ Евр. Россіи. Изъ такихъ составныхъ частей и получилось нынѣшнее коренное старожилое населеніе Западной Сибири. Къ старожилому населенію можно отнести и переселенцевъ, появившихся тамъ не менѣе 25 лѣтъ тому назадъ; всѣхъ же, ушедшихъ въ Сибирь послѣ 1885 г., необходимо считать новоселами, такъ какъ они селятся вмѣстѣ и очень туго поддаются вліянію окружающей обстановки, которое тѣмъ сильнѣе, чѣмъ безлюднѣе и уединеннѣе мѣстность, и чѣмъ болѣе новоселамъ приходится сталкиваться со старожилами и инородцами.

По внѣшнему виду коренное населеніе Сибири отличается отъ великоруссовъ, и въ восточной ея половинѣ гораздо болѣе, чѣмъ въ западной: преобладаютъ черные или темные волосы, черные или каріе глаза, болѣе смуглый цвѣтъ кожи, у многихъ борода и усы не особенно густы, лица съ болѣе широкими скулами и болѣе узкими глазами. Въ общемъ сибиряки довольно высокаго роста и крѣпкаго сложенія. Въ тѣхъ мѣстностяхъ Западной Сибири, гдѣ инородцевъ было больше, и куда русскіе пришли раньше, эти послѣдніе имѣютъ и болѣе замѣтныя инородческія „карымскія“ черты: въ Березовскомъ и Сургутскомъ уѣздахъ русскіе напоминаютъ остяковъ по своимъ скуластымъ лицамъ съ узкими глазами. Крестьяне Пелымской волости (Туринскаго уѣзда) похожи на вогуловъ. Въ Барабѣ и приалтайскихъ мѣстностяхъ на внѣшнемъ видѣ жителей отразились татарскія и киргизскія черты, но зато русское населеніе южнаго Алтая, не смѣшивавшееся не только съ сосѣдними инородцами, но и съ позднѣйшими переселенцами, сохранило чисто-русскія черты.

На характеръ коренного населенія Западной Сибири наложили свой отпечатокъ природа этой страны и сближеніе съ инородцами. Суровая природа и занятіе звѣроловствомъ выработали въ коренномъ сибирякѣ находчивость, практичность, упорство; незнакомство съ крѣпостнымъ правомъ развило самостоятельность и стремленіе къ равенству; сосѣдство съ инородцами, постоянное общеніе съ ними привило ему спокойное, терпимое отношеніе ко всякой вѣрѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣнье подмѣчать смѣшныя стороны въ людяхъ и вообще насмѣшливый складъ ума. Свойственная русскому народному характеру уживчивость способствовала тому, что отчужденія и племенной вражды у коренаго сибиряка не замѣчается. Съ другой стороны, отъ продолжительной уединенной жизни въ необъятныхъ сибирскихъ лѣсахъ населеніе пріобрѣло грубоватость, отъ инородцевъ усвоило диковатость, отъ возможности скораго обогащенія — страсть къ наживѣ, а вообще отъ суровой и уединенной жизни — холодный, разсчетливый взглядъ на все, преобладаніе разсудка надъ сердцемъ. Необходимость постоянной борьбы съ суровой природой, отрѣзанность отъ остальнаго русскаго міра, невысокій уровень принесенныхъ съ собой потребностей задержали умственное развитіе сибиряка, сдѣлали его малочувствительнымъ ко всему тому, что украшаетъ жизнь — музыкѣ, пѣнію, вообще искусству. Но та же природа, необходимость борьбы съ ней, заставила сибиряка искать знанія, какъ средства для этой борьбы, развила въ немъ любознательность и уваженіе къ свѣдущимъ людямъ и знанію. Тѣ же суровыя условія жизни развили въ немъ предпріимчивость, способность воспринимать всякую новизну, если она понятна и полезна. Нужно отмѣтить еще одну черту сибиряка — его сравнительно слабую религіозность, что произошло и вслѣдствіе соприкосновенія съ инородцами, и по причинѣ крайней рѣдкости церквей. Слабая религіозность однако уживается въ немъ съ множествомъ разныхъ суевѣрій. Замѣтное и неблагопріятное вліяніе оказалъ на западно-сибирское населеніе средней полосы наплывъ уголовныхъ ссыльныхъ, направлявшихся туда въ особенно большомъ количествѣ въ прошломъ столѣтіи. Высылаемые подонки Евр. Россіи вносили въ населеніе

страсть къ карточной игрѣ, къ пьянству и легкое отношеніе ко всевозможнымъ преступленіямъ.

Выше было отмѣчено вліяніе инородцевъ, особенно сѣверныхъ, на внѣшній видъ сибирскаго населенія. Окружающая природа заставляла русскихъ перенимать также и инородческіе пріемы борьбы съ ней и мало-по-малу втягиваться въ ихъ бытъ и нравы. Они сразу замѣтили, что зимняя одежда сѣверныхъ инородцевъ какъ нельзя лучше подходитъ къ мѣстному климату и условіямъ жизни охотника и звѣролова — и усвоили ее. На сѣверѣ русскіе заимствовали отъ инородцевъ многія части своей одежды, способы передвиженія, отчасти пищу и способъ ея приготовленія. Обдоряне, напр., ѣдятъ не только сырую мерзлую рыбу, но и мерзлую оленину; особенно нравятся имъ костный жиръ и почки въ сыромъ, мерзломъ видѣ. Приалтайскіе русскіе, по примѣру инородцевъ, ѣдятъ корни кандыка и черемшу. Но съ другой стороны и инородцы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ замѣтно обрусѣли, благодаря близости русскихъ и смѣшаннымъ бракамъ. Въ Кузнецкомъ, Бійскомъ и Барнаульскомъ уѣздахъ образовались цѣлыя волости вполнѣ обрусѣвшихъ инородцевъ, какъ бы новая разновидность русскаго племени, говорящая испорченнымъ русскимъ языкомъ. Но зато въ южномъ Алтаѣ, какъ упоминалось выше, до сихъ поръ сохранились образцы чистаго русскаго племени — „поляки“ въ Змѣиногорскомъ уѣздѣ (до 30,000 человѣкъ). Они отличаются красивой, стройной фигурой, особенно женщины. Волосы у нихъ часто волнистые, свѣтлые или русые, лобъ широкій и прямой, глаза большіе, правильный носъ и вообще правильныя черты лица. Въ широкихъ долинахъ, окруженныхъ высокими горами и мѣстами суживающихся въ дикія ущелья, по которымъ, среди живописныхъ скалъ, съ шумомъ и ревомъ мчатся горные потоки, — раскинулись ихъ деревни съ широкими, чистыми, покрытыми травой улицами, обставленными домами съ крылечками на высокихъ столбахъ, съ узкой галлерейкой вокругъ второго этажа и съ рѣзными воротами. Передъ многими домами посажены деревья; изъ-за домовъ виднѣются сады; на украшенныхъ рѣзьбой окнахъ, съ кусками разноцвѣтныхъ стеколъ въ нижнихъ частяхъ рамы, поставлены цвѣты. Внутри

домовъ расписанные потолки и двери, полотенца на стѣнахъ, оклеенныхъ обоями, сдѣланныя изъ соломы птицы и развѣшенныя гирланды изъ сухихъ цвѣтовъ. Селенія „поляковъ“ рѣзко отличаются отъ деревень окрестнаго русскаго населенія. Нѣкоторыя изъ этихъ селеній, какъ Старо-Алейское и Шемонаиха, представляютъ большія торговыя и промышленныя села. „Поляки“ — старовѣры. Мужчины стригутъ волосы по-раскольничьи — съ челкой на лбу; мальчикамъ коротко выстригаютъ макушку, оставляя по бокамъ длинные волосы. Высокіе сапоги, круглая шляпа, украшенная цвѣтной тесьмой, и балахонъ, расшитый разноцвѣтными шнурами — такова обычная одежда „поляковъ“. Женщины носятъ сарафаны, украшаются лѣтомъ живыми, а зимой искусственными цвѣтами. Даже парни украшаютъ себя цвѣтами. Дѣвушки на голову надѣваютъ шали, свернутыя широкой полосой, которыя накладываются серединой на лобъ и обертываются вокругъ головы; концы сзади перекручиваются и искусными завитками снова переводятся напередъ. Получается головной уборъ въ родѣ короны, высокой спереди и понижающейся сзади; темя остается открытымъ. Замужныя женщины сначала надѣваютъ на голову „кичку“ — проволочное сооруженіе, обтянутое ситцемъ или холстомъ, чтобы уборъ не прилегалъ на головѣ, а потомъ уже шаль. По праздникамъ на кичку надѣваютъ шелковый или бархатный кокошникъ, весь затканный золотомъ и серебромъ; сзади къ кичкѣ прикрѣпляется „надзатыльникъ“, также вышитый золотомъ и серебромъ съ такой же бахромой. Промежутокъ между кокошникомъ и подзатыльникомъ закрывается шалью, которая обвивается вокругъ головы. „Поляки“ любятъ уличную жизнь, по праздникамъ и по вечерамъ собираются на полянкахъ, дѣти, молодые и старики. Они любятъ пѣсни, игры; всѣ зажиточны. Главныя ихъ занятія — земледѣліе, скотоводство и пчеловодство; промышленности у нихъ нѣтъ, за исключеніемъ одного-двухъ селеній. Отъ сосѣдняго русскаго, и особенно инородческаго населенія, „поляки“ сторонятся, что требуетъ отъ нихъ ихъ старая вѣра. Благодаря этому, они сохранили чисто-русскій типъ и всѣ старинные обычаи.

По хозяйственному благосостоянію сибирскіе крестьяне-старожилы до сихъ поръ стоятъ гораздо выше крестьянъ Евр. Россіи. Ихъ селенія съ перваго взгляда обнаруживаютъ состоятельность обитателей: избы-дома съ множествомъ оконъ (сибирякъ любитъ, чтобы въ его жильѣ было свѣтло, и небережетъ топлива: его еще много) крыты тесомъ, ставни часто выкрашены; кругомъ оконъ, а иногда и на крышѣ — рѣзныя деревянныя украшенія (орнаментъ). Кругомъ обширнаго двора прочныя хозяйственныя постройки, также крытыя тесомъ; для скота крытый теплый „пригонъ“; на задахъ огороды, иногда телятники и овины. Преобладаютъ „пятистѣнныя“ избы изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ капитальной стѣной, въ которой прорубается дверь. Самые зажиточные крестьяне живутъ въ „крестовыхъ“ домахъ: квадратныхъ избахъ, раздѣленныхъ на 4 равныя помѣщенія — кухню и 3 горницы. Самые бѣдные живутъ въ „четырехстѣнныхъ“ избахъ, состоящихъ изъ одного помѣщенія съ печью и полатями. Такія селенія всюду встрѣчаются въ земледѣльческой Сибири. Но улицы всюду грязны и занавожены. Наплывъ переселенцевъ сильно ограничилъ количество лѣсныхъ угодьевъ старожиловъ, а новыя правила пользованія лѣсомъ въ близкомъ будущемъ должны сократить прежнюю строительную роскошь. Стѣны и потолки въ горницахъ у старожиловъ выбѣлены, полы покрыты бѣлыми холстинковыми или разноцвѣтными половиками, вдоль стѣнъ стоятъ крашеные деревянные столы, стулья и диваны, на окнахъ цвѣты (бальзамины, герани, фуксіи и др.). Въ одной изъ комнатъ обязательна широкая двуспальная кровать съ горой подушекъ въ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ наволочкахъ, со стеганымъ на шерсти одѣяломъ изъ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ лоскутковъ; такая кровать обыкновенно помѣщается за ситцевой цвѣтной занавѣской. Передній уголъ заставленъ иконами, для которыхъ устраиваются полочки-божницы. У богатыхъ комнаты убраны зеркалами, олеографіями и городской мебелью. Нижняя часть обыкновенно глинобитныхъ печей обшивается досками и раскрашивается; часто изображаются цвѣты, деревья, птицы. Окна украшаются занавѣсками, кисейными или вязаными.

Пища сибирскаго крестьянина-старожила пока еще обильна и сытна; въ ней преобладаетъ хлѣбъ (ржаной за обѣдомъ и пшеничный съ чаемъ, который обыкновенно пьютъ съ молокомъ), картофель, молоко, сало, масло и яйца; мясо и рыба хотя и стоятъ на второмъ мѣстѣ, но все-таки почти ежедневно употребляются каждой зажиточной семьей. День начинается чаемъ съ пшеничнымъ хлѣбомъ, очень часто горячимъ (иногда приготовляются блины, оладьи и т. п.), въ полдень обѣдъ, часа черезъ три чай, а вечеромъ, часовъ въ 7, ужинъ изъ обѣденныхъ остатковъ и снова чай. Ѣда сибирскаго крестьянина-старожила однообразна и проста, но сытна: похлебка изъ картофеля, капусты и крупы съ мясомъ, студень, разныя каши на молокѣ или маслѣ, жареный картофель съ масломъ и сметаной, жареныя въ салѣ, въ закрытыхъ латкахъ, мясо, баранина или свинина. Въ постное время приготовляются щи съ капустой, крупой, пироги съ рыбой, каши, пареныя въ чугунахъ свекла и брюква, „горошница“ (сваренный въ водѣ и политый подсолнечнымъ или конопляннымъ масломъ горохъ). Очень развившееся за послѣднее время маслодѣліе въ Тобольской и Томской губ. отняло отъ крестьянскаго стола много молочныхъ продуктовъ, а неурожаи послѣднихъ лѣтъ, вызвавшіе усиленную продажу скота, сократили употребленіе мяса.

Зажиточность сибирскаго крестьянина видна также и въ его одеждѣ. Сибирякъ никогда не носилъ лаптей. Лѣтомъ онъ носитъ высокіе сапоги, зимой — бродни (длинная кожаная обувь съ мягкой внутренней подошвой, завязывающаяся ремешкомъ подъ колѣномъ) и „пимы́“ (валенки черныя или бѣлыя съ красными крапинами, расположенными узорами). Зимой крестьяне носятъ наверхъ платья овчинныя дохи, на головѣ теплыя шапки, на рукахъ, поверхъ вязаныхъ варежекъ, кожаныя рукавицы. Азямы, армяки и шабуры (короткіе зипуны изъ „шабурины“ безъ пуговицъ) носятъ лѣтомъ; на головѣ картузъ съ лакированнымъ козырькомъ. Шаровары и рубахи дѣлаются теперь изъ привозныхъ матерій: казинета, ситца, бумазеи, миткаля, плиса, а раньше были домотканые. Появились жилеты и пиджаки. Наряжаться по-новому особенно любятъ женщины. Сарафаны

всюду (кромѣ „поляковъ“) замѣнились кофтами и юбками. Прежнія домотканые пестряди и холсты смѣнились привозной мануфактурой. Старожилы, особенно женщины, деньги, пріобрѣтаемыя отъ вновь появившихся промысловъ (отъ желѣзной дороги, маслодѣлія и т. п.), охотнѣе употребляютъ не на улучшеніе хозяйства, а на пріобрѣтеніе мануфактурныхъ и галантерейныхъ товаровъ. Сибирскій крестьянинъ живетъ пока еще зажиточно только по сравненію со своимъ зауральскимъ собратомъ и переселенцами: преобладавшее прежде, число средне-зажиточныхъ хозяйствъ теперь уменьшилось, а число кулаковъ увеличилось, но въ общемъ сибирскіе крестьяне далеко не такъ обнищали, какъ крестьяне Евр. Россіи. Тѣмъ не менѣе ограниченіе въ пользованіи землей и угодьями повлекло за собой сокращеніе крестьянскаго благосостоянія. Прежнее вольное пользованіе землей („паши и коси, гдѣ и сколько хочешь“) уже вывелось въ земледѣльческой полосѣ Тобольской и Томской губ.; прежняя сложная, крупная волостная община распалась на рядъ мелкихъ, заключающихъ въ себѣ обыкновенно по одному селенію; вмѣсто вольнаго пользованія угодьями въ такихъ общинахъ сталъ необходимъ подушный надѣлъ съ передѣломъ пашенъ и покосовъ. Заимки, которыя раньше были средствомъ захвата пустыхъ, никому не принадлежавшихъ пространствъ, теперь сдѣлались способомъ хозяйственнаго пользованія землей и покосомъ. Хозяйственный розмахъ западно-сибирскаго крестьянина сократился, а вмѣстѣ съ тѣмъ умалилось и его благосостояніе.

IX.

Переселенцы.

Съ самого начала занятія Сибири русскими наступило и ея правительственное заселеніе прежде всего въ нынѣшнихъ юго-западныхъ уѣздахъ Тоб. губ.: поселялись ямщики для болѣе скораго и правильнаго сообщенія между основываемыми городами и „острогами“, „пашенные“ крестьяне „по прибору“ (по личному прошенію назначеннаго въ то или другое мѣсто воеводы) и „по указу“ (по распоряженію правительства, переселявшаго въ Сибирь иногда цѣлыя деревни или отдѣльныя семьи), ссыльные преступники, водвореніе которыхъ въ Сибири сначала должно было служить не столько наказаніемъ ихъ этимъ способомъ, сколько средствомъ заселенія обширной и безлюдной страны. Но построеніе городковъ и остроговъ, устройство ямовъ и принудительная запись въ пашенные крестьяне не упрочило бы русскаго господства въ Сибири, если бы съ самаго же начала не возникло вольно-народное заселеніе страны. Всюду, гдѣ было брошено хлѣбное зерно свободнаго пришельца-земледѣльца, гдѣ началась осѣдлая жизнь, — тамъ русское господство развивалось и укрѣплялось навсегда. Вновь пріобрѣтенный край съ самаго же начала

привлекаетъ къ себѣ много народа изъ сѣверныхъ мѣстностей Московской Руси и Приуралья. Войны второй половины царствованія Ивана Грознаго, с страшной тяжестью ложившіяся на народъ, окончательное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, бури Смутнаго времени, наконецъ, страшное напряженіе народныхъ силъ, потребовавшееся при первыхъ двухъ государяхъ изъ дома Романовыхъ и потомъ при Петрѣ Великомъ, — все это влекло въ Сибирь множество народа, которому было тѣсно и трудно по эту сторону Урала. Воры, разбойники, разнаго рода преступники, преслѣдуемые за вѣру старообрядцы, крѣпостные, бѣжавшіе отъ своихъ господъ, люди, избѣгавшіе рекрутчины и платежа государственныхъ повинностей, — всѣ старались скрыться въ обширныхъ пустынныхъ пространствахъ Зауралья и прежде всего въ западныхъ частяхъ нынѣшней Тобольской губ. Бѣглецы селились гдѣ нибудь въ глухой тайгѣ, „урманѣ“, основывали заимки, превращавшіяся потомъ въ села и деревни, расчищали лѣсъ, заводили пашню и иногда по нѣсколько лѣтъ жили въ полной неизвѣстности правительству. Не поощряя добровольнаго переселенія, правительство въ первое время однако и не стѣсняло его, но съ 70-хъ годовъ XVII в. появляются указы, которыми запрещенъ въѣздъ въ Сибирь безъ государственныхъ проѣзжихъ грамотъ. Но самовольное переселеніе не прекратилось: рядомъ съ проѣзжими дорогами, ограждаемыми „заставами крепкими“, вились незамѣтныя лѣсныя тропы, по которымъ тайно пробирались въ Сибирь свободные переселенцы и бѣглые преступники. Въ первой половинѣ XIX в. свободно могли переселяться только государственные крестьяне съ разрѣшенія правительства. Переселеніе усилилось лишь съ отмѣной крѣпостного права, когда много милліоновъ людей получили свободу передвиженія. Но въ 60-хъ, 70-хъ и даже 80-хъ годахъ правительство не сочувствовало переселенію и даже задерживало его разными запретительными мѣрами; лишь съ 90-хъ годовъ, когда населеніе Евр. Россіи стало особенно страдать отъ малоземелья и участившихся не-

урожаевъ, правительство рѣшило содѣйствовать переселенческому движенію и упорядочить его. Съ 1896—1909 гг. всего въ Томскую губ. переселилось 1,094,000 человѣкъ и въ Тобольскую — 180,000, причемъ переселеніе особенно увеличилось въ 1907 и 1908 гг.; въ 1909 г. переселеніе сократилось, а въ 1910 г. изъ общаго числа 352,950 человѣкъ на казенныя и кабинетскія земли Томской губ. переселилось 98,308 человѣкъ.

За все это время переселеніе особенно направлялось въ Алтайскій горный округъ, благодаря его лучшимъ почвеннымъ и климатическимъ условіямъ; переселеніе въ Тоб. губ. все сокращалось, т. к. въ ней все уменьшалось количество свободныхъ и годныхъ для хлѣбопашества земель. Въ послѣднее время правительство старается направить переселенцевъ въ урманы Туринскаго и Тарскаго уѣздовъ Тоб. губ. и въ таежныя мѣстности Маріинскаго и Каинскаго уѣздовъ Тоской губ. особенно въ Чулымскую тайгу. Съ 1894—1903 гг. обратныхъ переселенцевъ изъ Западной Сибири было 15%, изъ которыхъ большинство приходится на Алтайскій округъ, меньшинство на Тобольскую губ. Переселеніе въ Западную Сибирь началась въ 80-хъ годахъ изъ ближайшихъ Вятской и Пермской губ., затѣмъ выступили Курская, Тамбовская, Тульская и др. губерніи средней черноземней полосы, а также Самарская и отчасти Саратовская. Изъ Тобольской губ. старожильцы переселялись на Алтай вслѣдствіе скопленія тамъ новыхъ переселенцевъ, уменьшившаго величину существовавшихъ тамъ раньше земельныхъ надѣловъ. Огромное большинство переселенцевъ осѣдало въ Томской губ. (причемъ болѣе трети въ Алтайскомъ округѣ). Наиболѣе густой слой переселенцевъ осѣдалъ въ широкой полосѣ по обѣимъ сторонамъ сибирской желѣзной дороги — въ Тоб. губ. въ уѣздахъ Ишимскомъ, Тюкалинскомъ и Тарскомъ, въ Томской — въ Каинскомъ, Томскомъ и Маріинскомъ. При пересѣченіи дороги рѣкой Обью (въ Новониколаевскѣ) переселенческая волна отдѣляла новый потокъ, который направлялся направо и густо осѣдалъ по верховьямъ Оби и ея

притокамъ въ предѣлахъ Алтая, преимущественно въ Барнаульскомъ, Змѣиногорскомъ и отчасти въ Томскомъ уѣздахъ. Такъ какъ сѣверо-западныя части Кузнецкаго и Бійскаго уѣздовъ заселены сравнительно густо, то переселенцы направляются туда въ небольшихъ количествахъ, а юго-восточныя части этихъ уѣздовъ, занятыя лѣсистыми горными хребтами, заселятся позднѣе.

Въ послѣдніе годы переселенцы водворяются, главнымъ образомъ, въ урманныхъ мѣстностяхъ Тарскаго, Каинскаго и Маріинскаго уѣздовъ, двигаясь къ сѣверу и занимая также лѣсныя части Туринскаго уѣзда. Урманы одного Тарскаго уѣзда занимаютъ до $4^1/_2$ мил. десятинъ, въ сѣверной части Барабы ихъ до 4 мил. Заселеніе урмановъ и тайги встрѣчаетъ много препятствій: слишкомъ суровой климатъ вообще, обиліе влаги, частыя болота, поздніе весенніе и ранніе осенніе заморозки, множество комаровъ и мошекъ („гнусъ“) лѣтомъ. Чтобы расчистить лѣсъ и поднять землю, нужно огромное количество труда и немало денежныхъ средствъ, такъ что переселенцы, по большей части малодостаточные, получая всего 100 рублей пособія въ первый годъ, должны пережить величайшія трудности, прежде чѣмъ устроиться въ урманѣ. Тамъ могутъ сносно устроиться лишь болѣе или менѣе состоятельные выходцы изъ лѣсныхъ сѣверо-восточныхъ губерній Евр. Россіи, но не изъ южныхъ черноземныхъ и степныхъ. Всѣ расходы и затраты на переселеніе превышаютъ сумму всего проданнаго кретьянскаго имущества средне-состоятельнаго переселенца. Въ первое время послѣ прибытія въ Сибирь и нѣкоторыхъ расходовъ на обзаведеніе переселенецъ нерѣдко оказывается нищимъ, а если онъ ушель съ мѣста жительства самовольно, да еще съ кучей висящихъ надъ нимъ долговыхъ и податныхъ обязательствъ, то ему приходится начинать съ батрачества, получая въ первое время за свой трудъ (засѣянное поле) какія нибудь земледѣльческія орудія. Живя часто въ выпрошенной Христа ради полуразвалившейся избушкѣ или черной банѣ, а чаще въ сѣрой промерзающей зимой землянкѣ, крытой дерномъ, — онъ только посредствомъ усиленнаго труда и крайняго сокращенія всѣхъ потребностей можетъ кое-какъ расплатиться съ долгами и завести собственное хозяйство,

Если все идетъ хорошо, то переселенцу удается обстроиться и завести хозяйство уже на второй годъ, но въ случаѣ болѣзни или потери рабочихъ рукъ онъ на много лѣтъ остается недоимщикомъ.

Отношенія старожилаго, коренного населенія къ новоселамъ нельзя назвать всюду мирными и дружественными. Новоселы все болѣе и болѣе стѣсняютъ барабинскихъ и чулымскихъ татаръ и алтайскихъ калмыковъ въ пользованіи пастбищными угодьями, а старожиловъ лишаютъ прежняго земельнаго простора, свободнаго пользованія лугами, лѣсами и пахотными угодьями. Нѣкоторые старожилы на Алтаѣ, тяготясь сосѣдствомъ съ переселенцами, стремятся въ горныя, еще пустынныя, долины и основываютъ свои „заимки“.

Правительственная ссуда далеко не всегда своевременно и полностью получается переселенцами. Даваемые имъ 15-десятинные надѣлы облагаются оброчной податью съ самаго начала, когда они еще не могутъ использовать своихъ надѣловъ и получить съ нихъ доходъ. Крайняя влажность въ таежныхъ мѣстахъ, наоборотъ, сухость въ степныхъ, бездорожица въ тайгахъ и урманахъ, иногда ошибочное признаніе плохихъ участковъ пригодными, неумѣнье уроженцевъ степныхъ мѣстностей устроиться въ лѣсныхъ, — все это заставляетъ многихъ изъ переселенцевъ двигаться обратно въ Евр. Россію. Процентъ вернувшихся обратно все возрастаетъ, и въ 1910 г. достигъ 36% (для всѣхъ вообще 352,950 переселенцевъ). Обратное движеніе въ 1910 г. было особенно замѣтно изъ Томской губ. Причины обратнаго переселенія оставались прежними: недостатокъ средствъ какъ для проживанія въ первое время или даже для пути, такъ и для приписки къ заселеннымъ поселкамъ вслѣдствіе дорого стоющихъ пріемныхъ приговоровъ, невозможность сѣсть на облюбованномъ участкѣ вслѣдствіе его занятія другими или закрытія для водворенія, неимѣніе надлежащаго разрѣшенія на переселеніе, наконецъ, недовольство новыми мѣстами по почвеннымъ или климатическимъ условіямъ.

Увеличеніе числа обратныхъ переселенцевъ зависитъ отъ ухудшенія общихъ условій переселенія: теперь имъ приходится селиться на худшихъ земляхъ, болѣе удаленныхъ

отъ прежнихъ мѣстъ, гдѣ уже давно осѣли переселенцы; стоимость водворенія и обзаведенія увеличилась, а заработки сократились; наконецъ, въ Сибирь теперь двигаются не болѣе предпріимчивые люди, имѣвшіе нѣкоторый достатокъ, а заурядная масса, слабосильная и обнищавшая. Слабый притокъ переселенцевъ въ Тобольскую губ. въ настоящее время и большой процентъ обратныхъ изъ Томской губ. объясняются тѣмъ, что въ первой всѣ удобныя лѣсо-степныя мѣстности уже заняты прибывшими раньше, а въ Томской вообще осталось очень мало свободныхъ и удобныхъ земель: въ Алтайскомъ округѣ излишковъ едва-ли найдется болѣе 500,000 дес. и нѣсколько сотъ тысячъ въ степныхъ, юго-западныхъ частяхъ Каинскаго уѣзда, плохо обезпеченныхъ водой и съ плохими климатическими условіями, и нѣкоторое количество въ инородческихъ мѣстностяхъ средней Сибири. Что касается таежныхъ пространствъ, то, какъ сказано выше, они могутъ заселяться лишь выходцами изъ лѣсныхъ мѣстностей, притомъ очень трудолюбивыми и довольно зажиточными.

X.

Хозяйственная дѣятельность населенія въ связи съ пользованіемъ произведеніями царства растительности.

Въ Западной, какъ и вообще во всей, Сибири собственникомъ земли являлось до самаго послѣдняго времени государство. Хотя въ прежнее время, до прилива въ Сибирь переселенцевъ (за все время не менѣе 3 мил. человѣкъ), старожилое населеніе, пользуясь безграничнымъ земельнымъ просторомъ, свободно пользовалось землей, пахало, косило, рубило лѣсъ, строило заимки, гдѣ ему было угодно, — однако оно пользовалось всѣмъ этимъ только на правахъ владѣнія и пользованія, а не по праву собственности. Въ XVII в. служилые люди получали около городовъ покосы и пашни, но не на правахъ собственности. Сибирское землепользованіе слагалось при условіи земельнаго простора, и только съ половины 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, съ развитіемъ переселенческаго движенія, началось землеустройство сибирскаго населенія, причемъ старожилы должны были получить по 15 дес. земли и по 3 дес. лѣса на душу. Если у старожиловъ оказывалось больше земли, чѣмъ должно было нахо-

диться въ ихъ пользованіи по числу душъ, то они должны были отказаться отъ излишней земли, или допринять переселенцевъ. Захватъ земли, не ограниченный на дѣлѣ никакимъ количествомъ, сохранился въ настоящее время только въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ уголкахъ Алтая и таежныхъ и урманныхъ мѣстностяхъ. Въ самое послѣднее время предположено установить въ Сибири полную собственность крестьянъ на занимаемые ими надѣлы. Но и въ настоящее время въ предѣлахъ Западной Сибири имѣются частные земельные собственники. Въ Тобольской губ. почти 600 частнымъ владѣльцамъ принадлежатъ 284,000 дес.; въ Томской губ. въ частномъ владѣніи находится 26,000 дес., не считая 43 милліоновъ, принадлежащихъ кабинету Его Величества на правахъ частной собственности.

Раньше въ Сибири господствовало залежно-паровое полеводство, что было возможно только при слишкомъ большомъ земельномъ просторѣ, когда возможно было пользоваться только третьей, а иногда и восьмой частью всей пахотной земли, въ то время какъ остальная находилась въ залежи. Съ увеличеніемъ поселенія сроки залежи стали сокращаться, и это стало отзываться на урожаяхъ. Въ Томской губ. въ послѣднія 15—17 лѣтъ, благодаря быстрому сокращенію прежняго земельнаго простора, взамѣнъ залежнаго хозяйства, когда послѣ 3—5 сборовъ хлѣба земля оставалась въ залежѣ по 15 лѣтъ, установилось хозяйство залежно-паровое со все болѣе сокращающимися сроками залежи до такой степени, что теперь послѣ 2—3 хлѣбовъ возможенъ только одинъ годъ залежи. Это перелогополье является переходомъ къ трехполью, которое уже устанавливается въ Туринскомъ и южныхъ уѣздахъ — Ишимскомъ, Курганскомъ и Ялуторовскомъ Тоб. губ. Сѣвооборотъ начинаетъ приближаться къ трехполью и въ болѣе населенныхъ мѣстахъ Барабы, Томскаго и Маріинскаго уѣздовъ, а гдѣ почва болѣе истощена, то къ двухполью. Навозное удобреніе повышаетъ урожайность въ Западной Сибири на 30—120% и теперь начинаетъ все болѣе и болѣе примѣняться. Въ болѣе сѣверныхъ мѣстностяхъ при удобреніи урожаи стали болѣе постоянными. Въ урманахъ и таежныхъ мѣстахъ пашни расчищаются изъ-подъ лѣса „па-

лами“ (выжиганіемъ) или „черченіемъ“. Такими способами въ тайгѣ и урманахъ уже давно образовались „елани“ (открытыя мѣста) и „бѣльники“ (пространства, заросшія березовымъ лѣсомъ). Въ западно-сибирскомъ полеводствѣ не существуетъ принудительнаго сѣвооборота: одинъ хозяинъ пускаетъ земли подъ паръ послѣ двухъ лѣтъ обработки, другой черезъ годъ; время залежи тоже далеко не одинаково; посѣвы хлѣбовъ чередуются въ разной послѣдовательности.

Крестьянское, сельское населеніе составляетъ болѣе 90% населенія Западной Сибири и почти все занимается по преимуществу земледѣліемъ. Въ этомъ отношеніи старожилы не отличаются отъ новоселовъ, которые, прибывая изъ земледѣльческихъ мѣстностей Евр. Россіи, не знаютъ никакого другого промысла. Качество почвы вызываетъ преобладаніе того или другого сорта хлѣба въ той или другой мѣстности. Пшеница преобладаетъ на черноземѣ степной юго-западной части Тобольской губ. — въ уѣздахъ Ялуторовскомъ, Ишимскомъ, Курганскомъ и Тюкалинскомъ, въ среднихъ мѣстностяхъ Каинскаго и Маріинскаго уѣздовъ Томской губ. и вообще на Алтаѣ. Здѣсь посѣвы пшеницы составляютъ болѣе половины всѣхъ прочихъ посѣвовъ; къ востоку отъ Томска, въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, черноземныя почвы способствуютъ распространенію озимой ржи, а въ средней земледѣльческой части Тоб. губ., гдѣ почвы малосильны и уже истощены, господствуютъ менѣе взыскательные ячмень и яровая рожь. Въ сѣверныхъ уѣздахъ на первомъ мѣстѣ стоятъ озимые хлѣба, а по направленію къ югу ихъ постепенно смѣняютъ яровые.

Подготовка почвы для посѣва въ Западной Сибири лучше, чѣмъ въ Европ. Россіи, особенно у старожиловъ, болѣе богатыхъ рабочимъ скотомъ: въ соху запрягается пара или даже тройка лошадей, почему глубина пахоты можетъ быть доведена до 4—5, даже до 6 вершковъ, при ширинѣ ея тоже въ 6 вершковъ. Сибирская почва вообще тяжела, скоро зарастаетъ сорными травами, почему и требуетъ болѣе старательной обработки и болѣе глубокой пахоты. Легкой сохой и деревянной бороной съ ней не справиться, почему тамъ приняты болѣе тяжелыя сохи — „колесянка“ и „рогамолъ“, да и первая въ степныхъ мѣстахъ теперь вытѣсняется плугомъ, а въ Бій-

скомъ, Томскомъ и Кузнецкомъ уѣздахъ она даже замѣнена пермскимъ сабаномъ („пермянкой"), но работа сабана хотя и легче и лучше, но уступаетъ работѣ плуга, потому что оставляетъ желобчатую борозду и потому способствуетъ зарастанію поля сорными травами.

Улучшенныя земледѣльческія орудія послѣ проведенія желѣзной дороги очень широко распространились въ Сибири. Съ каждымъ годомъ все увеличиваются обороты нѣсколькихъ десятковъ складовъ этихъ орудій, основанныхъ переселенческимъ управленіемъ въ земледѣльческихъ частяхъ Сибири, а также частныхъ иностранныхъ, преимущественно американскихъ компаній. Особенно охотно пріобрѣтаются населеніемъ плуги, вѣялки, молотилки, жатвенныя машины, механическія грабли и сѣнокосилки. Всѣ земледѣльческія машины, отправляемыя въ Сибирь, до сихъ поръ свободны отъ таможеннаго обложенія. Особенно успѣшно земледѣльческія орудія распространяются на Алтаѣ, какъ и новые и лучшіе сорта хлѣбовъ — ржи, китайки, зерно которой очень мало отличается отъ пшеницы, пшеницы-бѣлотурки или кубанки, китайской и др. Такъ какъ сибирскій крестьянинъ мало заботился объ очисткѣ и сортировкѣ сѣмянъ, то качество хлѣбовъ ухудшается, они перерождаются, и получается сортъ, извѣстный подъ именемъ „перерода." Наихудшій сортъ пшеницы — „русская" — пшеница особенно распространенъ въ Тобольской и Томской губ. Сибирскій овесъ ничѣмъ не отличается отъ разводимаго въ Европейской Россіи.

Лучшіе урожаи получаются въ ишимскихъ степяхъ и на Алтаѣ, гдѣ пшеница даетъ отъ отъ 70—80 п. съ десятины, рожь отъ 60—80, овесъ отъ 70—120 п. съ дес. Но урожаи въ Западной Сибири отличаются крайнимъ непостоянствомъ вслѣдствіе раннихъ заморозковъ или засухъ, которыя повторяются теперь все чаще и чаще. Изъ хлѣбовъ въ Тобольской и Томской губ. болше всего (болѣе 50%) сѣется яровой пшеницы; далѣе идетъ овесъ (почти 40%), озимая и яровая рожь, ячмень, просо, греча. Несмотря на учащающіеся неурожаи, посѣвная площадь въ Западной Сибири все расширяется, и количество собираемаго хлѣба увеличивается, какъ это видно изъ слѣдующихъ таблицъ:

Площадь посѣва всѣхъ хлѣбовъ:

	1897 г.	1909 г.
Тобольская губ.	1,000,000 дес.	1,245,000 дес.
Томская „	1,500,000 „	2,402,000 „

Площадь посѣва пшеницы:

Тобольская губ.	425,900 дес.	524,000 дес.
Томская „	588,000 „	1,547,300 „

Въ Томской губ. посѣвная площадь подъ пшеницей за 13 лѣтъ (1896—1909 г.г.) возросла почти на 100%, — а вообще изъ 266,148,200 п., собранныхъ въ 1909 г. во всей Сибири (включая Акмолинскую и Семипалатинскую области) на Томскую губ. приходится свыше 40%. Въ этой губерніи собрана половина всей сибирской яровой пшеницы (48 мил. пуд.) Возрастаніе посѣвной площади и увеличеніе сбора хлѣбовъ въ Томской губ. происходитъ преимущественно отъ прилива туда переселенцевъ въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ въ Тобольской губ.: за время съ 1896—1909 г.г. въ эту губернію прибыло 1,094,000 переселенцевъ — и посѣвная площадь возросла на 997,500 дес., между тѣмъ какъ въ Тобольскую губ. переселилось всего 180,000 человѣкъ, почему тамъ и посѣвная площадь возросла всего на 34,700 дес.

Земледѣліе является главнѣйшимъ занятіемъ населенія лишь въ той полосѣ Западной Сибири, которая совпадаетъ съ лучшими почвами, лѣсо-степной полосѣ, лежащей между таежными пустынями на сѣверѣ и степными пространствами на югѣ. Въ этой полосѣ не только вполнѣ достаточно своего хлѣба для мѣстнаго населенія, но ежегодно получается все растущій излишекъ для вывоза на западъ — въ Евр. Россію и даже за границу. Но земледѣліе невозможно въ Березовскомъ и сѣверной части Туринскаго уѣздовъ, хотя въ мѣстахъ, защищенныхъ съ сѣвера холмами или лѣсомъ, опыты земледѣлія производились даже у 61° сѣв. широты, какъ напр. въ старовѣрческихъ поселкахъ въ урманахъ сѣверной части Пелымскаго края и въ с. Юганѣ Сургутскаго уѣзда.

Многіе, изъ алтайскихъ кочевыхъ инородцевъ до сихъ поръ воздѣлываютъ ячмень на небольшихъ, расчищенныхъ изъ-подъ лѣса полянкахъ въ $^1/_2$—$^1/_4$ десятины, въ родѣ огорода, при помощи особой мотыли („обылъ“). Иногда для

этого выбираются занавозившія мѣста лѣтнихъ стоянокъ; для орошенія проводятся мелкія канавки, отведенныя изъ горныхъ рѣчекъ. На такихъ пашняхъ всѣ сорныя травы вышалываются руками, ячмень скашивается, обжигается въ огнѣ, развѣшивается, сушится на изгородьяхъ, обмочивается суковатой дубиной и отвѣивается. Его поджариваютъ въ котелкѣ-толкутъ въ деревянной ступѣ и снова перемалываютъ ручными жерновами. Но теперь способъ ручной обработки уже выходитъ изъ употребленія даже и у черневыхъ татаръ и замѣняется коннымъ орудіемъ („андазынъ“), напоминающимъ соху самого простого устройства. Чѣмъ болѣе алтайскіе инородцы переходятъ къ осѣдлости и подчиняются русскому вліянію, тѣмъ болѣе расширяются ихъ запашки, и тѣмъ болѣе ячмень уступаетъ мѣсто другимъ хлѣбамъ — пшеницѣ и овсу, вводятся русскія сохи, бороны, снопы, молотьба лошадьми.[1]

Высота многихъ мѣстностей Алтая, вслѣдствіе чего тамъ обыкновенны майскіе и даже іюньскіе холода, инеи, очень холодные утренники и ранніе осенніе, даже августовскіе, заморозки, — дѣлаетъ то, что въ высокихъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ горнаго Алтая даже русскіе засѣваютъ очень мало хлѣба; изъ кочующихъ калмыковъ земледѣліемъ занимается едва половина, а изъ киргизъ всего пятая часть. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ до $^4/_5$ инородцевъ совершенно не занимаются земледѣліемъ.

Огородничествомъ западно-сибирскіе крестьяне занимаются для собственнаго употребленія; въ огородахъ разводятъ огурцы и другіе овощи, арбузы, дыни, на пашняхъ горохъ и картофель. Какъ промыселъ, огородничество развилась лишь около большихъ городовъ. Въ южныхъ частяхъ Тобольской и Томской губ., гдѣ хорошо доспѣваютъ арбузы и дыни, могло бы развиться бахчеводство. Теперь только въ Барнаульскомъ уѣздѣ разводятся мелкіе, но довольно сладкіе арбузы на продажу въ Барнаулъ и Томскъ.

Климатъ Западной Сибири, очень суровый зимой, съ поздними весенними морозами, повидимому, ставитъ промышленному плодоводству очень серьезныя преграды. Мелкая кислая вишня растетъ въ южныхъ уѣздахъ Тобольской губ. не только въ садахъ, но и на поляхъ. Въ южномъ Алтаѣ,

въ теплыхъ долинахъ Бійскаго уѣзда, новоселы дѣлаютъ попытки разведенія яблонь и, по слухамъ, довольны достигнутыми успѣхами.

Въ Туринскомъ, Тарскомъ и Тобольскомъ уѣздахъ, а также въ Томскомъ, производится сборъ брусники и клюквы съ промысловою цѣлью. Для сбора брусники, которая особенно хороша въ сосновыхъ барахъ, назначается опредѣленный день во второй половинѣ августа. Собирать бруснику отправляется все село, цѣлыми семьями. Обыкновенно средняя семья можетъ набрать отъ 80—100 пудовъ ягодъ въ урожайные годы. Чтобы ягоды уродились лучше, одинъ разъ въ 7—8 лѣтъ брусничники подвергаются опалкѣ. Брусникой особенно богатъ Кондинскій край. Брусника въ замороженномъ видѣ отправляется зимою въ южные уѣзды. Клюква — другая промысловая ягода, собирается въ тайгахъ и урманахъ на моховыхъ болотахъ. Къ числу чисто-мѣстныхъ промысловъ южныхъ уѣздовъ Томской губ. принадлежитъ сборъ „черемши“, или „колбы“ (медвѣжій чеснокъ). Весной, въ апрѣлѣ и маѣ, за черемшой въ луга отправляются цѣлые караваны съ мѣшками. Стебли черемши ѣдятъ въ сыромъ, соленомъ, квашеномъ видѣ не какъ питательное, а какъ вкусовое вещество. Когда въ лѣтнее время обитатели сибирской деревни наѣдятся черемши, то отвратительный запахъ, который послѣ этого пріобрѣтаетъ дыханіе человѣка, почти нестерпимъ для непривычнаго человѣка даже на улицѣ. При цынгѣ черемша является лучшимъ лекарствомъ. Изъ лиственницъ алтайскихъ лѣсовъ добывается смола („сѣра“), которая перетапливается въ русскихъ печахъ и продается на мѣстныхъ рынкахъ для жеванія. Старожиламъ и инородцамъ „сѣра“ кажется лакомствомъ, и они очень привыкаютъ къ ней. Сборъ дикаго меда, преимущественно черневыми инородцами, распространенъ въ таежныхъ мѣстахъ Алтайскаго горного округа. На рѣчныхъ островахъ южныхъ частей Томской губ. производится сборъ черемухи и хмеля. Черемуха сушится, вмѣстѣ съ зерномъ размалывается на мельницахъ и въ видѣ муки поступаетъ въ продажу. Въ постные дни эта мука, заваренная въ водѣ, иногда съ медомъ, употребляется въ пирогахъ и съ чаемъ вмѣсто варенья. Прочія

ягоды, какъ малина, смородина, клубника, собираются женщинами и дѣтьми въ праздничные дни и поставляются на водочные заводы для приготовленія наливокъ. Грибы (грузди и рыжики) поставляются на рынокъ въ сушеномъ и соленомъ видѣ.

Сѣнокошеніе, какъ правильное промысловое занятіе, развито лишь около городовъ и вдоль почтовыхъ и торговыхъ трактовъ, гдѣ зимой существуетъ гужевая доставка товаровъ. Травосѣяніе началось въ Западной Сибири съ 1900 г. въ южныхъ уѣздахъ Тобольской губ. Но нѣсколько сотъ десятинъ кормовыхъ травъ засѣваются теперь въ Бійскомъ и Кузнецкомъ уѣздахъ Томской губ. Лучше всего удается посѣвъ вики, могара, тимоѳеевки и т. п. травъ, и тѣхъ, которыя въ дикомъ видѣ встрѣчаются въ той или другой мѣстности (клеверъ). Травосѣяніе развивается въ мѣстностяхъ съ усиленнымъ маслодѣліемъ. Табакъ разводится въ приалтайскихъ мѣстностяхъ. Разведеніе махорки прочно утвердилось въ Бійскомъ уѣздѣ.

Ленъ и пенька въ предѣлахъ Западной Сибири воздѣлываются въ довольно значительныхъ размѣрахъ.

Лѣсъ, раньше покрывавшій въ Западной Сибири гораздо болѣе обширныя пространства, даетъ ея населенію многочисленныя и разнообразныя занятія. По большимъ сплавнымъ рѣкамъ лѣсъ доставляется въ расположенные по нимъ города, какъ строительный матеріалъ и какъ топливо; большіе города создали кругомъ себя дровяной промыслъ. Сборъ кедровыхъ орѣховъ, добываніе смолы, дегтя и угля и отмѣченный выше сборъ ягодъ и грибовъ составляютъ весьма распространенныя въ Западной Сибири занятія сельскаго населенія.

Въ Тобольской губ. орѣховый промыселъ получилъ правильный видъ въ Сургутскомъ и Пелымскомъ краяхъ и въ уѣздахъ Тарскомъ и Тобольскомъ; въ послѣднемъ находится Кондинскій, а въ Пелымскомъ краѣ Носовскій кедровники (послѣдній занимаетъ до 10,000 десятинъ). Въ Тобольскомъ у. большіе кедровники принадлежатъ вмѣстѣ нѣсколькимъ сосѣднимъ селеніямъ, и обыкновенно одинъ кедровникъ отдѣляется отъ другого непроходимыми болотами. Въ Том-

ской губ. сборомъ кедровыхъ орѣховъ особенно занимаются жители Нарымскаго края и Томскаго и Маріинскаго уѣздовъ. Много кедровниковъ раскинулось въ Кузнецкомъ и Бійскомъ уѣздахъ, особенно въ самомъ южномъ углу губерніи. Лучшіе кедровники — кондовые, съ чистымъ, стройнымъ и высокимъ стволомъ, хуже — таежные, низкіе, толстые, сучковатые. Да и орѣхъ съ кондоваго получается лучшаго качества: шишки съ него собираются „колотомъ“, а съ таежнаго — „лазомъ“. Въ первомъ случаѣ по стволу кедра колотятъ особаго рода биломъ — длинной жердью, на которую насаживается аршинный чурбанъ; шишки падаютъ съ дерева отъ ударовъ по стволу и собираются женщинами и дѣтьми. Шишки, получаемыя „колотомъ“, потому лучше, что спѣлѣе, отчего, конечно, получаются и орѣхи лучшаго качества. „Лазаки“, сбивающія шишки „лазомъ“, называются такъ потому, что берутъ „кошки“, желѣзные когти, которые на небольшихъ подушкахъ привязываются къ рукамъ и ногамъ для того, чтобы взобраться на вершину кедра и желѣзнымъ крюкомъ на длинной рукоятки пригибать вѣтви кедра и обрывать съ нихъ шишки. Если желѣзные когти отвяжутся или затупятся, или вѣтвь обломится, то „лазакъ“ падаетъ на землю и разбивается; кромѣ того, такая работа очень утомительна и требуетъ большой ловкости. Раньше въ инородческихъ кедровникахъ орѣховщики иногда прямо срубали кедры, но теперь это вывелось. Такъ какъ при сборѣ шишекъ „лазомъ“ попадаются и недозрѣлыя, то и орѣхи, собранные этимъ способомъ, считаются низшаго качества. Каждый „лазакъ“ съ двумя помощниками можетъ набрать въ годъ до 100 пуд. въ „орѣшные“ годы. Каждый дворъ набираетъ отъ 50—100 пудовъ (при большой семьѣ). Сбитыя шишки сваливаются въ кучи, гдѣ онѣ и „парятся“, какъ бы загниваютъ, и благовонный запахъ, поднимающійся отъ такихъ кучъ, привлекаетъ къ нимъ медвѣдя, который любитъ лакомиться орѣхами. Когда сборъ очень великъ, и его нельзя вынести лѣтомъ изъ тайги, строятъ деревянный срубъ; иногда случается, что медвѣди расхищаютъ все до послѣдней шишки. Когда шишки „запарятся“, и орѣхи отдѣляются легко, они

посредствомъ валька на рубчатой доскѣ выбиваются изъ шишекъ, отвѣиваются отъ шелухи и выносятся лѣтомъ на плечахъ въ мѣшкахъ, или вывозятся зимой на лошадяхъ. Дома орѣхи моются и прокаливаются въ обыкновенныхъ печахъ. Для сбора кедровыхъ орѣховъ назначается опредѣленный день въ самомъ концѣ іюля или въ началѣ августа. За сборомъ орѣховъ населеніе отправляется цѣлыми караванами обыкновенно верхомъ, а иногда и пѣшкомъ, если кедровникъ недоступенъ даже и для вершниковъ. Въ опредѣленныхъ мѣстахъ кедровника находятся избушки, или станы, отъ которыхъ прибывшіе и расходятся за сборомъ орѣховъ. Въ Тобольской губ. урожаи орѣховъ бываютъ не каждый годъ, а обыкновенно черезъ годъ, и разъ въ 10—15 лѣтъ бываютъ отличные урожаи. Орѣхамъ иногда вредитъ птичка ронжа, или кедровка. Дальше къ востоку добыча орѣховъ больше, чѣмъ въ Тобольской губ., и здѣсь орѣхи продаются дороже, почему и увеличивается размѣръ заработка — отъ 50—1000, доходя до 200—250 р. на семью. Цѣна на орѣхи все поднимается вслѣдствіе неурожаевъ и истребленія кедровниковъ пожарами. Тамъ, гдѣ орѣховый промыселъ является главнымъ, какъ въ Пелымскомъ краѣ, онъ дѣйствуетъ вредно на нравственность населенія, потому что отвлекаетъ его отъ земледѣлія, вкореняетъ безпечность, вовлекаетъ въ задолженность, развивая излишнія потребности надеждой на легкій и выгодный промыселъ; въ Туринскомъ у. орѣховый промыселъ полезнъ, какъ подсобный, такъ какъ не требуетъ много времени. Въ Маріинскомъ и Томскомъ уѣздахъ орѣховымъ промысломъ занимается русское населеніе, въ Кузнецкомъ и особенно Бійскомъ — кочующіе инородцы, которые изъ этого промысла не извлекаютъ особенной выгоды, потому что различные скупщики разыскиваютъ ихъ еще въ тайгѣ и вымѣниваютъ орѣхи на водку. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Алтаѣ существуютъ заповѣдные кедровники, которые передаются отъ отца къ сыну, какъ частная собственность, и принадлежатъ отдѣльнымъ семьямъ. Въ Чулымской тайгѣ, гдѣ кедровника много, онъ дробится на „дѣлянки“, по числу окладныхъ душъ.

Во всѣхъ болѣе населенныхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Западной Сибири развито смолокуреніе изъ смолистыхъ частей сосны и изъ березы. Березовый деготь гонятъ обыкновенно въ ямахъ, хотя начинаетъ прививаться устройство печей. Въ Туринскомъ у. возникло производство пихтоваго масла.

XI.

Хозяйственное пользованіе предметами животнаго царства.

Скотоводство, являясь, въ общемъ, для русскаго населенія Западной Сибири занятіемъ второстепеннымъ, стоящимъ на второмъ мѣстѣ послѣ земледѣлія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, почти приближается къ нему по значенію, именно тамъ, гдѣ почва и особенно климатъ ставятъ земледѣліе въ сравнительно плохія условія: въ степныхъ частяхъ Тюкалинскаго и Каинскаго, у., въ причулымскихъ мѣстностяхъ Томскаго, на юго-востокѣ Алтая. По развитію скотоводства нужно отмѣтить еще сѣверныя части Тобольскаго и Туринскаго уѣздовъ и богатые пастбищами Барнаульскій и Бійскій уѣзды.

Количество всего скота въ Западной Сибири приблизительно равняется $9^1/_2$ мил., изъ которыхъ около 3 мил. приходится на Тобольскую, а до $6^1/_2$ мил. на Томскую губ. Количество лошадей и рогатого скота (въ Тоб. 830,000, въ Томской — 1,830,000 овецъ въ обѣихъ губ. — около 3 мил.,

свиней — до 700—800,000). Несмотря на эти довольно значительныя цифры, скотоводство въ Западной Сибири далеко не такъ развито, какъ это было бы необходимо при трудности сибирскихъ почвъ, обиліи пастбищныхъ и сѣнокосныхъ мѣстъ и большомъ развитіи маслодѣлія. Полоса распространенія скотоводства совершенно совпадаетъ съ земледѣльческой, причемъ въ мѣстностяхъ степныхъ преобладаютъ овцы (Тюкан., Каин., Ишим. и Тар. уѣзды и въ юго-западн. части Алтая), а въ маслодѣльныхъ уѣздахъ — Барiаульск., Ялуторск., и части Бійск., Кург., крупный рогатый скотъ. Лошади, наиболѣе важный скотъ для земледѣлія, далеко не всюду имѣются въ нужныхъ количествахъ, а на Алтаѣ, въ горнозаводскихъ селеніяхъ, процентъ безлошадныхъ доходитъ до 20 и даже до 45. Порода скота въ Западной Сибири довольно плохая; лошади хотя и выносливы, но не сильны и малорослы; только въ Притомскомъ краѣ выработалась извозная лошадь, сильная, но не быстрая. Рогатый скотъ тощъ, мелокъ, малоудоенъ, овцы даютъ плохую шерсть и мало сала, хотя въ приалтайскихъ мѣстностяхъ распространяется киргизская овца. До сихъ поръ западно-сибирское скотоводство не имѣетъ промышленнаго значенія; скотъ на вывозъ въ Евр. Россіи въ живомъ видѣ и мороженое мясо зимой идутъ, главнымъ образомъ, изъ Степного края. У инородческаго населенія горнаго Алтая скотоводство составляетъ главнѣйшій источникъ существованія, именно у инородцевъ Чуйской долины, сосѣдней съ Китаемъ, и у южныхъ береговъ Телецкаго озера, а также по рѣкамъ Катуни и Чарышу. Обращеніе инородцевъ со скотомъ крайне небрежно, и онъ часто погибаетъ въ большихъ количествахъ отъ безкормицы во время гололедицы. Большія опустошенія наносятъ рогатому скоту чума, заносимая гуртами изъ средне-азіатскихъ степей, и сибирская язва, уже давно утвердившаяся въ Каинскомъ уѣздѣ съ болотистой торфяной почвой нѣкоторыхъ его частей.

Въ послѣдніе годы въ Западной Сибири по линіи желѣзной дороги начало распространяться свиноводство, особенно въ Курганскомъ уѣздѣ. Иностранныя фирмы устроили тамъ обширныя свинобойни и отправляютъ за границу много бэкона и сала. Крестьяне стали во мно-

Приготовленіе калмыками напитка „араки“

Калмычки трутъ соль на камнѣ.

г. Томскъ. Технологическій институтъ.

г. Томскъ. Университетъ.

жествѣ разводить свиней, засѣвая для нихъ картофелемъ цѣлыя десятины. Вырывая картофель, свиньи тѣмъ самымъ подготовляютъ землю къ новому посѣву. Въ 1910 г. на курганскихъ свинобойняхъ было убито 75,000 животныхъ, а вѣсь доходъ отъ свиноводства въ Курганскомъ уѣздѣ въ 1909 г. исчисляется въ 1,478,750 р. Свиноводство развивается и въ Бійскомъ уѣздѣ.

Улучшенное овцеводство начинаетъ развиваться въ Змѣиногорскомъ уѣздѣ, куда съ 1906 г. въ Коростелевскую степь прибыло до 17,000 мазаевскихъ овецъ. Въ этихъ приалтайскихъ степныхъ мѣстахъ существуетъ и мѣстная овца, которая могла бы быть улучшена и давать хорошую шерсть.

Въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія на Алтаѣ возникъ мѣстный народный промыселъ — мараловодство. Маралъ, видъ благороднаго оленя, отличается длинными вѣтвистыми рогами, которые, когда еще молоды и мелки, особенно цѣнятся въ Китаѣ; изъ нихъ китайцы приготовляютъ какое-то секретное средство, возстановляющее силы. Рога марала возобновляются каждый годъ и около Петрова дня представляются внутри какъ бы студенистыми сгустками крови вслѣдствіе переполненія ихъ кровеносными сосудами. Раньше рога добывались только посредствомъ охоты на мараловъ, но теперь охота на мараловъ запрещена по всему Алтаю, и крестьяне уже давно начали ловить мараловъ живыми и содержать ихъ въ особыхъ маральникахъ — обширныхъ загородкахъ съ лугомъ, лѣсомъ, рѣчкой и хотя бы искусственнымъ солонцомъ. Съ ранней весны до 1 окт. для каждаго марала необходимо $^1/_2$ десятины пастбища, съ чѣмъ и должно сообразоваться число мараловъ въ загороди. На 4-мъ году происходитъ срѣзываніе роговъ въ особыхъ станкахъ, подобныхъ тѣмъ, на которыхъ подковываютъ лошадей.

Спиленные рога (они имѣются только у самцовъ) завариваются въ соленой горячей водѣ, въ которую прибавляется кирпичный чай, затѣмъ высушиваются на сквозномъ вѣтрѣ, — это самый лучшій, хотя и медленный способъ. Скупщики роговъ пріобрѣтаютъ ихъ отъ мараловодовъ и отправляютъ въ Китай. Рога раздѣляются на два сорта — спиленные и лобовые (съ частью черепа; послѣдніе считаются лучшими).

Рога дикихъ мараловъ цѣнятся выше домашныхъ. Китайцы очень хорошо умѣютъ отличать эти сорта роговъ и никогда не ошибаются. Самые лучшіе рога, покрытые густой серебристой шерстью, покупаемые на Алтаѣ за 5—9 руб. фунтъ, въ Китаѣ продаются отъ 25—35 р. (Вѣсъ роговъ — отъ 10 до 20 ф.) На 13—14 годахъ маралъ даетъ уже очень мелкіе рога, и тогда его откармливаютъ и колютъ. Мясо старыхъ мараловъ очень вкусно. Кромѣ того, изъ кожи мараловъ приготовляется очень хорошая замша. Къ неволѣ маралъ плохо привыкаетъ и слабо размножается, какъ бы ни были обширны и хороши маральники. На Алтаѣ, около Улалы, находится одинъ маральникъ съ 60 маралами, на Чуѣ и Катуни имѣются обширные загороди на 200 животныхъ. Особенно много мелкихъ маральниковъ въ Бійскомъ уѣздѣ, въ верховьяхъ рѣки Бухтармы (дер. Берель) и около Каргана.

Стариннымъ сибирскимъ промысломъ, возникшимъ по преданію еще въ XVIII в. въ Усть-каменогорскомъ у., является пчеловодство, особенно развившееся на Алтаѣ, въ Змѣиногорскомъ у., въ таежныхъ и черневыхъ мѣстностяхъ, въ долинахъ, покрытыхъ „большетравьемъ“, или „чернотравьемъ“ — густой травяной растительностью съ множествомъ цвѣтовъ, представляющихъ лучшій кормъ для пчелъ. Алтайскіе пасѣки (болѣе 12,000 пасѣкъ и 500,000 ульевъ) расположены вдали отъ селеній, обыкновенно въ поперечныхъ долинахъ или глубокихъ логахъ, часто въ очень красивыхъ мѣстахъ, около ручья, журчащаго въ чащѣ изъ березъ, черемухи, гороховника, бузины, жимолоди и др. кустарниковъ. Пчеловодствомъ на Алтаѣ часто занимаются старики, которые, такимъ образомъ, получаютъ трудъ себѣ подъ силу и становятся полунезависимыми отъ сыновей. Кромѣ Змѣиногорскаго, пчеловодство распространено въ сѣверо-западной половинѣ Бійскаго уѣзда. Пасѣки вообще не поднимаются на плоскогорья Алтая и не спускаются на плоскія сухія степи, придерживаясь или покрытыхъ чернью горныхъ склоновъ, или холмистыхъ, хорошо орошаемыхъ лѣсистыхъ равнинъ, обильныхъ медоносными цвѣтущими растеніями.

Хотя пчеловодство въ Томской губ. все больше и больше развивается, но все-таки не въ такой мѣрѣ, какъ это было бы вполнѣ возможно вслѣдствіе очень благопріятныхъ для него мѣстныхъ условій. Ульи почти всюду первобытные (колоды), искусственная вощина почти не примѣняется, искусственнаго кормленія пчелъ зимой мѣстные пчеловоды почти не знаютъ, отчего много пчелъ погибаетъ, медоносныхъ травъ почти нигдѣ не сѣютъ. Медъ отъ вощины отдѣляется неумѣло: соты складываваются въ корыта и для скорости отжимаются руками, почему медъ получается грязный и долго пѣнится. Въ Кузнецкомъ и Бійскомъ уѣздахъ черневые татары занимаются и бортовымъ пчеловодствомъ — собираніемъ меда отъ одичалыхъ пчелъ. Змѣиногорскъ и Устькаменогорскъ являются главными рынками сбыта меда и воска.

Въ мѣстностяхъ Западной Сибири, гдѣ земледѣліе и скотоводство не развиты, въ урманныхъ, таежныхъ и лѣсистыхъ пространствахъ сѣверныхъ частей Тобольской и Томской губерній, охотничій промыселъ является весьма важнымъ занятіемъ населенія. Въ среднихъ и южныхъ частяхъ Тоб. губ. и въ Каинскомъ, Змѣиногорскомъ и Барнаульскомъ уѣздахъ Томской г. промысловой охоты почти не существуетъ. Медвѣди, лоси, лисицы являются главными изъ крупныхъ промысловыхъ животныхъ въ тайгахъ и урманахъ, а изъ мелкихъ — соболи, бѣлки, бурундуки, изъ птицъ — глухари, тетерева и особенно рябчики.

На Алтаѣ число промысловыхъ животныхъ увеличивается козулой и кабаргой. Наиболѣе цѣннаго промыслового звѣря въ Западной Сибири — соболя — теперь почти нѣтъ: онъ встрѣчается лишь въ Пелымскомъ краѣ, въ незаселенныхъ его частяхъ, на сѣверѣ Тобольскаго уѣзда и на Алтаѣ, въ Кузнецкомъ и Бійскомъ уѣздахъ. Охота на соболя начинается по первому снѣгу. Если соболь прячется въ дупло, то его ловятъ „ометомъ“, т. е. сѣтью, которой закрываютъ отверстіе дупла. Выкуренный оттуда дымомъ разложеннаго костра, соболь выскакиваетъ въ сѣть, и тогда его быстро схватываютъ

руками въ лосиныхъ рукавицахъ. При этомъ необходимо спѣшить, потому что зубы соболя необыкновенно остры и быстро перегрызутъ сѣть. Западно-сибирскіе соболи вообще не отличаются той пушистостью и темнымъ цвѣтомъ, которые особенно цѣнятся въ соболяхъ, и потому не столь высоко стоятъ на рынкѣ, какъ соболи изъ отдаленныхъ мѣстъ Восточной Сибири.

Для ловли звѣрей населеніе Западной Сибири употребляетъ ружья, преимущественно кремневыя, потому что ихъ легче исправлять, луки съ деревянными стрѣлами, копья и особенно разнаго рода ловушки. Такъ какъ промысловые звѣри и птицы разнообразны, ихъ привычки и образъ жизни неодинаковы, то и звѣропромышленники, особенно инородцы, употребляютъ весьма различные способы охоты за различными звѣрями и птицами, но многіе способы ловли одинаковы, какъ въ урманахъ Тобольской губ., такъ и въ тайгахъ Якутской области. Одинаковыя условія выработали и одинаковые пріемы охоты, но всѣ они основаны на глубокомъ знаніи привычекъ разныхъ звѣрей и, при всей своей простотѣ, весьма остроумны.

Принятые во всей Сибири снаряды для ловли звѣрей съ небольшими измѣненіями, можно раздѣлить на четыре рода: 1) падающіе (срубы, пасти, кулемы и т. п.) состоятъ въ томъ, что настороженная доска, или бревно, падаетъ и придавливаетъ животное, какъ только оно, привлеченное приманкой, коснется приспособленія. Эти ловушки употребляются при охотѣ на бѣлокъ, горностаевъ, колонковъ и соболей. 2) Самострѣлы состоятъ изъ луковъ, обращенныхъ стрѣлой прямо къ подходящему звѣрю; стрѣла само собой спускается, какъ только животное коснется приспособленія, соединеннаго съ тетивой, и поражаетъ его обыкновенно сбоку. Такіе самострѣлы ставятъ на крупныхъ звѣрей — лисицъ, россомахъ, дикихъ оленей и лосей; послѣднихъ ловятъ также посредствомъ ямъ, прикрытыхъ сверху, на дно которыхъ воткнуты острыя колья, или охотятся за ними „по насту.“

Эта охота начинается тогда, когда весеннее солнце начинаетъ настолько пригрѣвать, что верхніе слои снѣга растаиваютъ, но, благодаря ночнымъ морозамъ, поверхъ снѣга

образуется твердая ледяная корка. Она достаточно крѣпка, чтобы выдержать тяжесть звѣря, но въ то же время сильно мѣшаетъ его бѣгу, такъ какъ при каждомъ прыжкѣ ноги его проваливаются. Тогда вся деревенская Сибирь, гдѣ только водятся лоси (сохатые) или дикія козы, выходитъ на охоту. Охотникъ на лыжахъ, вооруженный дубиной, съ собаками, до тѣхъ поръ преслѣдуетъ звѣря, пока послѣдній совсѣмъ не выбьется изъ силъ и, изрѣзавъ себѣ въ кровь ноги, не остановится безпомощно, ожидая смерти. Въ это время избивается особенно много дикихъ козъ, которыя ходятъ стадами: все стадо выбивается ударами дубинъ охотниковъ. 3) Зажимные заряды — черканы и кляпсы, или клепсы; черканъ-самострѣлъ, настороженный вертикально особымъ приспособленіемъ прижимаетъ животное, дотронувшееся до приманки. Имъ ловятъ бѣлокъ, колонковъ и горностаевъ. Наконецъ, въ 4) бѣлокъ и, главнымъ образомъ, рябчиковъ ловятъ „силками“ и „петлями“. На деревьяхъ, соединяющихъ, какъ воздушная тропа, два лѣса, посѣщаемые бѣлками, — горизонтально развѣшиваются жерди съ волосяными петлями, куда и попадаютъ бѣлки, перебѣгающія изъ одного лѣса въ другой. Бѣлку также ловятъ петлями, прикрѣпленными къ концу длиннаго шеста. Отыскавъ въ дуплѣ дерева бѣличье гнѣздо, охотникъ сильно стучитъ по дереву, настороживъ шестъ съ петлей у самаго выхода изъ гнѣзда; любопытный звѣрекъ не можетъ утерпѣть, чтобы не высунуться изъ гнѣзда — и охотникъ тотчасъ набрасываетъ на него петлю. Петлями ловятъ также и рябчиковъ.

Въ мѣстахъ, гдѣ водится много рябчиковъ, охотники развѣшиваютъ пучки рябины, хорошо зная привычку рябчика ходить кругомъ вѣтвей дерева; съ обѣихъ сторонъ приманки прикрѣпляются петли изъ конскаго волоса. Рябчикъ бѣжитъ впередъ по вѣтви, вытянувъ голову впередъ, и попадаетъ шейкою въ петлю. Зайцевъ ловятъ также петлями, но болѣе сложнаго устройства и большихъ размѣровъ, или цѣлыми кучами истребляютъ ихъ на возвышенностяхъ, куда они спасаются отъ весеннихъ разливовъ рѣкъ. Въ урманахъ Тобольской губ. изъ лисьихъ ямъ вырываютъ маленькихъ лисятъ,

выкармливаютъ ихъ въ особыхъ амбарахъ на жердяхъ и потомъ убиваютъ.

Охота на дичь въ лѣсной полосѣ Западной Сибири принимаетъ все болѣе и болѣе промысловый характеръ для вывоза въ предѣлы Евр. Россіи. Водяную птицу — гусей, утокъ — ловятъ сѣтями, перевѣсами, пленицами. Въ чащахъ изъ тальника дѣлаютъ просѣку въ 10—12 саженъ шириной, вкапываютъ двѣ высокихъ жерди, на которыхъ по блоку движется рѣдкая сѣть. Внизу прикрѣпляется еще сѣть — „подтонъ“ — для окончательнаго прекращенія пути птицамъ. Охотникъ прячется съ веревкой въ рукахъ, посредствомъ которой и опускаетъ сѣть въ нужное время. Утки летаютъ обыкновенно по ночамъ, и въ каждую ночь ихъ можно наловить сѣтью до 250 штукъ. Глухарей ловятъ пленицами — рядомъ волосяныхъ петель, прикрѣпленныхъ къ шнурку, или жерди, которые помѣщаются поперекъ ихъ тропинокъ.

На промыселъ звѣрей инородцы отправляются обыкновенно въ самомъ началѣ зимы или въ половинѣ Великаго поста, обыкновенно на лыжахъ и на нартахъ. Гдѣ нибудь на полянѣ выкапывается землянка или разбивается юрта; отъ этого временнаго жилища, стоящаго отъ постоянныхъ юртъ верстъ на 150—200, промышленники расходятся въ разныя стороны иногда на далекое разстояніе, такъ что рѣдко возвращаются и на ночь, а гдѣ нибудь разгребаютъ снѣгъ, разводятъ огонь, варятъ себѣ пищу, обдираютъ убитыхъ за день звѣрей. Въ это время женщины и дѣти ставятъ ловушки и охотятся около зимовья.

Бѣлка — главный промысловый звѣрь въ Западной Сибири, и ея ежегодно упромышливается около милліона штукъ. Западно-сибирская бѣлка лучше, темнѣе уральской, но все-таки уступаетъ въ этомъ отношеніи восточно-сибирской. Количество бѣлокъ въ Западной Сибири все уменьшается вслѣдствіе страшныхъ лѣсныхъ пожаровъ, истребляющихъ кедровники, и хищническихъ способовъ охоты. Бѣлка погибаетъ и отъ самихъ пожаровъ, и отъ голода вслѣдствіе истребленія кедровниковъ или неурожая орѣховъ: тогда она ѣстъ сосновые орѣхи, смола которыхъ облѣпляетъ ей ротъ и щеки, и она погибаетъ отъ голода. На Алтаѣ бѣлка уменьшается

вслѣдствіе охоты на нее въ сентябрѣ: тогда она плохого качества — еще не успѣла принять свой настоящій видъ, такъ что въ продажу поступаетъ лишь $^1/_5$ такой бѣлки; кромѣ того, всюду на Алтаѣ, кромѣ инородческихъ мѣстностей Бійскаго уѣзда, охота на бѣлку производится въ февралѣ и мартѣ. Убивая бѣлку въ это время, теряютъ въ каждой убитой приплодъ (бѣлки очень быстро размножаются).

Главными поставщиками пушного товара въ Западной Сибири являются инородцы, у которыхъ онъ вымѣнивается мѣстными торговцами, для чего тѣ и другіе въ извѣстное время собираются въ опредѣленныя мѣста; Обдорскъ, Березовъ, Пелымъ, Сургутъ, Нарымъ и др. Сами скупщики также объѣзжаютъ инородческія становища, гдѣ за табакъ, водку и гнилые ситцы яркихъ цвѣтовъ пріобрѣтаютъ пушнину. У каждаго мелкаго скупщика имѣются опредѣленныя мѣстности для торговли и опредѣленные продавцы, которые, считая себя его неоплатными должниками, сдаютъ ему свой товаръ, какую бы низкую цѣну ни предложилъ скупщикъ.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ Западной Сибири, гдѣ рѣки и озера особенно богаты рыбой, и гдѣ климатъ и почва мало располагаютъ къ земледѣлію, — главный промыселъ составляетъ рыболовство. Время главнаго занятія рыбной ловли совпадаетъ съ началомъ переселенія рыбъ изъ моря вверхъ по рѣкамъ для метанія икры. Весной бываетъ главный уловъ рыбы, которая тогда полна икрой и не истощена продолжительнымъ ходомъ противъ теченія.

Обь — главная дорога Зап. Сибири, по которой морскія рыбы входятъ въ разныя воды. Какъ было сказано раньше, западно-сибирскія породы рыбъ раздѣляются на кочевыя и мѣстныя, туводныя; (подробности о первыхъ указаны въ I т. „Великой Россіи“.) Входящія съ половины мая въ Обь морскія породы (каждая отдѣльнымъ косякомъ) не сразу направляются вверхъ по рѣкѣ, а разсыпаются по „сорамъ“, прирѣчнымъ котловинамъ, во время весенняго полноводья соединяющимся съ Обью и постепенно высыхающимъ съ убылью воды; сюда же для питанія множествомъ ракообразныхъ спускаются съ верховьевъ рѣкъ и рѣчныя породы рыбъ. Когда рыба начнетъ выходить изъ „соровъ“, напра-

вляясь вверхъ, тогда наступаетъ самая оживленная ловля: рыбопромышленники всячески стараются преградить рыбѣ выходъ изъ „соровъ“ по протокамъ посредствомъ сѣтей, гимогъ, рукавовъ и др.

Въ январѣ усиленное движеніе рыбы и, слѣдовательно, особенный ея ловъ, вызываетъ „заморъ“, о которомъ было уже сказано; рыбы тогда стремятся или внизъ по теченію, или въ такіе протоки и рѣчки („живцы“), гдѣ „замора“ не бываетъ, и гдѣ вода остается „живой“. Такъ какъ рыба, спасаясь отъ „замора“, всегда входитъ только въ рѣчки, текущія со стороны Урала, то „заморъ“ можно объяснить тѣмъ, что воду Оби въ это время начинаютъ заражать рѣчки, впадающія въ нее справа, изъ болотъ и болотистыхъ низменностей, и несущія множество гніющихъ органическихъ веществъ.

Сиговыя рыбы скатываются внизъ по Оби еще до наступленія „замора“, который, слѣдовательно, гонитъ сверху внизъ лишь туводныхъ рыбъ — щуку, налима, язя, стерлядь и т. п. Пользуясь этимъ повальнымъ движеніемъ рыбы внизъ, прибрежное населеніе ставитъ ей на пути всевозможныя преграды, которыя и губятъ множество рыбы, въ томъ числѣ и никуда негодной „молоди“. Къ такимъ загражденіямъ принадлежитъ упомянутая выше „гимга“, сплетеная изъ длинныхъ и тонкихъ прутьевъ, въ нѣсколько разъ превосходящая по своимъ размѣрамъ обыкновенныя „верши“ или „морды“; особенно велика осетровая гимга. Для постановки гимогъ въ узкихъ и неглубокихъ мѣстахъ надо льдомъ дѣлается загражденіе изъ кольевъ и щитовъ, сплетенныхъ изъ жердей и прутьевъ. У свободныхъ концовъ такого загражденія, стоющаго иногда до 1,000 р., и устанавливаются гимги широкимъ и открытымъ концомъ къ загражденію. Стремясь внизъ по рѣкѣ, рыба наталкивается на загражденіе, плыветъ вдоль его стѣнки, встрѣчаетъ новое поперечное загражденіе и, стараясь обогнуть, подходитъ къ отверстію гимги, куда и попадаетъ.

На Оби, смотря по ширинѣ рѣки въ томъ или другомъ мѣстѣ, ставится отъ 40 до 100 гимогъ. Ихъ особенно много между Березовомъ и Обдорскомъ. Такія большія и потому

дорогія сооруженія могутъ устраивать только крупные рыбопромышленники. По протокамъ Оби и около ея береговъ близъ „живцовъ“ устраиваются болѣе дешевыя и простыя загражденія — „чердаки“, особенно въ нижнемъ теченіи Иртыша и по Оби около его устья, — большіе четыреугольные мѣшки изъ сѣти на длинной жерди, посредствомъ которой они ставятся и поднимаются. Когда рыба войдетъ въ эти мѣшки и коснется сѣти, она этимъ самымъ дергаетъ за одну изъ прикрѣпленныхъ къ сѣти толстыхъ нитей, свободныя концы которыхъ находятся у ловца, — и тогда онъ задержи ваетъ чердакъ, въ которомъ рыба остается, какъ въ затянутомъ мѣшкѣ.

Во время лѣтняго и осенняго хода рыбы эти загражденія примѣняются еще въ бо́льшихъ размѣрахъ. Осенью болѣе глубокая середина рѣки перегораживается густымъ частоколомъ, а около береговъ нѣтъ никакой загороди, т. к. рыба тогда идетъ срединой рѣки; въ оставленныя въ частоколѣ свободныя мѣста ставятъ „важаны“ и „салбы“ (тѣ же „чердаки“, только „важаны“ бо́льшихъ размѣровъ). Кромѣ того, всюду и во всякое время производится ловъ рыбы огромными неводами (иногда до 600 сажень длины) и полуневодами (гораздо меньшихъ размѣровъ). Невода особенно примѣняются при ловлѣ рыбы на „пескахъ“, т. е. мѣстахъ съ отлогимъ, чистымъ песчанымъ или немного каменистымъ дномъ, которыхъ въ одной Тобольской губ. насчитывается до 120.

Ловля рыбы посредствомъ загражденій настолько вредно отзывается на рыболовномъ промыслѣ по Оби и ея притокамъ, что самое количество рыбы тамъ замѣтно уменьшилось за послѣдніе годы. Одной „молоди“ гимгами только зимо́й вылавливается до 450 тыс. штукъ и, конечно, выбрасывается вонъ уже мертвой; загражденія изъ „соровъ“ заставляютъ рыбу, переполненную икрой, задерживаться тамъ и задыхаться отъ недостатка свѣжей воды. Множество рыбы погибаетъ въ видѣ безполезной „молоди“ при употребленіи обычныхъ мелкоячеистыхъ неводовъ. Немало рыбы безполезно погибаетъ и отъ самолововъ, „переметовъ“, распространенныхъ особенно по Иртышу. Къ одному концу длинной

и прочной веревки, иногда изъ конскаго волоса, прикрѣпляется якорь или тяжелый камень, а на бечевѣ поплавокъ, который держится на поверхности воды; къ веревкѣ привязываются коротенькія веревки съ крючками и поплавками, на которые и насаживается приманка въ видѣ мелкой рыбешки, кусочковъ мяса и т. п. Посредствомъ грузовъ и поплавковъ переметъ держится на нѣкоторомъ разстояніи отъ дна рѣки и отъ ея поверхности, а крючки принимаютъ слегка наклонное положеніе, отчего крупная рыба, идя противъ теченія, слегка на нихъ натыкается. Множество рыбы получаетъ только раны отъ этихъ крючковъ и потому погибаетъ безъ всякой пользы.

По Иртышу, верстъ за 400 выше Тобольска, куда уже не достигаетъ „заморъ“, очень развитъ „юровой“ промыселъ рыбы — лови „красной“ рыбы (осетра и стерляди). Промыселъ этотъ производится въ глубокихъ мѣстахъ, гдѣ особенно залегаетъ красная рыба, посредствомъ обыкновенныхъ самолововъ въ декабрѣ и январѣ и продолжается всего нѣсколько дней. Этотъ ловъ производится всѣмъ деревенскимъ обществомъ по числу душъ, и на каждомъ душевомъ участкѣ („мѣтище“) ставится одинъ самоловъ. На каждое „мѣтище“ полагается отъ 4—20 душъ; чѣмъ глубже извѣстное мѣсто, тѣмъ больше рыбы залегаетъ въ немъ, и поэтому оно представляется большему числу душъ. Всю ночь идутъ послѣднія приготовленія; передъ разсвѣтомъ нѣсколько сотъ человѣкъ становятся на своихъ мѣстахъ съ пѣшнями въ рукахъ. Наконецъ на зарѣ раздается выстрѣлъ, и рѣку оглашаетъ стукъ пѣшней, пробивающихъ ледъ. Этотъ стукъ, спускаемые въ воду якоря и самоловы вспугиваютъ залегшую рыбу, она начинаетъ волноваться, двигаться и скоро попадаетъ на крючки. Самолововъ бываетъ при этомъ такъ много, что одинъ отступаетъ отъ другого всего на 1—1½ сажени. На нѣкоторыхъ юртовыхъ мѣстахъ опускается въ день тысячъ до 800 крючковъ, но рыба ловится не очень много — отъ 10 до 400 пудовъ; больше рыбы ранится крючками, чѣмъ попадаетъ на нихъ. Къ мѣстамъ промысла въ это время стекается много народа, поселяются торговцы, привозятъ водку и идетъ разгулъ.

Всѣхъ рыбопромышленниковъ на Оби считается около 350, а рабочихъ тысячъ до десяти изъ которыхъ 70% инородцы, а 30% — русскіе. Больше всего рабочихъ по найму, „караванныхъ“, затѣмъ идутъ рабочіе-пайщики, заинтересованные въ успѣхѣ промысла и не получающіе платы, наконецъ, понизовскіе полуневодчики. Наемные рабочіе получаютъ 25 р. деньгами за 5 мѣсяцевъ (съ мая по сентябрь), въ пищу мелкую рыбу, хлѣбъ, чай, рѣже горохъ и кашу; брюки, рукавицы, перемѣну бѣлья, бродни, иногда табакъ. Засольщики и башлыки (башлыкъ — главный руководитель при неводьбѣ) получаютъ нѣсколько больше. Пайщики образуютъ небольшія артели и $^4/_5$ улова сдаютъ рыбопромышленнику за обзаведеніе и неводъ, а остальное оставляютъ себѣ. Артели полуневодчиковъ работаютъ ниже Обдорска и отдаютъ хозяину половину своего улова. Рыболовные рабочіе доставляются изъ Тобольска на мѣсто промысловъ и обратно самими предпринимателями. Рабочіе живутъ въ казармахъ, тѣсныхъ, грязныхъ, иногда безъ пола и продуваемыхъ вѣтромъ; почти всюду имѣются отдѣльныя кухни и бани. Сами казармы отапливаются. На каждомъ рыбномъ промыслѣ построена „засольня“ — досчатый сарай для насоли рыбы; въ одной половинѣ „засольни“ стоятъ чаны, бочки и солится рыба, въ другомъ она складывается въ „стопы“. Чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ помѣщенія для рабочихъ хуже (недостаютъ лѣса), какъ и вообще всѣ условія ихъ жизни. Рабочіе на рыбныхъ промыслахъ обыкновенно пріобрѣтаютъ жестокіе ревматизмы, такъ какъ имъ приходится иногда по 18 часовъ въ сутки работать на вѣтру въ мокрой одеждѣ; при ловѣ рыбы неводами въ „салмахъ“, ямахъ, гдѣ залегаетъ рыба, рабочимъ приходится цѣлыми часами оставаться въ водѣ, стоя тамъ по плечи, чтобы закидывать и подтягивать сѣти.

Количество всей рыбы, добываемой на Оби и ея притокахъ, доходитъ отъ 1—$1^1/_2$ мил. пудовъ. Хотя обская рыба очень хороша, но впрочемъ она приготовляется очень неумѣло. Рыбѣ отрѣзываютъ голову, распластываютъ брюшко, кое-какъ очищаютъ отъ внутренностей, дѣлаютъ поперечные внутренніе надрѣзы, насыпаютъ солью и складываютъ въ чаны или бочки. Рыба не промывается, кровь и грязь остаются, бочки

также не моются и покрыты толстымъ слоемъ грязи. На Оби, ниже Березова, приготовляется „стоповая“ рыба: посоленную описаннымъ выше способомъ рыбу накладываютъ въ чаны, покрываютъ досками, на которыхъ помѣщается какой нибудь тяжелый грузъ; черезъ недѣлю промываютъ образовавшимся разсоломъ и укладываютъ въ „стопы“: 3 муксуна въ ширину и 16—17 въ вышину. Пролежавъ въ „стопахъ“ до глубокой осени, рыба становится до того соленой, что непривычный человѣкъ не можетъ ѣсть ее, да и привычный долженъ сначала вымачивать въ водѣ. Посолъ рыбы много портитъ употребляемая для этого соль Коряковскаго озера, грязная крупномолотая и вообще плохо пригодная для этого.

Малосоленная рыба приготовляется въ небольшомъ количествѣ въ концѣ августа и не выдерживаетъ долгаго лежанія. Нѣкоторую часть пойманной рыбы пускаютъ въ особые садки, гдѣ она и остается до поздней осени; потомъ ее выловливаютъ и замораживаютъ, раскладывая рядами на льду. Изъ сорка приготовляется сухая вяленая рыба, а изъ другихъ болѣе крупныхъ сиговыхъ рыбъ — „позелевъ“, которые послѣ вяленья поджариваются на огнѣ. Осетровая икра приготовляется самымъ первобытнымъ способомъ, плохо очищается и посыпается крупной солью. Для приготовленія рыбныхъ консервовъ въ Тобольскѣ существуетъ фабрика. Инородцы заготовляютъ рыбу впрокъ засушиваніемъ („юрка“) и дѣлаютъ изъ нея муху („порса“), а изъ очищенныхъ кишекъ, брюшины и жирныхъ частей спины, — „варку“, переваренную жировую смѣсь. На Соськѣ (притокъ Оби, у Березова) ловятъ сельдей и приготовляютъ ихъ болѣе внимательнѣе въ соляномъ и копченомъ видѣ. Въ западно-сибирскихъ озерахъ, которыхъ особенно много въ Баробѣ, ловится „бѣлая рыба“ (карась, щука, слецъ). Рыба ловится въ озерахъ преимущественно при помощи различныхъ ставныхъ сѣтей (морды, котцы, дитиля).

Больше всего рыбы ловится на сѣверѣ, въ Одирскомъ краѣ; далѣе идутъ: Березовскій, Суркутскій, Нарымскій и Сашировская волость (при сліяніи Иртыша съ Обью). т. е. по теченію Оби до впаденія въ нее Томи и по Иртышу ниже Тобольска. Рыболовство является виднымъ занятіемъ насе-

ленія также въ Тобольскомъ уѣздѣ, Пельнискомъ краѣ и отчасти въ Тюменскомъ. Населеніе мѣстностей Томской губ., расположенныхъ по Оби, Томи и Чулыму, въ рыболовствѣ имѣетъ чрезвычайно видный заработокъ, а для нѣкоторыхъ инородческихъ мѣстностей Алтая составляетъ даже главное средство существованія.

Количество рыбы въ предѣлахъ Западной Сибири вообще замѣтно уменьшается. Это происходитъ, кромѣ описанныхъ выше хищническихъ способовъ ловли, вѣроятно и отъ обмѣленія верховыхъ притоковъ, гдѣ рыба мечетъ икру; а эти послѣдніе мелѣютъ отъ истребленія расположенныхъ по нимъ лѣсовъ. Развившееся пароходство также вредно дѣйствуетъ на рыбу: пароходы ее распугиваютъ. Въ Барабинскихъ озерахъ количество рыбы уменьшается и отъ высыханія самихъ озеръ, и отъ усиленнаго истребленія на топливо прибрежныхъ камышей, гдѣ рыба мечетъ икру.

Западная Сибирь, особенно Тобольская губ., мало одарена ископаемыми богатствами, кромѣ ея юго-восточнаго угла, Алтайскаго нагорья. Это происходитъ оттого, что западносибирская равнина новаго, наноснаго происхожденія, и только Алтай состоитъ изъ первозданныхъ породъ. Въ Березовскомъ уѣздѣ открыты золото-содержащія породы и мѣдная руда, но никакой разработки ихъ не производится; въ Курганскомъ и Ишимскомъ уѣздахъ встрѣчается и разрабатывается торфъ на топливо. Но зато на Алтаѣ ископаемыя богатства весьма значительны: золото, серебро, желѣзо, каменный уголь, мѣдь, цѣнные камни — все это находится тамъ въ изобиліи.

На Алтаѣ, впервые въ Сибири, еще въ первой половинѣ XVIII вѣка, началась разработка золота. Въ Томской губ. золотопромышленность сосредоточена въ ея юго-восточной части, въ Маріинскомъ уѣздѣ и на Алтаѣ, гдѣ золото добывается отъ 100—150 пудовъ ежегодно. Кромѣ казенныхъ пріисковъ, принадлежащихъ Кабинету Его Величества, гдѣ добыча золота все падаетъ, — въ Томской губерніи теперь работаетъ много частныхъ предпринимателей, или отдѣльно, или соединившихся въ компаніи. Добыча производится самыми простыми пріемами — каплами, ломами, лопатами, промывка въ бочкахъ; движущей силой машинъ является вода.

Только недавно сталъ распространяться способъ промывки на шлюзахъ, и вводятся золотодобывательныя машины — драги.

Золото добывается преимущественно жильное. Наиболѣе богатые пріиски находятся въ Маріинской тайгѣ по рѣкѣ Кіи и ея притокамъ. Добыча серебра въ Западной Сибири вся сосредоточена на Алтаѣ въ Змѣиногорскомъ и Зыреновскомъ рудникахъ, и очень незначительна, — всего нѣсколько десятковъ пудовъ, въ связи съ чѣмъ ничтожна и выплавак свинца. Крайне незначительна и все падаетъ добыча мѣди въ трехъ рудникахъ Змѣиногорскаго уѣзда, хотя Алтай очень богатъ мѣдью. Добываніе желѣза, которымъ особенно богаты Кузнецкій и Томскій уѣзды, очень незначительно само по себѣ, однако развивается, потому что все возрастающее населеніе нуждается въ желѣзныхъ издѣліяхъ. Огромное количество желѣзной руды высокаго качества (до 100 мил. пуд.) находится нѣсколько выше г. Кузницка по рѣкѣ Тельбесу.

Алтай необычайно богатъ минеральнымъ топливомъ — каменнымъ углемъ, что обѣщаетъ въ будущемъ широкое развитіе въ немъ промышленности. Залежи каменнаго угля занимаютъ все пространство между горными кряжами, Алатау и Салаирскимъ, по обѣ стороны рѣки Томи въ Кузнецкомъ уѣздѣ, — т. к. Кузнецкая каменноугольная котловина до 400 верстъ въ длину и до 100 верстъ въ ширину. Въ этой котловинѣ теперь разрабатываются два богатыхъ мѣсторожденія каменнаго угля — Кольчугинское и Багатское. На границы Томскаго, Маріинскаго и Кузнецкаго уѣздовъ находится другое каменноугольное мѣсторожденіе — Судженское, занимающее огромную площадь съ запасомъ угля хорошаго качества въ нѣсколько милліардовъ пудовъ. Въ 1909 году копями Михельсона было сбыто до 12 мил. пудовъ угля.

Алтай славится своими порфирами и яшмами, добываемыми въ Коргонскихъ горахъ и въ рѣкахъ Чарыши и Алея. Кромѣ того, добываются дымчатые топазы, кварцъ разныхъ цвѣтовъ, агаты и халцедонъ. Около Риддерскаго рудника давно уже существуетъ казенная гранильная Колыванская фабрика, гдѣ выдѣлываются великолѣпныя вазы для Императорскихъ дворцовъ въ Петербургѣ. Но для продажи разныхъ

предметовъ изъ камня съ фабрики поступаетъ очень мало. Изъ другихъ полезныхъ ископаемыхъ недавно найденъ азбестъ на Алтаѣ, въ системѣ рѣки Катуни.

Въ предѣлахъ Томской и Тобольской губерніи находится не мало соленыхъ самосадочныхъ озеръ — озера Боровыя и Бурменское въ Барнаульскомъ уѣздѣ. Нѣкоторыя изъ Боровыхъ озеръ — горько-соленыя, и въ нихъ добывается глауберова соль. Соль Бурменскаго озера находитъ себѣ хорошій сбытъ въ Киргизскую степь, а Боровыхъ — въ Барнаулъ, Томскъ и далѣе въ глубь губерніи.

Вообще разработка горныхъ богатствъ Алтая совершенно не соотвѣтствуетъ ихъ каменному количеству. И это происходитъ отъ слѣдующихъ причинъ: недостатка капитала и предпріимчивости, скудости техническихъ знаній, отсталости и несовершенства пріемовъ разработки и плохихъ путей сообщенія. Проведеніе желѣзной дороги черезъ рудоносныя мѣстности Алтая быстро оживитъ разработку его богатствъ.

XI.

Кустарные промыслы.

Еще 80—90 лѣтъ тому назадъ вся деревенская Западная Сибирь, скудно населенная, при медленныхъ и затруднительныхъ путяхъ сообщенія, не чувствовала никакой потребности, не только въ мѣстной фабричной, но и кустарной промышленности. Все было домашнее, самодѣльное. Каждая многочисленная, не раздѣлявшаяся крестьянская семья собственными силами удовлетворяла свои неприхотливыя потребности въ одеждѣ, обуви, посудѣ и пр.

Крестьянская семья, всегда владѣвшая достаточнымъ количествомъ крупнаго и мелкаго скота, не нуждалась ни въ чемъ покупномъ: дома дѣлались овечьи шубы, кожаные бродни, ткались холсты и пестряди, грубая ткань изъ овечьей шерсти (шабурина), дѣлались свѣчи (маканцы); при изобиліи лѣса мебель, посуда, телѣги,, сани и т. п. дѣлались дома. Такъ какъ „пушнина“ была тогда единственнымъ сырьемъ, которое вывозилось изъ Сибири, то охотничій промыселъ доставлялъ крестьянской семьѣ деньги, необходимыя тогда лишь на уплату податей и покупку чая, впрочемъ, распространеннаго тогда еще не повсюду.

Съ зарожденіемъ золотопромышленности на Алтаѣ и въ приалтайскихъ мѣстностяхъ, въ народномъ обращеніи стало появляться все больше и больше денегъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникли и новыя потребности, стремленіе къ новизнѣ. Раздѣлы въ крестьянской средѣ начали становиться явленіемъ обычнымъ, такъ что крестьянской семьѣ стало уже невозможно собственными силами удовлетворять потребности, къ тому же разросшіяся: работниковъ и работницъ въ семьѣ стало меньше, раздѣленіе труда сдѣлалось менѣе возможнымъ. Падающій пушной промыселъ, развивающееся торговое общеніе, возрастающій наплывъ пришельцевъ, которые сокращали для старожиловъ прежнее безграничное пользованіе окружающими богатствами природы, — все это, съ одной стороны, ограничивало прежніе размѣры домашней промышленности, а съ другой — вызвало появленіе цѣлаго круга лицъ, которые нашли для себя выгоднымъ и удобнымъ приготовлять для другихъ разные необходимые предметы домашняго обихода въ обмѣнъ или на деньги, или въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, на предметы необходимые имъ самимъ. Такъ возникла въ Западной Сибири кустарная промышленность, которой теперь занимаются отдѣльныя семьи, деревни и даже цѣлыя волости. Очень часто пришельцы изъ Россіи вводили тотъ или другой видъ кустарной промышленности въ очень отдаленныхъ и глухихъ углахъ, какъ это замѣтно, напр., на Алтаѣ. Кустарная промышленность особенно развита въ Томской губерніи.

Развитіе кустарной промышленности въ той или другой мѣстности стоитъ въ связи съ упадкомъ тамъ земледѣлія, какъ, напр., это замѣтно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Ишимскаго, Ялуторовскаго и особенно Тарскаго и Тюменскаго уѣздовъ Тобольской губерніи. Въ неурожайные годы кустарныхъ крестьянскихъ издѣлій на рынкѣ появляется больше и они стоятъ дешевле, и за послѣднее время это чередованіе стало повторяться чаще и чаще. Но въ общемъ, даже и въ Тобольской губерніи кустарное производство сохранило тѣсную связь съ сельскимъ хозяйствомъ.

Почему въ извѣстной мѣстности развитъ тотъ или другой кустарный промыселъ — это зависитъ отъ ея богатства

извѣстными естественными произведеніями, отъ требованія ближайшихъ рынковъ, отъ примѣра сосѣдей. Въ лѣсныхъ уѣздахъ развилось производство деревянныхъ издѣлій; такъ, въ Тюменскомъ, Туринскомъ, Тарскомъ и Тобольскомъ уѣздахъ развиты: бондарный промыселъ (тамъ, гдѣ больше хвойнаго лѣса), производство ситъ, точеной посуды, мебели, телѣгъ, саней, смолокуреніе. Бійскій уѣздъ съ его обширными и богатыми кедровниками славится производствомъ кедроваго орѣховаго масла. На Алтаѣ, богатомъ желѣзомъ, развилось кузнечное и слесарное дѣло, особенно въ Кузнецкомъ и Томскомъ уѣздахъ; примѣръ желѣзноплавительнаго Гурьевскаго завода, а также упраздненнаго теперь Томскаго (въ Кузнецкомъ уѣздѣ) не мало способствовалъ развитію въ окрестностяхъ желѣзныхъ промысловъ. Производство шерстобитное и пимокатное (приготовленіе валенокъ) развито особенно въ южныхъ уѣздахъ Тобольской губерніи, гдѣ разводится много овецъ. Вслѣдствіе примѣра сосѣдняго Урала и обилія полученнаго оттуда желѣза, въ сосѣднихъ уѣздахъ Тобольской губерніи, особенно въ Тюменскомъ и Туринскомъ, распространились желѣзные промыслы. Въ Тобольскомъ и Тарскомъ уѣздахъ развилось приготовленіе сѣтей и неводовъ, вслѣдствіе близости обскаго рыболовства. Близость пріисковъ на Уралѣ и въ приалтайскихъ мѣстностяхъ (особенно въ Маріинскомъ уѣздѣ) вызвало въ Тюменскомъ и Томскомъ уѣздахъ усиленное приготовленіе бродней, столь необходимыхъ при пріисковыхъ работахъ.

Укажемъ теперь на главнѣйшіе виды кустарныхъ промысловъ. Кузнечный промыселъ распространенъ въ Тобольской губерніи и на Алтаѣ. Въ Тюменскомъ уѣздѣ приготовляются сохи (Червишевская вол.), въ Курганскомъ и Туринскомъ-сошники, а въ послѣднемъ также и якоря для рыболововъ. Кирпичный и горшечный промыслы развились около городовъ и большихъ селеній, а въ с. Самаровѣ, при впаденіи Иртыша въ Обь, возникло приготовленіе глиняныхъ „кибосьевъ“ — грузилъ для неводовъ. Бондарнымъ промысломъ иногда занимается до $^2/_3$ жителей нѣкоторыхъ селеній Туринскаго и Тюменскаго уѣздовъ, особенно въ мѣстностяхъ, богатыхъ хвойнымъ лѣсомъ и находящихся въ сосѣдствѣ съ

центрами выдѣлки и экспорта масла. Рогожно-мочальное производство распространено по всей Тобольской губерніи.

Обработка животныхъ продуктовъ, которыхъ такъ много доставляется въ Тобольскую губ. изъ сосѣдняго Степного края, приняла въ губерніи обширные размѣры: развились шорное и чеботарное производства, приготовленіе кожаныхъ и шерстяныхъ рукавицъ, шерстяныхъ чулокъ, особенно въ Ялуторовскомъ у. Въ южной полосѣ губерніи развился пимокатный промыселъ. Такъ какъ изъ Тюмени товары, особенно зимой, направляются въ сѣверо-восточныя части Тобольской губ., то въ Тюменскомъ уѣздѣ развилось приготовленіе телѣгъ, саней, деревянныхъ частей хомутовъ.

Во всей Тоб. губ. развито приготовленіе щепного товара (веретена, прялки, корытца и т. п.). Въ Каменской волости Тюменскаго у. особенное развитіе получилъ коверно-ткацкій промыселъ. Шерсть, краски и рисунки покупаются ковернидами у торговцевъ. Прежде ковры окрашивались самодѣльными, большей частью растительными красками, отчасти также минеральными, но онѣ не позволяли разнообразить узоръ и были не ярки, хотя и очень прочны, почему теперь всѣ ковернидцы перешли къ покупнымъ анилиновымъ краскамъ. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ Тарскаго уѣзда существуетъ особый промыселъ — воспитаніе кошекъ чернаго цвѣта для продажи на мѣхъ. Осенью туда пріѣзжаютъ кошатники изъ Червишевской вол. Тюменскаго у. „кошки на ложки мѣнять“ (ихъ обыкновенно мѣняютъ на фаянсовую посуду — чашку за кошку). Въ Томской губ. существуетъ не менѣе 26 видовъ кустарныхъ промысловъ. Наиболѣе распространены: бондарный, кожевенный, пимокатный, гончарный и столярный. Пимокатный промыселъ существуетъ во всѣхъ уѣздахъ, кожевенный особенно въ Кузнецкомъ, бондарный въ этомъ послѣднемъ, Бійскомъ и Томскомъ. 16 видовъ промысловъ существуютъ лишь въ одномъ Маріинскомъ у. Гончарный промыселъ упалъ въ Барнаульскомъ и Змѣиногорскомъ уѣздахъ. Развитіе маслодѣлія въ Барнаульск. у. вызвало новый промыселъ — приготовленіе металлическихъ сосудовъ для молока. Корзиночный и столярный промыселъ упали вслѣдствіе вздорожанія лѣсныхъ матеріаловъ. Вообще

всѣ кустарные промыслы въ Томской губ. развиты слабо, доставляемый ими заработокъ незначителенъ, кустари работаютъ сами, безъ наемныхъ рабочихъ.

Въ Тоб. губ. въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ кустарные промыслы выдѣлились въ постоянныя и главныя занятія отдѣльныхъ лицъ и семей, которыя притомъ далеко не всегда оставляютъ земледѣліе. Тамъ встрѣчаются кустари состоятельные, „богатыри“, занимающіеся кустарничествомъ лишь въ свободное отъ полевыхъ работъ время для увеличенія доходовъ; кустари временные, они занимаются только въ трудныя времена, покупаютъ сырье въ долгъ, не имѣютъ часто никакого оборотнаго капитала; наконецъ, немногочисленные постоянные кустари, часто находящіеся въ неоплатномъ долгу у скупщиковъ.

На Алтаѣ кустарныя издѣлія приготовляются собственными силами каждой семьи. Въ Тобольской губерніи помощь наемныхъ рабочихъ распространена довольно широко: въ деревняхъ тамъ существуютъ мелкія пимокатныя и другія заведенія съ наемными рабочими и бродячіе рабочіе; въ Тарскомъ уѣздѣ женщины бобылки выдѣлываютъ въ домахъ заказчиковъ простую черную посуду. Одни изъ кустарныхъ промысловъ въ Западной Сибири возникли въ очень отдаленныя времена, сами собой, для удовлетворенія простѣйшихъ потребностей (шубный, гончарный, щепной и т. п.), но не раньше XVIII вѣка, потому что еще въ XVII в. весь кожевенный и щепной товаръ въ Тюмень привозился изъ Евр. Россіи. Другіе промыслы заведены переселенцами уже въ позднѣйшее время. Въ Тобольской губерніи переселенцы ввели производство сельско-хоз. орудій, гнутой мебели (въ Тарскомъ уѣздѣ), самопряхъ, особыхъ печей при гонкѣ дегтя вмѣсто прежнихъ ямъ, стали дѣлать болѣе тонкія шерстяныя ткани. Въ Барнаульскомъ и Томскомъ уѣздахъ они положили начало пимокатному и кузнечному промысламъ, выдѣлкѣ кожъ и войлочныхъ шляпъ, токарныхъ издѣлій, мебели, экипажей, приготовленію коноплянаго масла (въ Змѣиногорскомъ уѣздѣ), скипидара.

Въ общемъ кустарная промышленность въ Западной Сибири не получила широкаго распространенія и находится

на низшей ступени развитія. Между тѣмъ населеніе сельскихъ мѣстностей Западной Сибири все увеличивается наплывомъ переселенцевъ, главную часть которыхъ составляютъ совершенно несостоятельные и потому нуждающіеся не въ болѣе дорогихъ привозныхъ предметахъ простого обихода, но въ болѣе дешевыхъ мѣстнаго кустарнаго производства. Нѣкоторые изъ старожиловъ переходятъ теперь къ кустарничеству, дающему большій доходъ, чѣмъ земледѣліе; многіе изъ новоселовъ, занимавшіеся кустарными промыслами на родинѣ, продолжаютъ это занятіе и въ Сибири. Но несмотря на увеличивающійся спросъ на кустарныя издѣлія, нѣкоторыя отрасли кустарной промышленности даже падаютъ. Такъ, въ Тюменскомъ уѣздѣ, напр., кустарное кожевенное производство замѣнилось заводскимъ, хотя приготовленіе издѣлій изъ кожи и осталось въ рукахъ кустарей; многія мѣстныя деревянныя и желѣзныя издѣлія замѣнились привозными, доставка которыхъ по желѣзной дорогѣ стоитъ теперь дешево. Кустарное производство поддерживается лишь въ самыхъ дешевыхъ и простыхъ издѣліяхъ. Кромѣ того, примѣненіе новыхъ лѣсоохранительныхъ правилъ, требующихъ для надѣловъ на продажу особой попенной платы за лѣсъ, почти всюду объявленный казеннымъ, — во многихъ мѣстахъ сильно подорвало лѣсные промыслы, напр., въ Тобольской губерніи и на Алтаѣ. Многія деревни, лежащія въ глубинѣ лѣсовъ, напр., въ Тарскомъ уѣздѣ, съ неплодородными землями, раньше только и жили мѣстными промыслами, а теперь оказались въ отчаянномъ положеніи. Сибирская желѣзная дорога и предполагаемые новые желѣзные пути убили уже и убьютъ нѣкоторые мѣстные промыслы сокращеніемъ извоза; уменьшился спросъ на сани, телѣги и экипажи, въ которыхъ раньше возили грузъ и проѣзжихъ, сократилась потребность въ смолѣ, дегтѣ, сбруѣ, теплой одеждѣ для ямщиковъ. Съ прекращеніемъ извознаго промысла по бывшему „московскому тракту“ въ Тобольской и Томской губ., гдѣ прошла желѣзная дорога, совсѣмъ почти исчезло „дворничество“ (содержаніе постоялыхъ дворовъ), какъ особой видъ крестьянскаго промысла.

Для развитія кустарной промышленности предположено устройство учебно-показательныхъ мастерскихъ, раздача ору-

дій производства по домамъ, обученіе посредствомъ инструкторовъ и опытныхъ мастеровъ въ казенныхъ мастерскихъ, снабженіе кустарей сырыми матеріалами и обезпеченіе сбыта помимо скупщиковъ, понижающихъ цѣны на товаръ.

Эти мѣры предполагается примѣнить къ древодѣльному, гончарному, скирняжному, кожевенному, ткацкому и сельскохозяйственному машиностроительному кустарнымъ производствамъ.

Однимъ изъ видовъ домашней промышленности въ Зап. Сибири нужно считать домашное тайное винокуреніе. Въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, при огромныхъ разстояніяхъ отъ селеній съ винными лавками и при обиліи своего хлѣба, который на рынкѣ иногда стоитъ дешево и который очень трудно вывозить изъ глуши, — тайное крестьянское винокуреніе является на самомъ дѣлѣ однимъ изъ способовъ удовлетворенія потребностей собственными силами, какъ одинъ изъ видовъ сельско-хозяйственнаго домашняго промысла.

Эта домашняя водка, „самосидка“, выкуривается на „каштокѣ“, гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ около воды. Заквашенная бражка наливается въ чугунный котелъ, который закрывается деревянной кадью или большимъ глинянымъ горшкомъ и замазывается въ мѣстѣ соединенія тѣстомъ или глиной. Котелъ устанавливается на камняхъ и изъ его крышки подъ острымъ угломъ проводится мѣдная трубка въ глиняный кувшинъ, который ставится въ кадку или корыто съ холодной водой. Подъ котломъ разводится костеръ; бражка начинаетъ кипѣть; изъ нея выдѣляются спиртовые пары проходятъ по трубкѣ, охлаждаются и струйкой стекаютъ въ кувшинъ. Такъ получается „самосидка“, мутная, желтоватая жидкость, непріятная на вкусъ, съ рѣзкимъ запахомъ вслѣдствіе обилія въ ней сивушныхъ маслъ. Послѣ вторичной перегонки она получаетъ крѣпость градусовъ въ 50 и становится похожей на обыкновенную водку. Приготовленіемъ самосидки занимаются преимущественно женщины. Каштоки иногда устраиваются цѣлымъ обществомъ деревни или выселка, и въ этомъ случаѣ общей собственностью являются лишь орудія производства, а матеріалъ для винокуренія каждый пайщикъ приноситъ особо и сообразно съ количествомъ

принесеннаго получаетъ и количество „самосидки“. Самосидка приготовляется крестьянами не на продажу, а для собственнаго употребленія въ торжественныхъ случаяхъ.

XII.

Обработывающая промышленность.

Для развитія обработывающей промышленности необходимы: густота населенія, достаточный культурный уровень, замѣтное проникновеніе въ жизнь техническихъ знаній, наконецъ, внѣшніе рынки. Въ Зап. Сибири въ настоящее время этихъ условій нѣтъ на лицо, поэтому и обработывающая промышленность представлена тамъ крайне слабо. Обработки волокнистыхъ веществъ и заводскаго производства металлическихъ издѣлій тамъ почти не существуетъ. Изъ имѣющихся видовъ обработывающей промышленности на первомъ планѣ стоятъ винокуреніе и мукомольное дѣло; за ними слѣдуетъ обработка животныхъ продуктовъ (кожевенные, салотопленные, овчинно-шубные, мыловаренные заводы). Среди этихъ промышленныхъ заведеній преобладаютъ мелкіе (кромѣ винокуренныхъ), съ 1—3 рабочими и 2—3 тыс. руб. производства, такъ что являются только переходомъ существующихъ кустарныхъ заведеній въ заводскія. Всего въ Зап. Сибири въ настоящее время числится до 13,000 заведеній фабрично-заводскаго характера съ 33—35,000 рабочихъ и съ общимъ производствомъ до 40 мил. руб.

Въ Томской губ. на первомъ мѣстѣ среди крупныхъ промышленныхъ предпріятій стоятъ крупчатыя мельницы

(до 40, съ оборотомъ до 6 мил. руб.). Мукомольное дѣло особенно развито въ уѣздахъ: Томскомъ (до 2 мил. пуд. ежегодно), Бійскомъ и Барнаульскомъ (отъ $1^1/_2$—2 мил.) и около г. Новониколаевска (до 11 мил.). Мельницы прекрасно оборудованы (Гороховыхъ въ Барскомъ, Алтайскаго товарищ., въ Новониколаевскѣ и др.). На второмъ мѣстѣ въ Томск. губ. стоятъ винокуренные заводы (15 съ 560 раб. и съ производствомъ до 4 мил. руб.). Какъ въ Томской, такъ и въ Тоб. губ. эти заводы хорошо оборудованы всѣми новѣйшими машинами и приспособленіями. Больше половины всей заводской производительности губерніи приходится на Томскій уѣздъ; за нимъ слѣдуютъ: Каинскій, Барнаульскій, Бійскій и др. Изъ другихъ отраслей болѣе крупнаго заводскаго производства въ Томск. губ. нужно указать на пивовареніе (15 заводовъ), спичечное дѣло (2 фабрики), кожевенное, овчинно-шубное („барнаулки“ въ г. Барнаулѣ).

Въ Тоб. губ. на первомъ мѣстѣ стоитъ заводская обработка животныхъ продуктовъ: около 2000 предпріятій съ 5000 рабочихъ и съ 13 мил. руб. производительности. Въ этомъ отношеніи Тоб. губ. превосходитъ Томскую, благодаря не только развитію скотоводства въ южныхъ уѣздахъ, но и близости Степного края, откуда направляются въ Тоб. губ. продукты скотоводства. Винокуренныхъ заводовъ въ Тоб. губ. всего 8 съ 540 рабочими и съ производствомъ до 950 тысячъ ведеръ. Крупная промышленность въ Тоб. губ. сосредоточена, главнымъ образомъ, въ Тюменскомъ, Ялуторовскомъ и Курганскомъ уѣздахъ.

При томъ огромномъ количествѣ и дешевизнѣ сырыхъ матеріаловъ, которое оказывается въ предѣлахъ Зап. Сибири, ея заводско-фабричная производительность совершенно ничтожна. Нѣтъ даже ни одной писчебумажной фабрики, ни одного сахарнаго завода, хотя свекловица могла бы давать хорошіе урожаи на Алтаѣ. Нельзя ожидать и въ будущемъ особаго развитія западно-сибирской обработывающей промышленности, особенно тѣхъ ея отраслей, которыя требуютъ большихъ капиталовъ и искусныхъ рабочихъ рукъ (напр. производство мануфактурныхъ товаровъ, тонкихъ металлическихъ издѣлій). Кромѣ того, развитію мѣстной обра-

ботывающей промышленности должна мѣшать конкуренція издѣлій Евр. Россіи вслѣдствіе дешевизны провоза. Раньше, при дороговизнѣ привозныхъ товаровъ, мѣстному сибирскому производителю было гораздо легче выдержать ихъ соперничество, потому что они должны были продаваться дорого вслѣдствіе высокой стоимости провоза. Но въ Зап. Сибири можетъ широко развиться производство предметовъ потребленія, не требующихъ особенно сложной техники производства: мукомольное, винокуренное, кожевенное, свѣчное, дрожжевое и т. п. производства, и вообще подготовка къ вывозу не сырыхъ продуктовъ, но полуобработанныхъ фабрикатовъ.

Особое положеніе въ Зап. Сибири занимаетъ теперь маслодѣліе, выработка сливочнаго масла. Возникнувъ въ 1893 г. около Кургана, маслодѣліе въ короткое время охватило скотоводческіе уѣзды Тоб. губ. — Курганскій, Тюкалинскій, Ялуторовскій, и въ 1900 г. тамъ было уже до 180 маслодѣльныхъ заводовъ. Изъ Тоб. губ. маслодѣліе перешло въ Томскую, въ Каинскій у., потомъ на Алтай, въ Бійскій и Барнаульскій уѣзды. Теперь маслодѣліе существуетъ во всѣхъ уѣздахъ Зап. Сибири, не исключая даже Березовскаго и Нарымскаго края. До какой степени быстро развивалось маслодѣліе въ Сибири, видно изъ слѣдующихъ цифръ: въ 1899 г. оттуда было выведено 300,000 пуд. масла, въ 1907 г. уже 3,630,000, въ 1910 г. — 4,063,000 пудовъ.

Въ 1896 г. сибирское масло составляло лишь 8,7% всего вывоза масла изъ Россіи, а въ 1907 г. — уже 93,8%. Три четверти всего сибирскаго масла приходится на Западную Сибирь, причемъ на Томскую губернію падаетъ 50,2%, а на Тобольскую 24,3 % (въ 1909 г.) Въ 1910 г. въ Тобольской губерніи было 870 заводовъ съ 1827 рабочими, на которые наступало молоко отъ 400,000 коровъ. Особенно поразителенъ ростъ маслодѣлія въ Томской губерніи за десятилѣтіе 1899—1909 гг.; какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

	1899 г.	1909 г.
Барнаульскій уѣздъ	14	755
Каинскій „	90	429
Бійскій „	6	317
Змѣиногорскій „	5	301

		1899 г.	1909 г.
Кузнецкій	„	5	106
Томскій	„	5	120

Въ Тобольской губерніи впереди всѣхъ по количеству маслодѣльныхъ заводовъ стоитъ Тюкалинскій уѣздъ (334); затѣмъ слѣдуютъ: Ишимскій (216), Курганскій и другіе. Въ Тюменскомъ уѣздѣ маслодѣлія почти не существуетъ. Въ Томской губерній въ 1910 году было 2061 маслодѣльныхъ завода. Въ отличіе отъ Тобольской, въ Томской губерніи преобладаютъ не артельные заводы, которыхъ всего 682, а частновладѣльческіе; но хотя первые составляютъ лишь 42—43% всѣхъ томскихъ маслодѣльныхъ заводовъ, однако ихъ производительность равняется почти половинѣ всего томскаго маслодѣлія. Артели образовали союзъ сибирскихъ маслодѣловъ съ конторами для пріема масла въ Барнаулѣ, Бійскѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Западной Сибири, и для непосредственнаго сношенія съ заграничными покупателями въ Берлинѣ, Бременѣ, Гамбургѣ и Лондонѣ, чѣмъ устраняются услуги иностранныхъ посредническихъ конторъ, черезъ которыя до самаго послѣдняго времени сибирское масло шло за границу. Кромѣ того, артели открываютъ свои лавки съ разными товарами, нужными въ крестьянскомъ обиходѣ. Артельные заводы принимаютъ только лучшее, однородное молоко, между тѣмъ какъ огромное большинство частныхъ — снятое, разбавленное водой и собранное отъ разныхъ удоевъ. Вотъ почему продуктъ артельныхъ заводовъ очень хорошаго качества, между тѣмъ какъ у частныхъ имѣетъ разные недостатки: горечь, солистость, привкусъ растительнаго масла или рыбьяго жира. Недостатки сибирскаго масла происходятъ отъ недобросовѣстности, небрежности и неумѣлости приготовленія: нѣкоторые предприниматели, жалѣя дрова, моютъ маслобойку и посуду холодной водой, держатъ сливки очень долго и хранятъ ихъ въ сараяхъ безъ куска льда. Недостатокъ хорошихъ маслодѣловъ-мастеровъ очень ощущается всюду въ маслодѣльныхъ мѣстностяхъ. Плохіе мастера иногда портятъ масло тѣмъ, что набиваютъ его непосредственно послѣ солки, не дѣлая никакой отжимки. Недобросовѣстные и жадные предприниматели, сбывающіе

масло иностраннымъ конторамъ, иногда для вѣса кладутъ въ боченки съ масломъ камни. Въ послѣднее время очень распространилась поддѣлка масла кокосовымъ масломъ, такъ что крупные маслодѣлы исхлопотали даже полное запрещеніе ввоза кокосоваго масла въ Сибирь по желѣзной дорогѣ. Кромѣ того, чѣмъ далѣе маслодѣльная мѣстность отстоитъ отъ желѣзной дороги, тѣмъ хуже масло вывозится оттуда, благодаря медленности перевозки по плохимъ дорогамъ при недостаточной защитѣ продукта отъ солнечной теплоты въ лѣтнее время, когда и происходитъ главная выдѣлка масла. Особенно въ этомъ случаѣ страдаетъ алтайское масло, замѣтно ухудшающееся въ своемъ пути до желѣзной дороги, гдѣ оно, наконецъ, нагружается на особые бѣлые масляные поѣзда въ вагоны-ледники.

Вопросъ о значеніи маслодѣлія для крестьянскаго населенія Зап. Сибири еще не рѣшенъ окончательно за недостаткомъ сравнительно-статистическихъ данныхъ. Съ одной стороны, маслодѣліе, дающее населенію Зап. Сибири и Степного края въ настоящее время не менѣе 43 мил. руб. ежегодно, не можетъ не поднимать благосостояніе той части сельскаго населенія, которая принимаетъ въ немъ участіе. Оно вводитъ много денегъ въ крестьянскую среду. Въ алтайскихъ селеніяхъ съ артельными маслодѣльнями гораздо больше построекъ, крытыхъ желѣзомъ, окрашеннымъ въ зеленую краску, чѣмъ въ немаслодѣльныхъ селеніяхъ; въ такихъ селеніяхъ крестьяне больше потребляютъ чая и сахара, вообще разнаго городского товара, посуды, обуви, ситцевъ и т. п.; всего этого пріобрѣтается даже болѣе, чѣмъ сельскохозяйственныхъ орудій и др. полезныхъ предметовъ. Внѣшнее, показное крестьянское благосостояніе маслодѣліе, несомнѣнно, повышаетъ. Но это касается только болѣе или менѣе зажиточныхъ крестьянъ, такъ какъ бѣднѣйшіе крестьяне (особенно прибывшіе переселенцы), имѣющіе только по одной коровѣ на семью, не могутъ доставлять молоко на маслодѣльные заводы. Стремясь увеличить количество продаваемаго молока, крестьяне стараются развести какъ можно больше скота, но при 15-десятинномъ надѣлѣ они при этомъ не могутъ ни расширять пастбища, ни увеличить коли-

чество корма, потому что почти нигдѣ не примѣняютъ травосѣяніе. Вслѣдствіе этого ихъ скотъ недоѣдаетъ, тощаетъ, даетъ слабое потомство, вырождается и дѣлается нестойкимъ въ борьбѣ съ разными болѣзнями. Раньше крестьяне давали телятамъ молоко, а теперь только „обратъ“, т. е. молоко, изъ котораго выдѣлены всѣ жировыя частицы, и потому не питательное. Въ этотъ смѣшанный обратъ часто попадаетъ молоко отъ коровъ, зараженныхъ какой либо болѣзнью, почему онъ самъ становится источникомъ заразы. Вслѣдствіе ухудшенія питанія телятъ, теперь ихъ погибаетъ гораздо больше, чѣмъ раньше. Крестьянскія дѣти теперь также получаютъ въ пищу гораздо меньше молока, чѣмъ до развитія маслодѣлія, почему также питаются хуже. Въ самое послѣднее время даже и оброта стало даваться меньше телятамъ, потому что изъ него начали извлекать казеинъ. За послѣдніе два года маслодѣліе въ Зап. Сибири уже не распространяется такъ быстро, какъ въ предшествовавшіе годы: не увеличивается количество корма, которое позволило бы увеличить количество рогатаго скота. Въ Алтаѣ въ 1910 г. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выработка масла закончилась уже къ 15 августа вслѣдстіе недостатка кормовъ, между тѣмъ какъ раньше она заканчивалась только въ октябрѣ. Только развитіемъ травосѣянія можно бороться съ этимъ травянымъ оскуденіемъ и тѣмъ продолжать дальнѣйшее распространеніе маслодѣлія въ Зап. Сибири. Сибирское масло, которое вывозится теперь изъ Зап. Сибири не менѣе чѣмъ на 30 мил. руб. въ годъ, идетъ заграницу главнымъ образомъ черезъ порты Балтійскаго моря въ Германію. По количеству жира хорошо приготовленное сибирское масло на 2,24% превосходитъ нѣмецкое.

XIII.

Торговля.

Торговля Зап. Сибири въ прежнее время, до проведенія желѣзной дороги, основывалась на двухъ началахъ: монополіи и кредитѣ. Въ каждой губерніи существовало нѣсколько крупныхъ торговыхъ фирмъ, которыя однѣ сносились съ производителями русскихъ фабрикатовъ, распредѣляли послѣдніе между мелкими торговцами, скупали сырые продукты, главнымъ образомъ, пушнину, устанавливали цѣны на товары, которые получали въ кредитъ у фабрикантовъ и въ кредитъ же раздавали мелкимъ торговцамъ. Съ проведеніемъ желѣзной дороги характеръ сибирской торговли измѣнился, а проведеніе новыхъ желѣзныхъ путей окончательно уничтожитъ и послѣдніе остатки старого порядка торговли. Теперь появились средніе и мелкіе мѣстные торговцы, работающіе самостоятельно и прямо ведущіе дѣла съ россійскими фабрикантами. Появились новые, мелкіе товарно-распредѣлительные центры, не только въ уѣздныхъ небольшихъ городахъ, но и въ селахъ, особенно на Алтаѣ. Крупныхъ торговыхъ фирмъ, раньше извѣстныхъ во всей Зап. Сибири, теперь уже почти нѣтъ, но за то появилось много фирмъ среднихъ и мелкихъ. Обороты крупныхъ ярмарокъ теперь очень сократились, но зато возникло много новыхъ мелкихъ ярмарокъ.

Раньше только болѣе крупные торговцы сами ѣздили на ирбитскую или нижегородскую ярмарки, а теперь ѣздятъ за товарами въ Евр. Россію и мелкіе, но уже большею частью въ Москву, Лодзь, Варшаву. Да и въ самой Сибири появились коммивояжеры съ образцами товаровъ, открылись комиссіонныя конторы, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ цѣлые товарные склады. Всѣ эти измѣненія особенно замѣтны въ земледѣльческой части Зап. Сибири. Но если измѣнились формы торговли, то до сихъ поръ остается неизмѣнной ея сущность: изъ Зап. Сибири по-прежнему за дешевыя цѣны вывозятся сырые продукты, по прежнему за высокія цѣны ввозятся фабрично-заводскія издѣлія. Дешевый вывозъ сырья и дорогой ввозъ фабрикатовъ въ сущности не измѣнился, хотя, съ одной стороны, сибирское сырье стало гораздо дороже, а привозные товары дешевле, чѣмъ въ прежнее время. Самый ростъ торговаго капитала происходитъ довольно медленно, мѣстное грузовое обращеніе развивается слабо, но зато рынки сбыта сибирскаго сырья теперь оказываются и заграницей, въ то время какъ раньше ограничивались Приуральемъ и рѣдко Поволжьемъ.

Прежде главные предметы вывоза изъ Зап. Сибири извлекались изъ ея лѣсовъ и нѣдръ земли — мѣха и золото; теперь они извлекаются изъ полей и луговъ — хлѣбъ и масло. Эта перемѣна произошла оттого, что за послѣднія 20—25 лѣтъ въ ея предѣлы передвинулись мильоны переселенцевъ изъ Евр. Россіи, привыкшихъ на родинѣ къ земледѣльческому труду и продолжающихъ это занятіе и на новыхъ мѣстахъ.

На первомъ мѣстѣ по количеству вывоза и заинтересованныхъ въ немъ лицъ стоятъ хлѣбные продукты. Вывозится преимущественно пшеница, которая направляется, главнымъ образомъ, въ Пермскій край, затѣмъ въ Вост. Сибирь, и наконецъ, въ Ревель, Либаву и Петербургъ. Тобольскій хлѣбъ идетъ исключительно на Западъ и, главнымъ образомъ, въ зернѣ. Въ Томской губ. хлѣбные грузы, начиная отъ станціи Обь къ востоку, идутъ уже преимущественно въ Вост. Сибирь. Вообще изъ Томской губ. больше идетъ муки, чѣмъ зернового хлѣба.

Хлѣбная торговля въ Зап. Сибири до сихъ поръ находится въ неупорядоченномъ состояніи; это происходитъ отъ слѣдующихъ причинъ: 1) производитель зерна — крестьянинъ, производитель мелкій, отчего въ хлѣботорговлѣ очень видное и очень вредное участіе принимаютъ мелкіе скупщики, старающіеся всячески понизить цѣны при покупкѣ зерна. Множество посредниковъ вообще весьма понижаетъ доходность земледѣльческаго труда для самихъ производителей зерна, и безъ того не высокую; 2) цѣны на хлѣбъ крайне неустойчивы и крайне разнообразны, благодаря неурожаямъ отъ засухъ, часто поражающихъ степныя хлѣбородныя мѣстности Зап. Сибири, и по причинѣ большихъ разстояній многихъ мѣстностей производства хлѣба отъ желѣзной дороги. По линіи самой желѣзной дороги и по Оби цѣны стоятъ гораздо выше, чѣмъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя удалены отъ желѣзной дороги, и гдѣ даже нѣтъ пароходства, какъ напр. въ Кузнецкомъ у. и во многихъ мѣстностяхъ Алтая; 3) отсутствіе центральнаго хлѣбнаго рынка и, наконецъ, 4) отдаленность внѣшняго, главнымъ образомъ, заграничнаго рынка, на которомъ западно-сибирскій хлѣбъ могъ бы всегда находить себѣ прекрасный сбытъ. Количество вывозимаго изъ Сибири хлѣба возрастаетъ ежегодно. По Сиб. жел. дор. изъ Сибири вывезено: въ 1905 г. — 17 мил., въ 1906 — 28, въ 1907 г. — 44, въ 1908 г. — 58 мил. пудовъ хлѣба (въ круглыхъ цифрахъ). Хотя въ это число вошелъ и хлѣбъ Степного края, но т. к. земледѣльческое населеніе Зап. Сибири во много разъ больше, чѣмъ Степного края, то, конечно, огромное большинство этого хлѣба вывезено именно изъ Тобольской и Томской губ.

Вывозъ животныхъ продуктовъ, сравнительно съ хлѣбомъ, имѣетъ гораздо меньшее значеніе. Сибирское мясо отправляется въ Москву и Петербургъ, отчасти въ Вост. Сибирь. Центромъ отпускной торговли скотскимъ и свинымъ мясомъ является Курганскій уѣздъ. Вывозятся также пушнина, щетина, кожи, шерсть, дичь, яйца, рыба на уральскіе заводы, кедровые орѣхи и соль.

Въ ввозной торговлѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ мануфактура, проникшая теперь въ самые отдаленные углы Зап.

Сибири и почти вытѣснившая домотканныя матеріи. Затѣмъ идутъ: бакалея, желѣзо съ Урала, предметы одежды и обуви, сахаръ, вино и т. п. Фабрично-заводскія издѣлія все еще продолжаютъ держаться прежняго пути въ Западной Сибири — Пермской жел. дор., хотя нѣкоторые товары, какъ напр., сахаръ, уже полностью перешли на Сибирскую дорогу, которая, въ общемъ, и до сихъ поръ болѣе служитъ для вывоза, чѣмъ для ввоза. Изъ иностранныхъ государствъ Западная Сибирь имѣетъ торговыя сношенія только съ Китаемъ, собственно съ Монголіей, на юго-восточной границѣ Томской губерніи, въ Бійскомъ уѣздѣ. Бійскіе купцы ведутъ съ Монголіей торговлю мануфактурой, металлическими издѣліями и маральными рогами по Чуйской дорогѣ, которая теперь отъ Онгудая до Кошъ-Агача, гдѣ и происходитъ торговый обмѣнъ, — приспособлена для колеснаго движенія. Изъ Монголіи ввозятся; чай, верблюжья и баранья шерсть, конскій волосъ, звѣриныя необдѣланныя шкуры. Эта торговля должна принять болѣе широкіе размѣры, такъ какъ въ хозяйственномъ отношеніи сѣверная Монголія, съ ея 2-хъ милліоннымъ населеніемъ, тяготѣетъ къ Россіи.

Такъ какъ въ Западной Сибири очень много мелкихъ производителей сырья, крестьянъ, которые не имѣютъ никакой возможности совершать постоянный обмѣнъ съ, сравнительно немногочисленными, болѣе крупными торговыми центрами, то тамъ возникли многочисленные мѣстныя ярмарки и торжки. Первыхъ считается въ Тобольской губерніи 260, вторыхъ 186 съ оборотомъ до 20 мил. рублей. Сырье, закупленое мелкими порціями на мѣстныхъ ярмаркахъ, на болѣе крупныхъ продается цѣлыми партіями, или доставляется скупщиками на желѣзнодорожныя станціи для вывоза. Изъ крупныхъ ярмарокъ Тобольской губерніи, имѣющихъ даже обще-сибирское значеніе, нужно отмѣтить Тюменскую ($2^1/_2$ мил. рублей оборота) и Ишимскую (до 3 мил.). На этихъ ярмаркахъ производится торговля мясомъ, саломъ, кожами и т. п. сырьемъ, особенно на Ишимской (Никольской). Торговля съ сѣверными торговцами Тобольской губ. происходитъ на Обдорской январьской ярмаркѣ. Она помѣщается въ одной изъ улицъ, выходящихъ въ тундру. Здѣсь находятся амбары, въ которыхъ обдоряне производятъ

свою торговлю, и нарты, съ которыхъ тоже идетъ торговля, преимущественно мѣновая. Здѣсь разложенъ „остяцкій“ и „самоѣдскій“ товаръ: кирпичный чай, сукно разныхъ цвѣтовъ для лѣтнихъ „гусей“, и прошивки для зимней теплой одежды, мѣдныя побрякушки, которыми обвѣшиваются котлы, ножи, топоры, кремни, ящики, желѣзные листы, на которыхъ разводится огонь въ чумѣ. Зыряне выкладываютъ свои деревянныя издѣлія — ложки, чашки; остяки свои убогія произведенія: травяныя циновки, чагу (грибовидные наросты на деревьяхъ), замороженый жиръ, марошку, собачьи шкуры и т. п. На самой ярмаркѣ происходятъ лишь мелкія продажи; крупныя сдѣлки производятся въ домахъ, гдѣ самоѣдовъ прежде угощаютъ водкой, мерзлой рыбой, олениной, рыбьимъ жиромъ. Гости сидятъ прямо на полу, ѣдятъ, пьютъ, а напившись, начинаютъ пѣть свои безконечныя пѣсни и кричать. Послѣ угощенья начинается торговля, которая оканчивается очень выгодно для хозяевъ и съ большимъ ущербомъ для самоѣдовъ. Въ Томской губерніи число ярмарокъ доходитъ до 200. Тамъ нѣтъ такихъ крупныхъ ярмарокъ, какъ въ Тобольской губерніи, но много среднихъ, особенно на Алтаѣ.

Помимо ярмарочнаго, въ сѣверо-западной Сибири очень развитъ развозный и разносный торгъ, особенно въ инородческихъ мѣстностяхъ. Мелкій торговецъ, забравъ въ городѣ разные необходимые крестьянамъ и инородцамъ товары, кочуетъ съ ними по деревнямъ и инородческимъ улусамъ, вымѣнивая свои товары на произведенія мѣстнаго сельскаго хозяйства и промысловъ.

XIV.

Пути сообщенія.

Естественными, первоначальными путями сообщенія по Западно-Сибирской низменности были рѣки, по которымъ и происходило какъ завоеваніе страны русскими, такъ и ея послѣдующее мирное заселеніе. По рѣкамъ Западной Сибири — Турѣ отъ г. Верхотурья, Тоболу, Иртышу, Оби, притоку послѣдней Кети — происходило сообщеніе Москвы съ Восточной Сибирью, и по Томи — съ приалтайскими мѣстностями нынѣшней Томской губ. Но такъ какъ сообщенія по длинной линіи рѣкъ были очень медленны, неудобны, доступны лишь въ краткіе мѣсяцы теплаго времени года, и такъ какъ они не совпадали съ лучшей, по почвеннымъ и климатическимъ условіямъ, хлѣбородной части Зап. Сибири, то еще въ первой половинѣ XVIII в. тамъ установилось сухопутное сообщеніе, которое съ раздѣленіемъ Сибири на два генералъ-губернаторства — западно- и восточно-сибирское (1822), окончательно установилось отъ Тюмена на Ялуторовскъ, Ишимъ, Тюкалинскъ, Омскъ, Каинскъ, Колывань и Томскъ. Долгое время этимъ путемъ шло почти все пассажирское и грузовое движеніе въ Зап. Сибирь и дальше на Востокъ. Только съ появленіемъ пароходства на Оби (съ 1843 г.) часть грузовъ и пассажировъ отошла отъ „московскаго тракта“ и

двинулась отъ Перми и Екатеринбурга къ Тюмени, а затѣмъ по Турѣ, Иртышу, Оби и Томи къ Томску. Сибирская желѣзная дорога, доведенная въ 1896 г. до Красноярска, окончательно лишила колесный „московскій“ трактъ всякаго значенія и сильно ослабила значеніе рѣчного пути по Оби и ея притокамъ отъ Томска до Тюмени. Пассажиры совершенно оставили водяной путь, и почти все сырье изъ Сибири двинулось на Западъ по желѣзной дорогѣ; прежнимъ рѣчнымъ путемъ продолжаетъ пользоваться только бо́льшая часть ввоза изъ Евр. Россіи въ Сибирь. Но съ развитіемъ торговаго обращенія между Сибирью и Евр. Россіей, съ усиленіемъ вывоза сибирскаго сырья съ одной стороны, и ввоза россійскихъ фабрикатовъ съ другой, значеніе водныхъ путей въ Сибири должно опять возрасти. Въ 1906 г. по рѣкамъ Обскаго бассейна было перевезено до 80 мил. пуд. различныхъ грузовъ. Обь доступна для пароходнаго движенія даже въ верхнемъ своемъ теченіи — отъ Бійска, въ 23 верстахъ отъ сліянія Біи съ Катунью, но, благодаря перекатамъ, этотъ путь не всегда удобенъ для пароходовъ, такъ что свободное пароходство начинается лишь съ устья Чарыша. Обь настолько глубока и многоводна, что если бы былъ расчищенъ баръ въ ея устьѣ, то большія морскія суда могли бы подниматься до самаго устья Иртыша. Изъ притоковъ Оби нужно указать на Томь, пароходство по которой возможно до Кузнецка (548 в.), Чулымъ, Иртышъ, по которому къ Омску, до пересѣченія его съ желѣзной дорогой, водой движутся грузы изъ Тобольскаго и Тарскаго уѣздовъ. Что касается Туры, притока Тобола, то пароходство по ней сдѣлалось чрезвычайно важнымъ: съ проведеніемъ сѣверной дороги (Петербургъ-Вологда-Вятка) черезъ Тюмень очень усилился вывозъ сибирскаго сырья и ввозъ россійскихъ фабрикатовъ. Но Тура, чрезвычайно извилистая рѣка съ илистымъ и песчанымъ дномъ, имѣющая мягкіе и неустойчивые берега, настолько перегораживается лѣтомъ перекатами, что пароходство по ней возможно только до Іевлева, въ 120 верстахъ отъ Тюмени; поэтому теперь совершенно выяснилась необходимость шлюзованія Туры, какъ и части Тобола. Конечно, вполнѣ возможно

пароходство по такимъ многоводнымъ рѣкамъ, впадающимъ въ Ледовитый океанъ, какъ Надымъ.

Важное значеніе Западно-Сибирскихъ водныхъ путей еще болѣе возрастетъ, когда осуществится предположеніе соединить искусственными путями (каналами) бассейны Волги и Енисея съ бассейномъ Оби. Для соединенія Волги съ Обью предполагается воспользоваться Камой, ея притокомъ Чусовой, послѣ предварительнаго ея шлюзованія, затѣмъ каналомъ длиною въ 7 верстъ, рѣкой Рѣшеткой, впадающей въ Исеть, притокъ Тобола. Сооруженіе этого пути опредѣляется не менѣе какъ въ 70 мил. руб. Притоки Оби и Енисея до такой степени сближены между собою, что еще въ XVII в. здѣсь двигались грузы и путешественники въ Восточную Сибирь, причемъ на 90 верстахъ отъ с. Маковскаго на Кети до Енисейска путь совершался на лошадяхъ. Съ 1882 г. между Кетью, притокомъ Оби, и Касомъ, притокомъ Енисея, началось проведеніе канала. Для этого потребовалось сооруженіе 29 шлюзовъ и канализація многихъ маловодныхъ и извилистыхъ рѣчекъ на протяженіи 200 в., а также спрямленіе и расчистка Большого Каса и отчасти Кети. Илистое дно и низменные берега дѣлаютъ, однако, всѣ работы здѣсь непрочными; кромѣ того, по каналу могли бы двигаться лишь небольшія суда, да и притомъ время плаванія по нему можетъ быть очень непродолжительно. Такимъ образомъ, затрата 5 мил. руб. до сихъ поръ остается напрасной, и каналъ этотъ существуетъ лишь по имени, а не на самомъ дѣлѣ. Нужно произвести еще очень значительныя работы и затратить новыя огромныя суммы, чтобы Обь-Енисейскимъ каналомъ можно было пользоваться для грузового движенія.

Количество пароходовъ, плавающихъ по рѣкамъ Обскаго бассейна, доходитъ до 150, и будетъ несомнѣнно возрастать съ развитіемъ грузового движенія по рѣкамъ, впадающимъ въ Обь, особенно съ того времени, когда установится прямое сообщеніе Западной Сибири съ Европой морскимъ путемъ черезъ устье Оби. Тогда сибирское сырье, въ особенности хлѣбъ и лѣсъ, въ большомъ количествѣ двинется за границу до Обской губы, гдѣ будетъ перегружаться на морскіе пароходы. Для все возрастающаго количества дешеваго сырья необходимы

новые рынки сбыта, которые можно найти только заграницей, въ Германіи и Англіи. Но мѣстности Западной Сибири, наиболѣе богатыя пшеницей (приалтайскія мѣстности), такъ далеко отстоятъ отъ портовъ Балтійскаго моря, что дешевое сырье только тогда можетъ выдержать даже самый благопріятный желѣзнодорожный тарифъ, когда будетъ пріобрѣтаться у его производителей за самую ничтожную цѣну, не оправдывающую и издержекъ производства. Тогда занятіе земледѣліемъ сдѣлается совершенно невозможнымъ, и переселенцы окажутся въ столь же тяжеломъ положеніи, въ какомъ были у себя на родинѣ въ Европейской Россіи. Водный путь, конечно, болѣе дешевый, но такъ какъ плаваніе по Карскому морю, иногда недоступному вслѣдствіе льдовъ, загораживающихъ, идущіе въ него, проливы, ненадежно, то и фрахтъ и страховка судовъ здѣсь оказывается выше обычныхъ. Поэтому иностранныя суда не могутъ идти къ устью Оби за сибирскимъ сырьемъ иначе, какъ съ заграничными фабрично-заводскими издѣліями, а это возможно лишь при условіи разрѣшенія ввоза хотя бы нѣкоторыхъ иностранныхъ товаровъ по облегченному таможенному тарифу. Однимъ словомъ, земледѣльческое населеніе Западной Сибири, т. е. почти все ея населеніе, должно испытать весьма тяжелое экономическое разстройство, если не будетъ открытъ наиболѣе удобный и дешевый выходъ для сибирскаго сырья.

Сибирская желѣзная дорога оказала громадное вліяніе на хозяйственную жизнь Западной Сибири. Измѣнился характеръ торговли, поднялось значеніе многихъ городовъ, создались новыя поселенія, развившіяся въ самое короткое время. Ввозъ и вывозъ значительно увеличились, доставка товаровъ въ Сибирь удешевилась. Въ связи съ этимъ увеличился и притокъ переселенцевъ, и самое ихъ переселеніе стало короче и удобнѣе. Рынокъ сбыта для сибирскаго сырья чрезвычайно расширился, и оно получило возможность проникать въ мѣстности, находящіяся очень далеко отъ его производства. Возможность сбыта увеличила сельско-хозяйственную промышленность, создала маслодѣліе, вызвала притокъ новыхъ средствъ, усилила спросъ на различные предметы обрабатывающей промышленности. Кромѣ мѣстнаго, сибирская дорога все болѣе и болѣе начинаетъ пріобрѣтать и міровое транзитное значеніе. Если

грузы малоцѣнные и громоздкіе, направляющіеся на Дальній Востокъ изъ Европы, навсегда останутся за морскимъ путемъ, какъ болѣе дешевымъ, то предметы болѣе цѣнные, какъ чай, табакъ, вино, галантерейные и многіе мануфактурные товары, предпочтутъ путь по желѣзной дорогѣ, какъ гораздо болѣе скорый. Пассажирское движеніе на Дальній Востокъ и обратно тоже начинаетъ предпочитать желѣзнодорожный путь, какъ болѣе скорый и дешевый. Но здѣсь имѣются въ виду не обыкновенные пассажирскіе поѣзда, а „скорые сибирскіе“, движеніе которыхъ приноситъ желѣзной дорогѣ не прибыль, а убытокъ. Необходимость представить сибирскому сырью выходъ изъ разныхъ, отдаленныхъ отъ магистрали, мѣстностей вызвала потребность въ боковыхъ желѣзнодорожныхъ путяхъ и въ увеличеніи провозоспособности самой магистрали. Эти новые пути не должны идти въ близкомъ разстояніи отъ рѣчныхъ путей и параллельно имъ, а должны пересѣкать наиболѣе населенныя и богатыя мѣстности. Изъ числа этихъ путей уже началось сооруженіе Томскъ-Омской желѣзной дороги (522 в.), которая дастъ выходъ къ магистрали сырью Тюменскаго, Ялуторовскаго, Ишимскаго и части Тюкалинскаго уѣздовъ. Изъ проектированныхъ дорогъ начато сооруженіе Алтайской желѣзной дороги (Семипалатинскъ-Барнаулъ-Новониколаевскъ съ вѣткой на Бійскъ). Первая часть этого пути (Семипалатинскъ-Барнаулъ) пройдетъ по Кулундинской степи съ ея урочищами Бель-Агачемъ и Кошъ-Карагачемъ, славящимися ихъ плодородіемъ, и долиной рѣкой Алея, т. е. по уѣздамъ Семипалатинскому, сѣверо-западной части Змѣиногорскаго и западной Барнаульскаго, мѣстностямъ земледѣльческимъ и скотоводскимъ. Милліоны пудовъ зерна, муки, мороженаго мяса, масла должны двинуться по этой дорогѣ на Барнаулъ и даже на Новониколаевскъ, на сибирскую магистраль. Часть дороги (Барнаулъ - Новониколаевскъ) пересѣчетъ богатыя долины рр. Чумыша, Берди и Ини въ Барнаульскомъ у. и не повредитъ судоходству по Оби, т. к. эта рѣка дѣлаетъ здѣсь большую дугу въ сѣверо-западномъ направленіи. Подобную же дугу дѣлаетъ Обь и въ Бійскомъ уѣздѣ, почему вѣтка на Бійскъ вполнѣ умѣстна. Грузооборотъ этой дороги уже теперь насчитывается въ 117 мил.

руб. Кромѣ того, въ предѣлахъ Зап. Сибири проектируются и другія желѣзныя дороги, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить Барнаулъ-Маріинскую (583 в.). Линія эта направитъ въ Восточную Сибирь, Забайкалье и даже Приамурье крайне нужные тамъ хлѣбъ, мясо, масло и другіе продукты скотоводства изъ Барнаульскаго, Бійскаго и Кузнецкаго уѣздовъ, которые съ выгодой для себя могутъ имѣть сбытъ своихъ продуктовъ только въ восточномъ направленіи, т. к. западные рынки столь отдаленны отъ нихъ, что подвозъ къ нимъ сырья изъ этихъ мѣстностей поглотитъ почти всѣ издержки производства. Кромѣ того, эта линія перерѣжетъ наиболѣе рудородныя мѣстности Алтая: Салаиръ и Багатъ, гдѣ раньше существовали желѣзодѣлательные заводы Гурьевскій и Томскій, и по т. н. Кузнецкой котловинѣ, гдѣ залегаютъ необычайно мощные пласты каменнаго угля. Такъ на р. Инѣ, находится знаменитая Кольчугинская копь и Багатская на р. Зеленчекѣ съ углемъ, наиболѣе пригоднымъ для полученія кокса. Стоимость угля здѣсь не превышаетъ $4^1/_2$—6 коп. пудъ, и этимъ углемъ будетъ топиться не только проектируемая линія, но и желѣзопромышленность края, куда теперь желѣзо доставляется съ Урала. Населеніе Алтая нуждается въ желѣзѣ для гвоздей, крышъ, частей экипажей, сельско-хозяйственныхъ машинъ и принадлежностей, и для приготовленія всего этого на мѣстѣ должны возникнуть скоро на Алтаѣ мѣстные заводы. Наконецъ, сѣверная часть этой линіи пройдетъ по золотоносной части Маріинскаго уѣзда. Дорога окажетъ вліяніе на разработку мѣди, серебра, свинца, лѣсовъ, которыхъ на Алтаѣ имѣется до 10 мил. десятинъ. На мѣстѣ можетъ возникнуть фабрикація целлюлозы, такъ какъ въ Сибири теперь нѣтъ ни одной писчебумажной фабрики. Отъ этой линіи удобно провести узкополотную дорогу на Тельбесъ, притокъ Кондомы, впадающей въ Томь около Кузнецка; тамъ находятся драгоцѣнныя жилы магнитнаго желѣзняка на діоритѣ, и количество желѣзняка опредѣляется тамъ въ 100 мил. пуд. Проектируемая, также, вѣтка Юрга-Кольчугино не замѣнитъ этой дороги, потому что разсчитываетъ только на вывозъ къ магистрали каменнаго угля, котораго для нуждъ магистрали и безъ того

достаточно въ Анжерскихъ и Суджинскихъ копяхъ. Вѣтка на Бійскъ будетъ весьма способствовать развитію русской торговли въ Монголіи, и будетъ имѣть большое стратегическое значеніе для западной границы съ Китаемъ. Проведеніе Алтайской дороги, которая будетъ вывозить отсюда хлѣбъ, потребуетъ еще разъ рѣшенія вопроса о внѣшнемъ рынкѣ для новыхъ милліоновъ пудовъ сибирскаго зерна, а для этого имѣется единственный способъ: открытіе воднаго пути черезъ устье Оби, и установленіе хотя частнаго порто-франко: иностранныя суда не пойдутъ пустыми за сибирскимъ хлѣбомъ. Недавно состоявшаяся отмѣна челябинскаго перелома для сибирскаго хлѣба хотя и удешевитъ его доставку до балтійскихъ портовъ, но всетаки не до такой степени, чтобы оно сдѣлалось дешевле перевозки морскимъ путемъ. Кромѣ того, отмѣна челябинскаго перелома заставитъ сибирскую дорогу возить сибирскій хлѣбъ въ прямой себѣ убытокъ. Не рѣшаетъ вопроса о заграничномъ вывозѣ сибирскаго сырья и проектируемая сѣверная дорога отъ Обдорска до какой нибудь гавани къ западу отъ проливовъ, ведущихъ въ Карское море; необходимость двойной перегрузки хлѣба при пользованіи этимъ путемъ увеличитъ его стоимость, да и тарифъ ея не можетъ быть очень низокъ, т. к. значительную часть года она будетъ бездѣйствовать. Наконецъ, ею не будетъ устранено то обстоятельство, что иностранныя суда всетаки должны будутъ приходить пустыми за сибирскимъ хлѣбомъ. Экспортеры хлѣба могутъ извлекать выгоду изъ этой операціи лишь въ томъ случаѣ, если на сибирскій хлѣбъ будетъ установлена слишкомъ низкая цѣна, что совсѣмъ не въ интересахъ земледѣльческаго населенія Сибири. Существуетъ еще проектъ проведенія желѣзной дороги отъ Тобольска до Тюмени. Если онъ осуществится, то часть западно-сибирскаго сырья направится этимъ путемъ на Пермь-Котласскую желѣзную дорогу, послѣ погрузки въ Тобольскѣ. Расчистка Туры и шлюзованіе Тобола будутъ тогда не нужны. Тюмень потеряетъ тогда свое прежнее значеніе. Но эта дорога (150 верстъ, стоимостью 15 мил.) будетъ ненужна, если удастся соединить бассейны Оби и Камы тѣмъ воднымъ путемъ, о которомъ говорилось выше. Наконецъ,

существуютъ еще проекты желѣзныхъ дорогъ Семипалатинскъ-Кокчетавъ-Курганъ, болѣе важный для Акмолинской области, чѣмъ для Тоб. губ., и дороги Березовъ-Архангельскъ, предполагающей стянуть сырье Обскаго бассейна къ Архангельску, какъ отпускному порту на болѣе открытомъ Бѣломъ морѣ.

Въ населенныхъ частяхъ Зап. Сибири, гдѣ нѣтъ желѣзнодорожнаго и рѣчного сообщенія, существуютъ почтовые тракты. Въ зимнее время только по почтовымъ трактамъ и можетъ происходить сообщеніе между нѣкоторыми городами Зап. Сибири. Исправное состояніе почтовыхъ трактовъ поддерживается натуральной повинностью крестьянъ, которые обязаны выходить для этого иногда за десятки верстъ и въ самое горячее рабочее время. Въ степныхъ мѣстностяхъ начинаетъ развиваться правильное автомобильное сообщеніе между городами, напр. между Барнауломъ и Семипалатинскомъ.

XV.

Народное здравіе, образованіе и населенныя мѣста Западной Сибири.

Въ населенной полосѣ Западной Сибири распространяются болѣзни дыхательныхъ путей и вообще всякія простудныя заболѣванія не столько по причинѣ продолжительныхъ и сильныхъ холодовъ, сколько вслѣдствіе особенностей образа жизни и привычекъ мѣстнаго населенія. Зимой въ крестьянскихъ избахъ нѣтъ никакой вентиляціи, всѣ отверстія старательно закрываются, въ избахъ стоитъ невыносимый жаръ отъ натопленныхъ печей, а, между тѣмъ, обитателямъ этихъ избъ приходится постоянно выбѣгать на холодъ часто при разницѣ температуры на 50° въ избѣ и на дворѣ. Всюду распространенныя „чорныя“ бани, кое-какъ сколоченныя, со щелями, являются также причинами всякихъ простудныхъ заболѣваній. Въ мѣстностяхъ урманныхъ и таежныхъ, со множествомъ стоячихъ водъ, по долинамъ широко разливающихся рѣкъ, какъ напр., въ Тарскомъ уѣздѣ, въ Чулымской тайгѣ и др., господствуютъ перемежающіяся лихорадки. Ревматизмъ также очень распространенъ среди звѣро- и рыбопромышленниковъ Западной Сибири. Сѣверные инородцы,

особенно остяки, страдаютъ венерическими и глазными болѣзнями; послѣднія вызываются яркимъ отраженіемъ солнечныхъ лучей отъ снѣга, и дымомъ, которымъ постоянно наполнены ихъ юрты. Переселенцы распространяютъ въ Западной Сибири дифтеритъ, скарлатину и трахому. Врачебное дѣло поставлено въ Западной Сибири вообще плохо, особенно въ Тобольской губ. Врачей совершенно недостаточно по числу населенія (ихъ всего 65), участки врачей громадны, многія селенія въ малодоступныхъ мѣстностяхъ, отрѣзанныя рѣками и болотами, совсѣмъ лишены медицинской помощи; на врачей возлагается множество обязанностей полицейскаго характера, больницъ мало, на лѣкарства отпускаются ничтожныя средства. Города, кромѣ Тобольска, не имѣютъ спеціальнаго санитарнаго надзора. Въ Томской губерніи положеніе врачебнаго дѣла нѣсколько лучше, хотя и тамъ всего около 140 врачей и 31 аптека на всю губернію. По причинѣ трудной доступности врачебной помощи среди западно-сибирскаго сельскаго населенія еще процвѣтаютъ знахари и знахарки, которые лѣчатъ острой водкой, сулемой, толченымъ хрусталемъ, заговорами и заклинаніями. Изъ особенныхъ мѣстныхъ болѣзней въ Зап. Сибири нужно указать на зобъ въ Туринскомъ уѣздѣ и въ закрытыхъ, плохо провѣтривающихся долинахъ Алтая, который особенно быстро развивается у пришлыхъ людей, и скорѣе всего у дѣтей, а потомъ у женщинъ. Многіе люди, зобатые съ дѣтства, часто оказываются и идіотами. Вслѣдствіе употребленія въ пищу сырой рыбы населеніе сѣверныхъ мѣстностей Западной Сибири страдаетъ глистами.

Зап. Сибирь довольно бѣдна цѣлебными минеральными источниками и озерами. Въ Барабинской степи, около Каинска, находится солоновато-щелочное Устьянцево озеро, издали бѣлое, какъ молоко; вода его полезна при сыпяхъ, разстройствѣ пищеваренія и женскихъ болѣзняхъ. Въ Барнаульскомъ у. въ Кулундинское озеро впадаетъ маленькая рѣчка Солоновка, всего 300 саженей въ длину и 3—5 саженей въ ширину. Вода этой маленькой рѣчки, съ 7^0 до 27^0 R, напоминаетъ по своему составу и дѣйствію пятигорскіе сѣрные источники (ею пользуются отъ ревматизма и многихъ накожныхъ болѣзней). На Алтаѣ, недалеко отъ Бѣлухи, въ мало-

доступной высокой мѣстности, находятся теплые Рахмановскіе ключи, выбивающіеся изъ трещинъ въ скалѣ, или изъ щелей между камнями. Вода ихъ (33° R) пріятна на вкусъ, насыщена углекислотой, и употребляется при лѣченіи ревматизмовъ. Жизнь и купанье въ этихъ ключахъ обставлена очень большими неудобствами. Алтай обладаетъ чудными, живописными мѣстностями, цѣлительными своимъ горнымъ воздухомъ, напоеннымъ ароматомъ хвойныхъ деревъ, какъ чемалъ и др., гдѣ со временемъ могутъ быть устроены превосходныя лѣчебно-климатическія станціи.

Народное образованіе въ Зап. Сибири поставлено столь же неудовлетворительно, какъ и врачебное дѣло. Въ Тоб. губ. въ 1909 г. въ 1062 низшихъ школахъ обучалось всего 87,846 дѣтей и въ 7 среднихъ — 2290, въ Томской — во всѣхъ 1561 заведеніяхъ губерніи имѣется около 90,000 учащихся. Эти цифры совершенно недостаточны при сравненіи съ общей цифрой населенія этихъ губерній. Особенно чувствуется недостатокъ въ школахъ спеціальныхъ, напр. во всей Тоб. губ. имѣется только по одной низшей сельско-хозяйств., лѣсной и ветеринарной школѣ. Томская губ. также не имѣетъ ни одной спеціальной средней школы. Въ послѣднее время, съ ростомъ нѣкоторыхъ западно-сибирскихъ городовъ, замѣтно увеличеніе среднихъ общеобразовательныхъ школъ, какъ правительственныхъ, такъ особенно частныхъ, преимущественно женскихъ. Для высшаго образованія существуютъ два учебныхъ заведенія въ Томскѣ: университетъ (факультеты: медицинскій и юридическій съ 1270 учащимися) и технологическій институтъ съ отдѣленіями: химическимъ, строительнымъ, механическимъ и горнымъ, при 1600 учащихся. Въ 1910 г. въ Томскѣ открыты высшіе женскіе курсы. Томскія высшія школы уже оказали свое просвѣтительное вліяніе на обширный край: профессора университета, гг. Сапожниковъ, Соболевъ, Боголѣповъ, университетскій ботаникъ г. Крыловъ, преподаватели института геологъ Обручевъ, г. Кулябка и другіе дали цѣлый рядъ серьезныхъ работъ по географіи Зап. Сибири и мѣстнымъ хозяйственнымъ вопросамъ. При университетѣ существуютъ о-ва: юридическое и естествоиспытателей. Профессора читаютъ публичныя лекціи, участвуютъ въ

мѣстной печати и мѣстныхъ просвѣтительныхъ обществахъ. Изслѣдованіемъ окружающей природы и жизни занимаются и еще нѣсколько учрежденій: Тобольскій губернскій музей, о-ва изученія Сибири, о-во изученія Алтая, сельскохозяйственное, медицинское. Изъ музеевъ нужно еще отмѣтить естественно-историческій музей при Тюменскомъ реальномъ училищѣ и разростающійся послѣ недавняго пожара этнографическій музей при Обдорской миссіи. Періодическая печать въ Зап. Сибири далеко не такъ развита, какъ можно было-бы ожидать, судя по быстрому развитію ея хозяйственной жизни за послѣднее время. Газеты выходятъ лишь въ трехъ городахъ Тоб. губ.: Тобольскѣ („Сибирск. Лист.“), Тюмени („Сибир. Торг. Газ.“) и Курганѣ („Кург. Извѣстія“), а въ Томск. губ. въ четырехъ: Томскѣ („Сибир. Жизнь“, „Сибирское Слово“; тамъ же выходятъ и ежедневныя спеціальныя изданія, какъ „Сибирскій Земледѣлецъ“), въ Барнаулѣ — „Жизнь Алтая“ и „Алтайская Газета“, въ Бійскѣ — „Бійскій Листокъ“, въ Новониколаевскѣ — „Сибирскій Коммерсантъ“ и „Обскій Вѣстникъ“. Существующія почти во всѣхъ городахъ З. Сибири о-ва попеченія о начальномъ образованіи, изъ которыхъ особенно дѣятельны томское и барнаульское, устроили склады для продажи книгъ, открыли безплатныя народныя библіотеки-читальни, устраиваютъ народныя гулянія.

Въ административномъ отношеніи Зап. Сибирь дѣлится на двѣ губерніи: Тобольскую и Томскую. Первая занимаетъ всю сѣверную часть Западно-Сибирской низменности и составляетъ 63 % всей ея площади (1.219.000 кв. в.). Наиболѣе обширные уѣзды этой губерніи — самые сѣверные, Березовскій и Сургутскій, но вмѣстѣ съ тѣмъ они и наиболѣе слабо населены (не болѣе 35—40 тыс. въ обоихъ). За то самые южные уѣзды — Тюкалинскій, Ишимскій и Курганскій, — самые плодородные и наиболѣе густо населенные. Кромѣ этихъ уѣздовъ, въ составъ Тобольской губ. входятъ еще уѣзды: Ялуторовскій, Тарскій, Тобольскій, Тюменскій и Туринскій. Почти вдвое меньше по площади сосѣдняя Томская губ. (ок. 750.000 кв. в.). Ея самый сѣверный уѣздъ — Томскій съ холоднымъ и болотистымъ Нарымскимъ краемъ. Въ средней части губерніи расположены Каинскій и Маріин-

Видъ г. Томска съ восточной стороны.

г. Томскъ. Келья старца Федора Козьмича.

Томскъ. Видъ на Набережную р. Ушайки.

скій уѣзды, а въ южной части, въ предгорьяхъ Алтая и въ самыхъ горахъ — Кузнецкій, Барнаульскій, Змѣиногорскій и Бійскій — наиболѣе плодородны и густо населены.

Немногочисленные города Зап. Сибири (22) — рѣдкія точки, въ которыхъ сосредоточена вся умственная и торговая жизнь этого обширнаго края. До проведенія сибирской жел. дор. „дверью“ въ Сибирь была Тюмень, гдѣ заканчивалось пароходное сообщеніе по рѣкамъ Обскаго бассейна и гдѣ начиналась уральская жел. дор., заканчивающаяся въ Перми на Камѣ. Сибирская дорога подарвала значеніи Тюмени; она отвлекла отъ нея пассажировъ и почти все сибирское сырье, но Тюмень опять поднимется, если осуществится проектъ соединенія воднымъ путемъ бассейновъ Оби и Волги. Древнѣйшій русскій городъ въ Сибири, Тюмень, имѣетъ теперь до 40.000 жителей и является первымъ городомъ въ Сибири по кожевенному производству (до 2 мил. р. ежегодно) и первымъ въ губерніи по количеству торговыхъ оборотовъ. Тюмень извѣстна своимъ гончарнымъ производствомъ, нѣсколькими судостроительными верфями и крупными мельницами. Сооружаемая дорога на Омскъ еще болѣе подниметъ значеніе Тюмени. Изъ учебныхъ заведеній въ Тюмени имѣются женская гимназія и реальное и коммерческое училища. Внутри Тюмень некрасива, грязна, съ немногими вымощенными улицами и почти полнымъ отсутствіемъ красивыхъ зданій. Курганъ — городъ, расцвѣтшій послѣ проведенія жел. дор. и имѣющій теперь до 40 т. жителей. Фабрично-заводскій оборотъ Кургана болѣе 2 мил. руб., а торговый болѣе 6 мил. Расположенный въ срединѣ плодородной части Зап. Сибири, съ бойкимъ предпріимчивымъ населеніемъ, Курганъ является наиболѣе виднымъ городомъ Тоб. губ., какъ центръ отпускной торговли масломъ, свиньями, мукой и торговли сельско-хозяйственными орудіями. Значеніе Кургана еще болѣе увеличится, если будетъ осуществлено проектируемое его болѣе прямое соединеніе желѣзной дорогой съ Москвой, или даже проведеніемъ дороги на Екатеринбургъ.

Старинная столица Сибири, Тобольскъ, „Сибирскій Кіевъ“, по обилію старинныхъ храмовъ и вообще остатковъ

старины, основанный въ 1587 году, на другой годъ послѣ Тюмени, далеко уступаетъ упомянутымъ выше двумъ городамъ и по населенности (20,000), и по торговому значенію. Въ Тобольскѣ нѣтъ никакой сколько нибудь крупной мѣстной промышленности; изъ мелкихъ промысловъ нужно отмѣтить скорняжный (выдѣлка преимущественно бѣличьяго мѣха) и производство разныхъ мелкихъ предметовъ изъ мамонтовой кости. Рыбопромышленность и торговля — главныя занятія мѣстного населенія. Значеніе Тобольска, несомнѣнно, поднимется съ проведеніемъ желѣзной дороги до Ялуторовска, маленькаго города, теперь не имѣющаго никакой мѣстной промышленности. Самый сѣверный городъ губерніи, Березовъ, нѣкогда главное мѣсто мѣховой торговли во всей Зап. Сибири, а потомъ рыбопромышленности, теперь совершенно упалъ и ходатайствуетъ о переименованіи въ село. Съ общимъ уменьшеніемъ рыбы въ Оби, центръ рыбопромышленности перемѣстился къ сѣверу, въ Обдорскъ, значеніе котораго замѣтно растетъ. Въ Березовъ въ XVIII в. были сосланы кн. Меньшиковъ, Долгорукій и гр. Остерманъ и тамъ скончались. Съ проведеніемъ Тюмень-Омской желѣзной дороги значительно разовьется Ишимъ, въ настоящее время имѣющій до 9000 жителей, и въ которомъ бываетъ довольно обширная торговля (Никольская ярмарка). Томская губернія, какъ по количеству городовъ (14), такъ по ихъ населенности и торгово-промышленному значенію, стоитъ далеко выше Тобольской. Первый значительный городъ Томской губерніи по линіи желѣзной дороги — Каинскъ (15,000 жителей). Это — городъ сравнительно новый: основанъ въ 1722 году въ видѣ небольшого деревяннаго укрѣпленія для защиты мирныхъ барабинскихъ татаръ отъ еще немирныхъ тогда калмыковъ и киргизъ. Въ настоящее время къ Каинску, находящемуся въ центрѣ Барабы, стягивается ея отпускная торговля хлѣбомъ, масломъ и жировыми товарами. Далѣе къ востоку, на пересѣченіи сибирской желѣзной дороги съ Обью, гдѣ еще въ 1890 году былъ маленькій поселокъ въ густомъ лѣсу у станціи „Обь“, — въ настоящее время, черезъ 31 годъ, раскинулся огромный городъ Новониколаевскъ, съ населеніемъ около 60,000, не считая находящихся тамъ войскъ. Поселокъ

возникъ по причинѣ сооруженія здѣсь огромнаго желѣзнаго моста. Необычайно быстрымъ развитіемъ Новониколаевскъ (безуѣздный городъ) обязанъ своему счастливому географическому положенію; съ Алтая по Оби именно къ этому городу направляется огромное количество грузовъ (хлѣбъ, масло, продукты скотоводства), идетъ отсюда въ Европейскую Россію, и въ Восточную Сибирь, а изъ Европейской Россіи сюда доставляются фабрично-заводскіе товары, распредѣляемые затѣмъ по всему Алтаю и по Томскому уѣзду. Здѣсь же останавливаются переселенцы, направляющіеся на Алтай, вслѣдствіе чего здѣсь давно уже открытъ одинъ изъ самыхъ обширныхъ въ Сибири врачебно-питательныхъ пунктовъ. Въ Николаевскѣ и его окрестностяхъ много крупныхъ промышленныхъ предпріятій, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны по размѣрамъ и оборудованію, мукомольныя. Значеніе Новониколаевска еще болѣе поднимется, когда онъ будетъ соединенъ желѣзной дорогой съ Барнауломъ и Бійскомъ. Вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ Новониколаевскъ далеко оставитъ за собою Томскъ, какъ по количеству населенія, такъ и по торгово-промышленнымъ оборотамъ.

Первое русское населеніе въ приалтайскихъ мѣстностяхъ, Томскъ, основанный въ 1604 году, въ настоящее время — самый оживленный, красивый и культурный городъ всей Сибири. Главныя улицы Томска вымощены, освѣщены электричествомъ, обставлены красивыми домами, но зато болѣе отдаленныя или очень грязны во время дождей, или очень пыльны въ сухое время. Впрочемъ, надъ всѣмъ городомъ въ лѣтнюю жару стоитъ густая туча пыли. По количеству учебныхъ заведеній (кромѣ университета, технологическаго и учительскаго институтовъ и высшихъ женскихъ курсовъ, — 4 гимназіи, 2 реальныхъ училища, семинарія, 2 коммерческихъ училища и др,), по числу и размѣру библіотекъ, по числу ученыхъ обществъ и періодическихъ изданій, Томскъ — первый городъ въ Сибири. Населеніе Томска нѣсколько превышаетъ 100,000 человѣкъ. Фабрично-заводская производительность Томска не велика. За его чертой и въ ближайшихъ окрестностяхъ преобладаютъ винокуренные заводы и крупныя мельницы. Торговля Томска, все еще довольно оживленная, начинаетъ нѣ-

сколько замирать, благодаря вліянію указанныхъ выше общихъ причинъ, вслѣдствіе проведенія желѣзной дороги и близости Новониколаевска, стоящаго на гораздо болѣе удобномъ и выгодномъ мѣстѣ. Томскъ, расположенный въ сравнительно слабо-заселенной и, по климату и почвѣ, мало благопріятной сѣверной части губерніи, теряетъ свое прежнее значеніе, и его развитіе въ настоящее время происходитъ болѣе или менѣе искусственно: онъ остается административнымъ центромъ губерніи и имѣетъ много учебныхъ заведеній. Въ настоящее время его можно назвать не „сибирской Москвой“, какъ было раньше, а „сибирскимъ Петербургомъ“.

Третьимъ городомъ губерніи по населенности и торгово-промышленному значенію является Барнаулъ (40,000 жителей). Основанный въ 1738 г., Барнаулъ долгое время былъ административнымъ центромъ всего горнаго Алтайскаго округа, но теперь превратился въ городъ, имѣющій мало общаго съ горной промышленностью. Онъ дѣлаетъ большіе обороты по хлѣбной торговлѣ и отпуску масла, да и вообще по торговлѣ, такъ какъ является центромъ для обширнаго и населеннаго уѣзда. Въ Барнаулѣ производятся извѣстныя во всей Сибири прочныя дубленыя черныя шубы („барнаулки“); изъ другихъ промысловъ отмѣтимъ плетеніе соломенныхъ шляпъ и пимокатный. Въ Барнаулѣ много красивыхъ каменныхъ зданій и обширныхъ магазиновъ. Изъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Барнаулѣ находятся реальное училище и двѣ женскихъ гимназіи. Дѣятельное общество попеченія о начальномъ образованіи обладаетъ благоустроеннымъ народнымъ домомъ съ залой на 1000 человѣкъ. Вообще, по развитію умственной жизни Барнаулъ стоитъ въ губерніи на второмъ мѣстѣ послѣ Томска. Улицы этого города не вымощены, но не грязны, какъ въ Томскѣ, благодаря песчаному грунту. Рѣдкими электрическими фонарями освѣщается только одна главная улица (Пушкинская). Ключъ Алтая — Бійскъ (до 30,000 жителей); отъ него начинается дорога, ведущая черезъ Алтай въ Монголію. Бійскъ принадлежитъ къ числу быстро растущихъ городовъ. Торговля хлѣбная и съ Монголіей — наиболѣе важные интересы мѣстнаго населенія. Многія села Томской губерніи, особенно расположенныя на Оби въ плодо-

родныхъ мѣстностяхъ, на устьяхъ болѣе крупныхъ притоковъ, или по линіи желѣзной дороги, — быстро растутъ и развиваются, и нѣкоторыя изъ нихъ въ 1911 г. переименованы въ безуѣздные города: такъ, между Каинскомъ и Новониколаевскомъ открытъ Татарекъ, между Томскомъ и Маріинскомъ—Боготолъ; въ городъ переименована и желѣзнодорожная станція Тайга (80 верстъ отъ Томска).

Восточная Сибирь.

Къ востоку отъ Енисея простирается огромная площадь въ $6^1/_2$ мил. кв. верстъ, ограниченная на югѣ Саянскими горами, а на юго-востокѣ т. наз. Яблоновымъ хребтомъ и горными цѣпями, извѣстными въ общемъ подъ именемъ Становаго хребта. На сѣверѣ Восточная Сибирь, какъ и Западная, омывается Сѣвернымъ Ледовитымъ океаномъ. Въ административномъ отношеніи Восточная Сибирь заключаетъ въ себѣ губерніи: Енисейскую и Иркутскую, и области: Забайкальскую и Якутскую.

I.

Рельефъ поверхности.

Въ противоположность Западной Сибири, большая часть поверхности которой представляетъ низменность, бывшую еще въ третичный періодъ дномъ моря, Восточная Сибирь является страной возвышенной, имѣющей характеръ плоскогорья, ко-

торое окаймлено и пересѣчено многими горными хребтами, мѣстами уступающими мѣсто холмистымъ мѣстностямъ или долинамъ многоводныхъ рѣкъ. Сложенное большей частью изъ горизонтальныхъ пластовъ, это восточно-сибирское плоскогорье принадлежитъ къ древнѣйшимъ частямъ земной суши; оно существовало, несомнѣнно, еще въ первыя эпохи исторіи Земли и, начиная съ палеозойскаго періода, не покрывалось моремъ. Окружающіе его нагорья также весьма древняго происхожденія и возникли въ результатѣ сгладокъ и сбросовъ, послѣдовавшихъ отчасти еще въ допалеозойскую или архейскую эру. Но, кромѣ тектоническихъ, горообразовательныхъ силъ, здѣсь съ глубокой древности принимали участіе въ формированіи земной поверхности и силы вулканическія. По трещинамъ въ земной корѣ подымались лавы и разливались на обширныя пространства, образовавъ, такимъ образомъ, мощные лавовые покровы до 500 и болѣе метровъ толщиной. Мѣстами покровы подверглись впослѣдствіи разрушенію, были болѣе или менѣе размыты, и отъ нихъ сохранились только небольшіе плато или отдѣльныя куполовидныя горныя вершины; встрѣчаются цѣлые хребты, сложенные изъ вулканическихъ породъ и образовавшіеся повидимому изъ изліяній лавъ по трещинамъ. Кое-гдѣ, какъ напримѣръ, на Витимскомъ плоскогорьи, сохранились даже настоящіе вулканическіе конусы, образовавшіеся, вѣроятно, уже въ позднѣйшія геологическія эпохи. Что касается складчатыхъ нагорій, то ихъ строеніе и распредѣленіе указываетъ, что они возникли вслѣдствіе образованія мощныхъ складокъ земной коры, расходившихся отъ древняго плоскогорья на подобіе волнъ во всѣ стороны до Манчжуріи, Монголіи и другихъ окраинъ Сибири включительно, въ томъ числѣ и до сѣверной окраины, прилегающей къ Ледовитому морю. Въ другихъ частяхъ Восточной Сибири, напримѣръ въ Забайкальѣ, тектоническія силы проявили себя преимущественно въ сбросахъ; поверхность была разбита рядомъ параллельныхъ трещинъ, преимущественно въ сѣверо-восточномъ и восточно-сѣверо-восточномъ направленіи, и по этимъ трещинамъ часть лежащихъ между ними полосъ осталась, или даже выдвинулась кверху, образовавъ плосковершинные хребты, а другая опустилась, давъ тѣмъ начало долинамъ или

падямъ. Хотя вообще, въ ея цѣломъ, Восточная Сибирь и не можетъ быть признана горною страною, хотя ея горы не отличаются значительной высотой, вслѣдствіе чего на нихъ и не имѣется вѣчнаго оледенѣнія, нѣтъ такихъ ледниковъ, какъ напримѣръ на вершинахъ Алтая, тѣмъ не менѣе, общее возвышеніе ея надъ уровнемъ моря и многочисленность нагорій, разсѣянныхъ въ различныхъ ея частяхъ, съ вершинами, достигающими 2—3 тысячъ метровъ, а въ Саянахъ даже до $3^1/_2$ тысячъ метровъ, обособляютъ ее явственно отъ низменностей къ западу отъ Енисея, какъ страну нагорій и плоскогорій по преимуществу.

Однимъ изъ самыхъ высокихъ и наиболѣе развѣтвленныхъ нагорій Восточной Сибири являются Саяны, выполняющіе на югѣ все обширное пространство между верховьями Енисея и вытекающей изъ Байкала Ангарой. Отроги этого нагорья расходятся далеко по Енисейской и Иркутской губерніямъ но главная его цѣпь идетъ по границѣ съ Китаемъ, и здѣсь, къ сѣверу отъ озера Косогола возвышается самая высокая ея вершина — Мунку-Сардыкъ (3580 метровъ.) Эта главная восточная цѣпь Саянъ носитъ названіе Ергикъ-таргакъ-тайга; она сложена изъ древнихъ, отчасти кристаллическихъ, отчасти вулканическихъ породъ, и ея скалистыя вершины (гольцы) рѣдко превышающія 2500 метр., обыкновенно не имѣютъ на себѣ вѣчнаго снѣга. Простираніе этой цѣпи — сѣверо-западное, но далѣе къ востоку, по сю и по ту сторону Байкала, идетъ рядъ хребтовъ сѣверо-восточнаго простиранія — Тункинскій и другіе, а по ту сторону озера Хамаръ-Дабанъ, Малханскій, Даурскій, Борщевочный, Нерчинскій и т. д. Нѣкоторые изъ этихъ хребтовъ тянутся далеко на сѣверо-востокъ, и съ ними съ давнихъ поръ соединилось въ географіи представленіе объ одномъ длинномъ извилистомъ хребтѣ, называемомъ въ южной его части Яблоновымъ, а далѣе на сѣверо-востокъ — Становымъ хребтомъ. На самомъ дѣлѣ, однако, такого единаго сплошного хребта здѣсь нѣтъ, а есть только отдѣльные, болѣе короткіе хребты, идущіе отчасти параллельно, отчасти одинъ за однимъ, мѣстами же, какъ напр. около Охотскаго моря, хребетъ образованъ только окраиной плоскогорья (Алданскаго). Къ востоку превышеніе

г. Енисейскъ. Базарная площадь.

Желѣзнодорожный мостъ черезъ р. Енисей.

Разработка рудниковъ на Байкальчикѣ.

хребтовъ надъ плоскогорьями вообще уменьшается, и если въ западной части Забайкалья хребты возвышаются до 800—900 метровъ надъ раздѣляющими ихъ падями, то въ восточной они уже не выше 500—600 м. Притомъ и раздѣляющія ихъ долины здѣсь шире, и страна имѣетъ болѣе степной характеръ, какой, впрочемъ, представляетъ и область къ сѣверу отъ Саянъ, по верхнему Енисею, въ Минусинскомъ краѣ. Самая высокая точка въ Забайкальѣ находится на югѣ, ближе къ китайской границѣ: это гора Сохондо, достигающая 2500 м. высоты. Горы около Байкала (къ В. и З. отъ него) большей частью поросшіе лѣсомъ, не имѣютъ вершинъ болѣе 1500—1600 м., какъ и хребты Забайкалья; послѣдніе обыкновенно покрыты лѣсомъ на сѣверныхъ своихъ склонахъ, тогда какъ на южныхъ большей частью выказываютъ преобладаніе степной растительности. Далѣе къ сѣверо-востоку, хребты Алданскаго плоскогорья — Джугджуръ, Немериканскій, Приморскій — имѣютъ болѣе суровый скалистый видъ, какъ и горы Якутской области и Чукотскаго полуострова. Въ общемъ, характеръ плоскогорья съ разбросанными по нему хребтами Восточная Сибирь удерживаетъ и на сѣверѣ, гдѣ мѣстами горы и плоскогорья обрываются у самаго Ледовитаго моря, и, даже появляются на лежащихъ на далекомъ сѣверѣ Новосибирскихъ островахъ.

II.

Климатъ и почва.

Вост. Сибирь имѣетъ еще болѣе рѣзкій континентальный климатъ, чѣмъ Западная, вслѣдствіе ея большаго удаленія отъ Атлантическаго океана, бо́льшаго выступленія къ сѣверу и огражденія горами съ юго-востока. Лѣтомъ на климатъ Восточной Сибири оказываетъ вліяніе Тихій океанъ съ его краевыми морями; дующій съ него вѣтеръ, юго-восточный муссонъ, приноситъ дожди, особенно обильные, впрочемъ только, въ Приморской и Амурской областяхъ, тогда какъ далѣе, къ сѣверо-западу количество лѣтнихъ осадковъ уменьшается, зимою же устанавливается противоположное и болѣе тихое, сѣверо-западное теченіе воздуха (съ суши къ морю), неблагопріятствующее осадкамъ, а скорѣе — тихой, ясной, холодной погодѣ (антициклонъ). Чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ морозы зимой достигаютъ бо́льшей силы; впрочемъ, на самомъ побережьи Ледовитаго океана они менѣе сильны, чѣмъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него, особенно по среднему теченію р. Яны; здѣсь, во Верхоянскѣ находится центръ хо-

лода Стараго Свѣта, съ морозами въ январѣ, въ среднемъ около — 50°, а въ исключительныхъ случаяхъ до — 67°. Тихая погода позволяетъ, однако, переносить такіе морозы легче, чѣмъ значительно менѣе сильные, но при вѣтрѣ. Замѣчено, что всего сильнѣе охлаждаются зимою, въ горныхъ мѣстностяхъ, долины, гдѣ воздухъ застаивается, тогда какъ выше, на склонахъ и вершинахъ, онъ нѣсколько теплѣе. О континентальности климата Вост. Сибири можно судить по различію между средними температурами самого холоднаго мѣсяца (января) и самого теплаго (іюля). Это различіе достигаетъ, въ среднемъ 45—66°, какъ это видно изъ слѣдующей таблички:

Средняя температура.

	Январь.	Іюль.
Туруханскъ	— 28,2°	+ 15,3°
Якутскъ	— 43,3°	+ 19°
Верхоянскъ	— 50,8°	+ 15,1°

Наибольшія температуры.

	Холодъ.	Жаръ.
Турухонскъ	— 59,6°	+ 32,7
Якутскъ	— 60,6°	+ 38,7
Верхоянскъ	— 67,1°	+ 30,8

Средняя годовая температура.

Туруханскъ	— 8,2°
Якутскъ	— 11°
Верхоянскъ	— 16,9°

Изъ этой таблички видно, что среднія температуры января и года становятся тѣмъ ниже, чѣмъ восточнѣе мѣстность, что холодъ увеличивается по мѣрѣ удаленія на востокъ, но что температура лѣта (іюля) остается почти одинаковой во всѣхъ трехъ указанныхъ мѣстностяхъ и сравнительно бываетъ довольно высокой.

Въ Западной Сибири до Енисея зимой бываютъ довольно рѣзкія колебанія температуры, особенно въ болѣе южныхъ частяхъ, — но въ Вост. Сибири, особенно въ Якутской области, стужа наростаетъ и падаетъ постепенно. Зима здѣсь,

тихое, безвѣтренное, сухое и ясное время; морозъ достигаетъ страшной силы: ртуть замерзаетъ, желѣзо становится хрупкимъ и при ударѣ брызжетъ обломками, какъ стекло; сырое дерево дѣлается твердымъ какъ желѣзо, и только сухое можетъ раскалываться. Иногда съ трескомъ лопаются мощные древесные стволы, а земля разрывается съ громкимъ гуломъ и образуетъ широкія разсѣлины. Небесный сводъ кажется ледянымъ куполомъ — онъ прозрачно блѣденъ, и по цѣлымъ недѣлямъ не бываетъ на немъ ни одного облачка. Звѣзды и луна горятъ особенно ярко; только солнце, тусклое и красное, показывается минутнымъ гостемъ и спѣшитъ спрятаться въ туманы, густые, бѣлые, стелящіеся низко надъ землей. Снѣгъ падаетъ въ видѣ туманно-подобной пыли при ясномъ небѣ.

На восходѣ и закатѣ солнца горятъ чудныя зори, наполняя воздухъ розовымъ свѣтомъ, а надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ спряталось солнце, по цѣлымъ часамъ играютъ пятна разнообразныхъ цвѣтовъ. На самомъ сѣверѣ, за полярнымъ кругомъ, вмѣсто дня вспыхиваетъ слабый багрянецъ на дымчатомъ небосклонѣ. Начиная отъ 60° С. ш., самый короткій день продолжается $5^1/_2$ часовъ; день становится тѣмъ короче, чѣмъ сѣвернѣе мѣсто, такъ какъ ужъ подъ 70° с. ш. въ теченіе 60 сутокъ продолжается ночь, но зато и сплошной день лѣтомъ — 65 сутокъ. Въ сильные холода звукъ каждаго шага слышенъ на большомъ разстояніи, а въ особенно холодныя ночи путнику слышится иногда какой-то непрерывный, слабый шелестъ, который якуты называютъ „шопотомъ звѣздъ“.

О зимней и лѣтней температурахъ болѣе южныхъ частей Восточной Сибири даетъ понятіе слѣдующая таблица средней температуры:

	Годъ	Іюль	Январь
Енисейскъ	— 2,2	+ 20,1	— 25,6
Минусинскъ	+ 0,6	+ 19,7	— 18,6
Иркутскъ	— 0,5	+ 18,1	— 2,1
Нерчинскъ	— 3,8	+ 15,3	— 24,2

Въ Иркутскѣ морозъ бываетъ иногда еще 19 мая, а первые осенніе — 6 сентября. Почти одинакова съ Иркут-

скимъ средняя t^0 января и іюля въ Забайкальѣ, но средняя годовая Читы — 2,7. Такимъ образомъ, средняя январская t^0 Читы ниже, чѣмъ Енисейска, лежащаго гораздо сѣвернѣе. Озеро Байкалъ оказываетъ большое вліяніе на климатъ Забайкалья; лѣтомъ оно дѣйствуетъ охлаждающимъ образомъ вслѣдствіе медленнаго таянія въ немъ зимняго льда, а въ началѣ зимы, пока на немъ не образовалось льда, согрѣвающимъ образомъ. Зимой особенно бываютъ холодны въ Забайкальѣ глубокія долины; въ нихъ стекаетъ холодный воздухъ съ хребтовъ, и въ нихъ нерѣдко бываютъ морозы ниже 40^0. Осень въ Забайкальѣ еще болѣе, чѣмъ въ Иркутской губерніи, отличается тихой и ясной погодой.

Осадки въ Восточной Сибири выпадаютъ гораздо обильнѣе лѣтомъ, чѣмъ зимой, когда снѣга бываетъ вообще мало, хотя совершенно свободны отъ него только 3—4 мѣсяца. Несмотря на то, въ Забайкальѣ зимою бываетъ очень холодно, снѣга выпадаетъ ничтожное количество, особенно въ Читѣ и въ южныхъ степяхъ области. На сѣверѣ снѣга выпадаетъ больше, потому что онъ падаетъ и осенью, въ октябрѣ, и весной въ апрѣлѣ и маѣ, когда тамъ условія для осадковъ болѣе благопріятны. Лѣто въ Восточной Сибири вообще хорошое, съ умѣренными дождями, только въ Забайкальѣ бываетъ болѣе дождей и грозъ, благодаря вліянію юго-восточнаго муссона,

Климатъ Восточной Сибири долженъ быть признанъ очень здоровымъ для человѣка, несмотря на страшные холода зимой. Воздухъ чистъ и сухъ, преобладающая погода ясная и тихая, и зимой, во время страшныхъ холодовъ, вѣтра не бываетъ совсѣмъ. Этими свойствами отличается климатъ Якутской области и особенно Забайкалья, гдѣ грудныхъ больныхъ почти не встрѣчается, и гдѣ санаторіи для чахоточныхъ были бы даже дѣйствительнѣе, чѣмъ въ швейцарскихъ Альпахъ.

III.

Орошеніе.

Восточная Сибирь не менѣе Западной богата рѣками, часто сближающимися своими притоками, что весьма способствовало быстрому ея занятію русскими служилыми людьми въ XVII вѣкѣ. Западную Сибирь, низменную, отдѣляетъ отъ Восточной Енисей, одна изъ величайшихъ рѣкъ Азіатскаго материка (около 4000 верстъ). Онъ начинается въ Монголіи сліяніемъ двухъ рѣкъ, подобно Оби, — Хакема и Бикема, послѣ чего получаетъ названіе Улукема („Большая вода“). Прорвавъ Саяны, монгольская рѣка Улукемъ входитъ въ русскіе предѣлы и становится Енисеемъ (по тунгузски „Іоаннесе“ — „большая вода“), и въ него впадаетъ первая значительная сибирская рѣка, извилистый, быстрый Усъ, по которому весь этотъ пограничный край называется Усинскимъ. Пробиваясь далѣе черезъ отроги Саянъ, Енисей образуетъ грозный по виду и волненію, но не опасный „Большой порогъ“, по которому несется со скоростью 80 верстъ въ часъ. Обнаженныя скалы, вѣковая тайга, шумящія горныя рѣчки даютъ величественную, но дикую, угрюмую картину. Четыре

заимки и одна деревушка — все, что напоминаетъ здѣсь о человѣкѣ. Но южнѣе, въ китайскихъ предѣлахъ, въ Урянхайскомъ краѣ, по Улукему и впадающимъ въ него рѣкамъ, живетъ довольно многочисленное русское населеніе, — до 2000 человѣкъ, въ нѣсколькихъ десяткахъ деревень и заимокъ. Отъ деревни Означенной, въ Минусинскомъ уѣздѣ, Енисей становится мощнымъ потокомъ, въ версту шириной, и направляется на сѣверъ, все болѣе и болѣе расширяясь. Въ предѣлахъ Минусинскаго уѣзда самая значительная рѣка, впадающая въ Енисей, — свѣтло-зеленый Абаканъ (870 верстъ), стекающій съ Алтайскаго нагорья. Послѣ впаденія въ Енисей Ангары (Верхней Тунгуски), Енисей замѣтно расширяется (отъ 2—4 верстъ въ ширину), становится глубже (5—8 саж.), на немъ начинаютъ появляться острова значительныхъ размѣровъ. Нѣкоторые даже считаютъ главной рѣкой Ангару, а Енисей только ея притокомъ. Въ своемъ дальнѣйшемъ теченіи на сѣверъ Енисей то съуживается между „щеками“ — высокими, почти отвѣсными берегами — и тогда становится болѣе быстрымъ и глубокимъ, то расширяется и образуетъ протоки и острова. Опасныя для судоходства мѣста (пороги, каменистые острова, выдающіеся въ рѣку каменистые мысы) встрѣчаются въ среднемъ и нижнемъ теченіи Енисея. Въ низовьяхъ, недалеко отъ устья, ширина Енисея отъ 5—15 в, при глубинѣ 5—23 сажени. Наконецъ, Енисей впадаетъ въ громадную Енисейскую губу. Въ среднемъ теченіи, особенно между Минуссинскомъ и Красноярскомъ, Енисей очень живописенъ: по обоимъ берегамъ то идетъ рядъ какъ бы каменныхъ палатъ, то прямо изъ воды поднимается какъ бы древняя крѣпостная стѣна, сложенная изъ сѣрыхъ плитъ, вершина которой заросла травой и кустарниками. Съ приближеніемъ къ Красноярску Енисей съуживается — течетъ въ „щекахъ“ и въ „трубѣ“. Важнѣйшіе притоки Енисея впадаютъ въ него справа, такъ какъ именно съ правой стороны тянется безконечная возвышенная страна, пересѣченная горными хребтами. Ангара, или Верхняя Тунгуска, представляетъ собою стокъ водъ громаднаго озера Байкала. Быстрыя, поразительно-чистыя, зеленоватыя воды Ангары несутся среди скалъ, иногда отвѣсно падающихъ въ воду, клубятся между порогами

и стремительно мчатся надъ „шиверами“ (каменными мелями). Ангара даже въ декабрѣ не покрывается льдомъ, и надъ ней стоитъ туманъ, такъ какъ ея вода теплѣе окружающаго воздуха. Только рядъ жестокихъ морозовъ въ 35—40° сковываютъ эту буйную рѣку, причемъ ледъ образуется на ея днѣ и поднимается на поверхность. Въ концѣ апрѣля Ангара взламываетъ сковавшій ее ледъ, несетъ его съ неудержимой быстротой и громоздитъ по берегамъ, гдѣ онъ долго таетъ на солнцѣ, когда уже все кругомъ начинаетъ зеленѣть. Пороги (наиболѣе важныхъ 10) начинаются верстъ за 700 отъ истоковъ Ангары и дѣлаютъ пока невозможнымъ правильное пароходное сообщеніе по этой рѣкѣ. Въ нижнемъ теченіи Ангара носитъ также названіе Верхней Тунгуски; Енисей при сліяніи съ ней образуетъ три протока между двумя островами, и долго воды обѣихъ рѣкъ не смѣшиваются и текутъ рядомъ отдѣльными потоками: синеватымъ ангарскимъ и болѣе свѣтлымъ енисейскимъ. Главные притоки Ангары — Ока (800 верстъ) и Уда (1000 верстъ) заключены въ скалистые и лѣсистые берега, впадаютъ въ Верхнюю Тунгуску слѣва и отличаются быстрымъ теченіемъ, какъ и порожистая, съ желтоватой, чистой водой, впадающая въ Енисей Средняя или Подкаменная Тунгуска съ ея притоками. На юго-восточномъ склонѣ Тунгусскаго хребта начинается самый длинный притокъ Енисея — Нижняя Тунгуска (2000 в.); она вьется среди многочисленныхъ горныхъ хребтовъ, покрытыхъ дремучей тайгой и вливается въ Енисей ниже Туруханска.

Вторая громадная рѣка Восточной Сибири, Лена (4300 в.) начинается въ горахъ, около западнаго берега Байкала, и течетъ преимущественно въ сѣверо-восточномъ направленіи, затѣмъ въ сѣверномъ, образуя пологую дугу къ западу. Во многихъ мѣстахъ ея русло стѣснено прибрежными горами, то падающими отвѣсными скалами, то отступающими и дающими возможность развиться широкой долинѣ. Въ дѣйствительности Лена пролагаетъ себѣ путь по широкому и холмистому плоскогорью, и только мѣстами къ ея долинѣ подходятъ хребты. Въ Ледовитый океанъ Лена впадаетъ восьмью главными рукавами, причемъ самый широкій изъ нихъ — Быков-

Озеро Байкалъ.

ская протока — направлена къ юго-востоку. Всѣ эти рукава образуютъ громадную дельту, болѣе ста верстъ въ ширину. Только верхнее теченіе Лены довольно быстро; выступивъ изъ „щекъ“, она становится спокойной, величественной рѣкой, все болѣе и болѣе широкой и глубокой по мѣрѣ принятія притоковъ. Къ сѣверу отъ Якутска до океана пустынные берега Лены дико-прекрасны: сначала падаютъ въ рѣку отвѣсными стѣнами, то поросшими густымъ лѣсомъ, то обнаженными и представляющими собой столбы, пещеры, остроугольныя вершины въ видѣ сахарныхъ головъ изъ пластовъ разноцвѣтнаго песчаника. Подъ сѣвернымъ полярнымъ кругомъ и лѣвый берегъ становится гористымъ и крутымъ, и каменные тиски все сильнѣе и сильнѣе сжимаютъ Лену, особенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ къ ней подходятъ отроги Хараульскаго хребта, и она течетъ прямо къ сѣверу, окаймленная скалистыми, безлѣсными берегами. Мѣстами здѣсь возвышаются громадныя пирамиды, отъ вершины до подножья усыпанныя кусками разсыпавшихся скалъ; мѣстами надъ водой поднимаются отвѣсныя стѣны, то черныя какъ уголь, то бѣлыя какъ снѣгъ, и вершины ихъ уставлены каменными глыбами разной величины и формы. Тамъ, гдѣ Лена выбивается изъ своихъ каменныхъ тисковъ и разбрасывается въ протоки, впадающіе въ Ледовитый океанъ, — почти по срединѣ рѣки, стоитъ высокій каменный „Столбъ“, пустынный, покрытый мшистымъ покровомъ стражъ громадной якутской рѣки. Съ юго-востока и востока въ Лену впадаютъ три важнѣйшіе ея притоки: Витимъ, Олекма и Алданъ. Первыя двѣ рѣки въ верхнемъ теченіи протекаютъ по открытымъ луговымъ долинамъ, а въ среднемъ и нижнемъ прорѣзываютъ горы, покрытыя тайгой; здѣсь онѣ быстры и порожисты. Алданъ (2000 в.) очень быстръ, переполненъ „шиверами“ и подводными камнями. Въ полноводье, когда рѣка течетъ поверхъ всѣхъ этихъ препятствій, она буквально шипитъ отъ бѣшенаго бѣга. Ударяясь объ огромные камни, которыми устлана большая часть ея русла, она вздымается, образуетъ водяные бугры и сильные водовороты. Берега Алдана то скалисты и безлѣсны, то покрыты непроходимой тайгой. Въ Алданѣ справа, съ востока, впадаетъ „сердитая

старуха“ Мая, какъ называютъ ее якуты, стремительная, бѣшеная. Слѣва въ Лену вливается только одинъ большой притокъ — Вилюй, стекающій съ тѣхъ же хребтовъ Вилюйскаго и Тунгузскаго, съ которыхъ берутъ начало Хатанга, Анабара и Оленекъ. Въ верхнемъ теченіи Вилюй извилистъ, быстръ и порожистъ. Въ полную воду онъ судоходенъ на 1100 верстъ (общая длина до 3000 в.) Кромѣ главнѣйшихъ водныхъ артерій Восточной Сибири, Енисея и Лены, еще не менѣе 10 большихъ рѣкъ стекаетъ въ Ледовитый океанъ, рѣкъ второстепенныхъ въ Сибири, но которыя были бы первостепенными, не только въ Западной Европѣ, но и въ Европейской Россіи. Хатанга (около 500 в.), быстрая, каменистая, съ страшными омутами и множествомъ острововъ, протекаетъ среди пустынныхъ горъ и скалъ. Лѣсъ по долинѣ этой рѣки проникаетъ далеко на сѣверъ, почти до береговъ Ледовитаго океана. Между Оленекомъ (до 500 в.) и Хатангой течетъ быстрая, мелководная Анабара (около 900 в.) На востокѣ отъ Лены текутъ въ Ледовитый океанъ Яна, Индигирка и Колыма; онѣ отдѣляются одна отъ другой горными хребтами, среди возвышеннаго, довольно ровнаго плоскогорья, гдѣ образуютъ открытыя долины, иногда въ нѣсколько десятковъ верстъ шириною. Острова часто разбиваютъ эти рѣки на протоки. Берега этихъ рѣкъ обыкновенно высокіе и крутые. Несмотря на свою длину и многоводность, эти второстепенныя рѣки Восточной Сибири не имѣютъ никакого значенія для страны, и берега ихъ почти совершенно безлюдны; онѣ свободны отъ льда всего 3—4 мѣсяца въ году, и впадаютъ въ океанъ, также покрытый льдомъ три четверти года.

Восточно-Сибирскія рѣки, текущія съ юга на сѣверъ, получаютъ весной значительный притокъ воды отъ таянія снѣговъ на обширныхъ пространствахъ полей, лѣсовъ и горъ, и вскрываются обыкновенно ранѣе въ верхнихъ своихъ частяхъ, чѣмъ въ нижнихъ. Поэтому „верховой ледъ“ ихъ, уносясь теченіемъ, задерживается нерѣдко ниже сплошнымъ ледянымъ покровомъ, скопляется и громоздится, разрушая берега, отрывая отъ нихъ глыбы земли, камни, деревья, которые отчасти выбрасываются далѣе на берегъ, отчасти уносятся внизъ къ морю. Берега Ледовитаго моря усѣяны вы-

несеннымъ по рѣкамъ лѣсомъ, отчасти еще въ древнія времена, отчего этотъ выкидной лѣсъ или плавникъ и носитъ иногда названіе „Ноевщины“ или „Адамовщины“.

Кромѣ рѣкъ Вост. Сибирь обильна и озерами. Тазъ и Хатанга вытекаютъ изъ большихъ озеръ. Нѣсколько Норильскихъ озеръ спускаютъ свои воды въ оз. Пясино (180 в. въ окружности), откуда вытекаетъ большая рѣка Пясина (до 1000 в.), къ сѣверо-востоку отъ устьевъ Енисея. Нѣсколькими озерами также пополняется Вилюй. Къ сѣверу количество озеръ возрастаетъ, а между низовьями Колымы и Индигирки „столько ихъ, сколько звѣздъ на небѣ“, какъ говорятъ якуты; рыбаки совершаютъ длинныя путешествія, перетаскивая свои лодки изъ одного озера въ другое. Царемъ сибирскихъ озеръ является Байкалъ, „Святое море“, Далай-норъ бурятъ — отдѣляющій Иркутскую губернію отъ Забайкальской области. Это — огромное, серповидно изогнутое озеро, вытянутое на югѣ въ восточномъ, затѣмъ въ сѣверо-восточномъ направленіи, и имѣющее болѣе 600 в. въ длину при ширинѣ отъ 27 до 85 в. Эта громадная котловина съ значительными углубленіями была образована, очевидно, дѣйствіемъ тектоническихъ силъ въ весьма отдаленныя геологическія времена. Островомъ Ольхономъ и выступающимъ съ противоположнаго берега полуостровомъ Святой Носъ обозначается какъ-бы граница между двумя котловинами озера, изъ коихъ сѣверная нѣсколько мельче. Впрочемъ, и тамъ имѣются глубины до 900 метровъ, постепенно уменьшающіяся къ сѣверу, а около острова Ольхона глубины увеличиваются до 1200 метровъ, въ южной же котловинѣ, между Лиственничнымъ и Мысовскимъ, достигаютъ 1480 метровъ. Вообще, Байкалъ самое глубокое озеро въ Россіи и во всемъ свѣтѣ, хотя по величинѣ площади оно уступаетъ не только Каспію, но и еще четыремъ озерамъ, и почти равняется африканскому озеру Танганьикъ, перевышая слишкомъ вдвое Ладожское озеро. Вода его прѣсная, хотя есть нѣкоторыя основанія предполагать, какъ мы увидимъ далѣе, что Байкалъ находился нѣкогда въ связи съ какимъ-то солоноватымъ бассейномъ. Холодная вода его лишь на поверхности нагрѣвается лѣтомъ до 12—13°, а на глубинѣ имѣетъ не болѣе

3—4°; она свѣтлозеленоватаго цвѣта и очень прозрачна, такъ что мѣстами опущенный бѣлый кругъ теряется изъ глазъ только на глубинѣ 10—12 метровъ (тогда какъ въ большинствѣ нашихъ озеръ прозрачность не превышаетъ 4-хъ метровъ). Берега Байкала, большей частью, крутые, высокіе, скалистые, поросли густыми лѣсами кедровъ, пихтъ, лиственницъ, а голые зубчатые склоны горъ алѣютъ лѣтомъ рододендронами (даурскими розами). Покрытое водорослями каменистое дно кажется лѣсами, погруженными въ зеленоватыя волны таинственнаго озера. Бури, внезапно начинающіяся на Байкалѣ весной и осенью, превращаютъ его въ неизмѣримый котелъ огромныхъ кипящихъ и бушующихъ волнъ. Поэтому не только окрестные инородцы, но и русскіе крестьяне питаютъ къ Байкалу почтеніе и страхъ, какъ къ чему-то мощному и грозному. Воображеніе окрестныхъ тунгусовъ и бурятъ населило злыми, страшными божествами особенно грозныя прибрежныя скалы, живописныя и громадныя, какъ Шаманскій камень. Эта скала возвышается столбомъ въ 30 саженей надъ поверхностью озера, и похожа на огромную человѣческую голову съ саженнымъ носомъ, съ впадинами, напоминающими глаза, а вмѣсто рта, съ разсѣлиной, гдѣ гнѣздятся цѣлыя стаи баклановъ. Это — страшный Діанду, морской богъ, передъ которымъ тунгусы молятся и приносятъ умилостивительныя жертвы. На священномъ байкальскомъ островѣ Ольхонѣ пребываетъ адское божество Бегдази, повелѣвающее душами злыхъ и грѣшниковъ. На Шаманскомъ камнѣ, у самыхъ истоковъ Ангары изъ Байкала, приносятся жертвы „непобѣдимому бѣлому богу“.

Зимой неспокойный, волнующійся Байкалъ долго бываетъ покрытъ туманомъ, потому что его вода тогда теплѣе окружающаго воздуха, и по нему носятся льдины, нагромождающіяся у береговъ цѣлыми непроходимыми горами. Только въ концѣ декабря все озеро окончательно сковывается льдомъ въ полсажени толщиной, и тогда Байкалъ представляетъ безконечную, гладкую ледяную поверхность, надъ которой раскинуто постоянно чистое, синее, безоблачное небо. Зіяющія трещины (полыньи), бороздящія Байкалъ ранней зимой, тогда окончательно затягиваются льдомъ. Съ востока въ Байкалъ

Выкорчевка лѣса въ тайгѣ.

Добываніе масла изъ орѣховъ.

Шаманскій камень на Байкалѣ.

Хамаръ — Дабанъ.

впадаетъ Селенга (1200 в.), проложившая себѣ путь по горнымъ ущельямъ изъ Монголіи, а ея притоки образуютъ рѣчную сѣть, орошающую Забайкалье.

Изъ другихъ озеръ Восточной Сибири слѣдуетъ упомянуть особенно о соляныхъ и горько-соляныхъ озерахъ, которыхъ всего болѣе въ Ачинскомъ и Минус. уѣздахъ Иркутской губерніи. Въ Минус. уѣздѣ имѣются соляныя озера — Тачарское, Бійское и др., горько-соленыя Ширà, Шунетъ и др. Шира („Желтое“) не имѣетъ себѣ равнаго по содержанію сѣрно-кислаго натра. Оно расположено въ здоровой степной мѣстности и ежегодно привлекаетъ множество больныхъ, страдающихъ ревматизмами, параличами и накожными болѣзнями различнаго происхожденія. Озеро Шира не особенно велико: 8 верстъ въ длину, 5 въ ширину и до 12 саженъ глубиной. Сосѣднее озеро Шунетъ — прекрасное грязевое лѣчебное мѣсто. Въ Ачинскомъ уѣздѣ извѣстно горько-соленое, съ сильнымъ сѣрнистымъ запахомъ, озеро Учумъ, по цѣлебной силѣ едва-ли уступающее Шира.

Соляные источники встрѣчаются въ Иркутской губ. и въ Забайкальѣ. Въ Якутской области имѣются сѣрнистыя и желѣзныя воды и особенно много соляныхъ ключей и соляныхъ озеръ. Берега Лены изобилуютъ соляными ключами. На одномъ изъ правыхъ притоковъ средняго теченія Вилюя, рѣкѣ Кампендяй, находится соляной ключъ, способный дать до 100,000 пудовъ соли въ годъ. Зимой ключъ этотъ бьетъ фонтаномъ до $1^1/_2$ сажени вышиной, выбрасывая 25-процентный соляной растворъ; лѣтомъ изъ полученной высохшей массы получается обыкновенная поваренная соль, которую съ установленіемъ саннаго пути, окрестные жители увозятъ въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ пудовъ. Забайкалье чрезвычайно богато сильными минеральными источниками, которыхъ теперь извѣстно около 200. Въ числѣ ихъ есть желѣзные, сѣрные, щелочные, известковые. Вблизи Байкала, въ дикой мѣстности, среди заросшихъ лѣсомъ скалъ, находятся Туркинскіе минеральные ключи, холодные и горячіе, въ количествѣ до 20. Вода самого большаго изъ нихъ (44^0 R) считается очень полезной отъ ревматизма, глистовъ и параличей ревматическаго происхожденія. Заслуженной славой пользу-

ются ключи Баргузинскаго уѣзда Забайкальской области. Каргинскій ключъ такъ горячъ, что въ немъ можно варить мясо. Отъ малокровія и худосочія очень помогаетъ, какъ говорятъ, холодныя Ямаровскія воды въ верховьяхъ Чикоя. Нерчинскій уѣздъ тоже славится своимъ богатствомъ минеральными источниками. Изъ нихъ особенно замѣчательны Дарасунскіе, по количеству углекислаго газа не уступающіе кавказскому Нарзану. Дарасунская вода особенно крѣпка зимой; она шипитъ, искрится и играетъ въ стаканѣ, и ея нельзя выпить сразу больше одного стакана. Вода эта исправляетъ пищевареніе, успокоиваетъ нервы, полезна отъ хроническихъ язвъ и хроническаго ревматизма. Дарасунскіе ключи по содержанію желѣза выше желѣзноводскихъ. Маккавѣевскія воды по цѣлебной силѣ не уступаютъ Дарасунскимъ. Урумскіе ключи, находящіеся въ почти недоступной мѣстности, такъ богаты углекислымъ газомъ, что ихъ вода разрываетъ бутылки и вышибаетъ дно у боченковъ. Но нѣтъ возможности даже перечислить наиболѣе замѣчательные минеральные источники Забайкалья.

IV.

Почвы, растительность и животный міръ.

Хотя Восточная Сибирь гораздо обширнѣе Западной, но удобныя для земледѣлія почвы занимаютъ тамъ гораздо меньшую площадь, чѣмъ къ западу отъ Енисея. Наполненная возвышенностями, состоящими часто изъ скалистыхъ, первозданныхъ породъ, Восточная Сибирь обладаетъ болѣе удобными для земледѣлія почвами лишь въ рѣчныхъ долинахъ и на днищахъ высохшихъ озеръ. Наилучшія почвы во всей Восточной Сибири залегаютъ въ южной части Минусинскаго уѣзда Енисейской губерніи. Черноземъ толщиною отъ 4 до 12 вершковъ находится тамъ на пологихъ склонахъ горъ и на ровныхъ возвышенностяхъ, въ логахъ и южныхъ „падяхъ“ степныхъ холмовъ; въ восточной части уѣзда преобладаетъ такъ называемый здѣсь „сѣрая земля“ (по цвѣту) — суглинокъ съ перегноемъ, самая распространенная почва въ Минусинскомъ уѣздѣ, (или супеси) переходная почва между черноземомъ и боровымъ пескомъ и лѣсной землей, состоящая изъ песка съ небольшимъ количествомъ суглинки или мергеля и перегноя. Черноземъ встрѣчается здѣсь во всѣхъ полосахъ. Чѣмъ ближе къ тайгѣ, тѣмъ черноземъ ста-

новится глубже, и количество перегноя въ немъ увеличивается. Въ Иркутской губерніи черноземъ залегаетъ по долинамъ рр. Уди, Оки и Бѣлой, притоковъ Ангары, доходитъ вплоть до Иркутска и идетъ вверхъ по Ленѣ до Верхоленска и Балаганска. Въ Красноярскомъ и Каинскомъ уѣздахъ Енисейской губерніи, тонкій слой чернозема встрѣчается (въ гористыхъ частяхъ) лишь по склонамъ холмовъ и по гривамъ, а въ равнинныхъ мѣстностяхъ преобладаютъ болѣе обильныя перегноемъ почвы — темносѣрая, зернистая, супесчаная и даже суглинистая, при разной толщинѣ черноземныхъ слоевъ, впрочемъ не превосходящей 12 вершковъ. Въ таежной гористой части Иркутской губерніи и Забайкальской области преобладаютъ связные сѣрые суглинки. По рѣчнымъ долинамъ Забайкальской области распространены на увалахъ суглинки и супески, и гдѣ увалы отложе, тамъ почва мощнѣе (отъ 6—10 вершковъ), рыхлѣе и имѣетъ черную окраску. На возвышенностяхъ между рѣками залегаютъ почвы болотно-растительнаго происхожденія, мало пригодныя не только для пшеницы, но даже и для ржи. По среднему теченію рѣкъ Аргуни и Онона въ Забайкальѣ идутъ сухія возвышенныя степи. Въ Якутской области лучшія почвы (красноватый суглинокъ на пологихъ скатахъ у рѣчныхъ долинъ) отличаются слабосиліемъ и тонкостью питательнаго слоя, такъ какъ перегной здѣсь образуется очень медленно вслѣдствіе очень низкой температуры подпочвы. Вѣчная мерзлота почвы находится въ обратной зависимости отъ глубины снѣжнаго покрова; поэтому въ тѣхъ мѣстностяхъ Восточной Сибири, гдѣ снѣжный покровъ незначителенъ, она продвигается болѣе на югъ: такъ, ея нѣтъ у Туруханска подъ 66^0 сѣверной широты, гдѣ снѣгу зимой выпадаетъ достаточно, но она оказывается въ Забайкальѣ даже подъ 51^0 сѣв. шир. вслѣдствіе крайней малоснѣжности тамошнихъ зимъ.

За полосой тундръ, болѣе широкой въ Восточной Сибири чѣмъ въ Западной, идетъ, какъ и въ этой послѣдней, огромная полоса тайги, также состоящей преимущественно изъ хвойныхъ породъ. Восточно-сибирская тайга еще болѣе непроходима и непривѣтлива, чѣмъ западно-сибирская: она покрываетъ горы съ болотами и „падями“ между ними; по ней

Рыбачье судно на Байкалѣ.

съ трудомъ можно пробираться. Въ этой тайгѣ нѣтъ травяной растительности, и на толстомъ коврѣ изъ засохшей хвои лежатъ только гніющія деревья. Нѣтъ травы, нѣтъ насѣкомыхъ, а потому и птицъ, и только одинъ вѣтеръ шумитъ въ верхушкахъ деревьевъ среди безмолвія тайги. Старыя пихты часто совершенно окутаны сѣдыми прядями бородатаго лишая. Не видно и не слышно птицъ, кромѣ кедровки. Передвигаться по такой тайгѣ очень трудно и по причинѣ „заломовъ“, упавшихъ отъ старости деревьевъ. Таежныя рѣчки прегорожены ими словно порогами. Эти „заломы“ особенно непроходимы тамъ, гдѣ почва болотистая. Въ болѣе сухихъ мѣстахъ тайги пріютилась рябина, а на торфяныхъ болотахъ, гдѣ уже нѣтъ кочекъ, возвышаются кедры и бѣлѣютъ березы. Толстый моховый покровъ при ходьбѣ напоминаетъ трясину. Кромѣ пихты и лиственницы, въ тайгѣ распространены сосна, ель, тополь, осина и береза. На югѣ Енисейской губ. тайгѣ, покрывающей Саянскія горы, предшествуютъ подтаежные лѣса, напоминающіе алтайскіе черневые, да и сама тайга нѣсколько привѣтливѣе и богаче видами растеній, чѣмъ сѣверная. Растительность Саянъ представляетъ вообще значительное сходство съ алтайской: также преобладаютъ пихты и ели, съ горныхъ скатовъ сбѣгаютъ лиственницы, въ свѣтлыя горныя рѣчки смотрятся высокіе кедры съ кудрявыми вершинами, во влажныхъ долинахъ тѣснятся густыя заросли черемухи, шиповника, бѣлой и красной смородины; саянскія травы также достигаютъ громадныхъ размѣровъ: яркіе голубые колокольчики дельфиній поднимаются даже выше бѣлоснѣжныхъ цвѣтовъ „пучекъ“. Алтайскіе луга на Саянахъ начинаются ниже, чѣмъ на Алтаѣ — съ 5000 футовъ. Въ Забайкальѣ вмѣсто однообразныхъ хвойныхъ породъ появляются разнообразныя лиственныя: ильмъ, даурская береза, дикая яблоня, тараножка (родъ смородины). Изъ Монголіи въ Забайкалье перешли разные кустарники, какъ, напр. крушина. Въ общемъ растительность Забайкалья богата и разнообразна (есть даже ревень). Даурская альпійская роза (багульникъ) въ огромномъ количествѣ растетъ въ Забайкальѣ и особенно любитъ сосновые лѣса. На востокѣ и сѣв.-вост. Енисейской и Иркутской губ. и во всей Якутской обл. древесныя породы

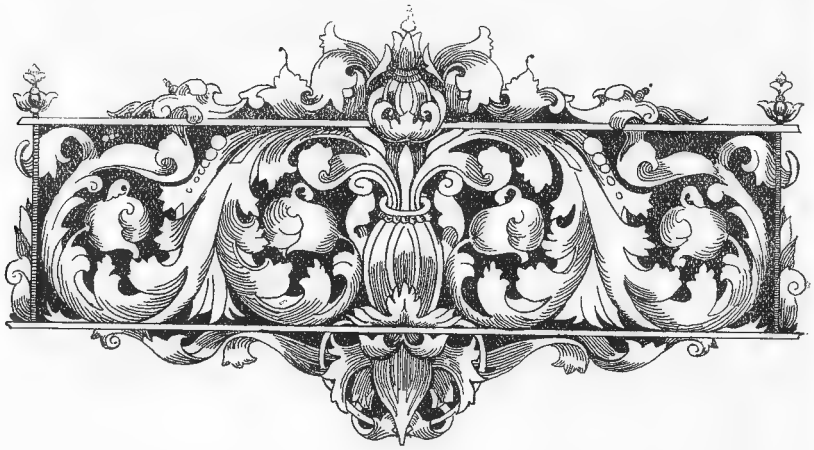
одинаковы съ лѣсной полосой Западной Сибири. Растительность степей Восточной Сибири (въ предгорьяхъ Саянъ) отличается тѣмъ, что нѣкоторыя растенія Алтая, обитающія лишь на высокихъ горныхъ лугахъ, — спускаются здѣсь въ степи, какъ, напр., эдельвейсъ и альпійскій макъ.

Животный міръ Восточной Сибири не представляетъ рѣзкихъ отличій отъ животнаго населенія Западно-сибирской равнины. Тайга также безжизненна, и все ея животное населеніе скучивается на немногихъ, болѣе открытыхъ участкахъ, лѣтомъ особенно на болотахъ, луговинахъ и лѣсныхъ опушкахъ.

Въ Якутской обл. животный міръ становится многочисленнѣе по количеству и выше по качеству (въ промысловомъ смыслѣ); это зависитъ отъ присутствія тамъ гольцовъ и горныхъ хребтовъ, свободныхъ отъ обыкновенной тайги. Въ этихъ мѣстностяхъ соболи и бѣлки отличаются своей пушистостью и своимъ темнымъ цвѣтомъ, что зависитъ отъ ихъ пищи: бѣлки питаются исключительно орѣхами кедроваго сланца, а соболи этими бѣлками. Животныя Саянъ въ общемъ сходны съ алтайскими; животный міръ Забайкалья въ зависимости отъ климата, растительнаго покрова и сосѣдства Монголіи и Маньчжуріи, значительно отличается отъ животнаго населенія сѣверо-восточной Сибири и представляетъ смѣсь видовъ сѣверныхъ съ южными: кромѣ горныхъ животныхъ Алтая и Саянъ (маралъ, или изюбрь, кабарга, сѣноставка и др.), здѣсь встрѣчаются и степныя монгольскія (корсакъ, байбакъ), и маньчжурскія, какъ амурская енотовидная собака, никогда не мѣняющій цвѣта своей шерсти небольшой маньчжурскій заяцъ, и др. Змѣй гораздо больше, чѣмъ въ др. мѣстахъ Сибири и встрѣчаются ядовитыя. Такую же смѣсь представляютъ и птицы: кромѣ таежныхъ (рябчикъ, глухарь и др.), водятся и степныя (горный журавль, голубая сорока и др.).

Животный міръ озера Байкала представляетъ нѣкоторыя своеобразныя черты; это своего рода зоо-палеонтологическій музей. Изъ 33 видовъ байкальскихъ рыбъ 14 чисто-мѣстныхъ. Въ немъ обитаетъ замѣчательная рыба голомянка (два вида), съ головой равной $^1/_3$ тѣла, съ огромными на выкатѣ глазами; она никогда не показывается на поверхности воды

и живетъ на значительной глубинѣ. Извлеченная на берегъ, необычайно жирная голомянка разрывается на части и таетъ на солнцѣ, оставляя костный скелетъ и лужу жира съ небольшимъ количествомъ мяса. Неизвѣстно, гдѣ, когда и какъ мечетъ икру эта загадочная рыба, и ее считаютъ рыбой живородящей. Никто не видѣлъ ни самцовъ этой рыбы, ни ея дѣтенышей. Въ Байкалѣ водится нерпа (видъ тюленя). 90% водящихся въ Байкалѣ моллюсковъ — чисто-прѣсноводные, но тамъ встрѣчаются и нѣкоторые моллюски, свойственные соленоватымъ бассейнамъ, а также рачки-гаммариды (глубоководные, лишенные зрѣнія), нѣкоторые виды червей и одна губка. На основаніи присутствія въ Байкалѣ этихъ морскихъ формъ, нѣкоторые предполагали бывшую нѣкогда связь этого озера съ Ледовитымъ Океаномъ, но вѣроятно, что оно стояло въ связи съ бывшемъ въ Сарматскую эпоху среднеазіатскимъ моремъ, покрывавшемъ Монголію и Кашгарію. Рыбы Вост. Сибири не представляютъ отличій отъ западно-сибирскихъ. Съ Енисея въ рѣкахъ на сѣверѣ появляется очень нѣжный, не выносящій перевозки чиръ. На Ленѣ и дальше на востокъ къ этимъ рыбамъ присоединяется сельдятка или кондевка (изъ семейства лососевыхъ), не имѣющая ничего общаго съ настоящей сельдью.



V.

Населеніе Восточной Сибири.

Относительно древнѣйшихъ обитателей Вост. Сибири извѣстно очень немного. Несомнѣнно, что нынѣшній Минусинскій уѣздъ былъ не только мѣстомъ жительства многочисленнаго и сравнительно-культурнаго населенія, но и какъ бы путемъ, по которому двигались различные народы Восточной Азіи на западъ, на время задерживались тутъ и, въ свою очередь, вытѣснялись новыми народами. Поэтому здѣсь больше памятниковъ глубокой древности, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ Сибири. По всему югу нынѣшней Енисейской губерніи разсѣяны древнія могилы, остатки древнихъ сооруженій, городищъ, земляныхъ валовъ, оросительныхъ каналовъ, каменныя бабы, камни съ надписями, рисунки и надписи на скалахъ; на пашняхъ, въ пескахъ, въ разрабатываемыхъ рудникахъ, въ наносныхъ рѣчныхъ отложеніяхъ попадались и еще открываются древніе бронзовые, золотые, серебряные и каменные предметы. Еще въ VI в. по-

Р. Х. здѣсь обитали хакасы. Въ VIII в. тамъ появляется тюркскій народъ уйгуры, имѣвшій уже письменность. Въ XIII в. тамъ указывается племя, называемое въ китайскихъ источникахъ Ки-ли-нидзе (киргизы). Древнѣйшая культура нынѣшняго Минусинскаго уѣзда имѣла, повидимому, связь съ культурой западной — алтайской и уральской: преобладали мѣдныя и бронзовыя вещи, звѣриный орнаментъ; въ нѣкоторыхъ могилахъ найдены любопытныя гипсовыя, размалеванныя маски. Особенно интересны золотые предметы, находимые въ Минусинскомъ уѣздѣ и относящіеся къ II— III вв. по Р. Хр. Еще менѣе извѣстно о народахъ, обитавшихъ въ нынѣшнихъ губерніяхъ Иркутской, Забайкальѣ и Якутской области. Въ Забайкальѣ жили сѣверные роды Киданей. Въ XVI в. буряты обитали только въ нынѣшней Иркутской губерніи, а въ Забайкальѣ, по Средней и Нижней Тунгускамъ, въ верховьяхъ Вилюя и до самаго Ледовитаго океана кочевали тунгусы. Якуты, передвинувшіеся когда-то съ юга, изъ Забайкалья, занимали только среднее теченіе Лены и все теченіе Алдана. Юкагиры, тогда, повидимому, болѣе многочисленные чѣмъ теперь, жили по Индигиркѣ и Колымѣ, кромѣ нижнихъ теченій этихъ рѣкъ, гдѣ кочевали тунгусы.

Знакомство русскихъ съ Восточной Сибирью, именно съ сѣверной ея частью, началось, повидимому, еще въ XIV в., когда предпріимчивые новгородцы проникали въ землю самоѣдовъ, на р. Тазъ, гдѣ впослѣдствіи былъ основанъ городъ Мангазея (отъ самоѣдскаго племени молгомзаи). По оскудѣніи мѣховыхъ богатствъ на р. Тазѣ промышленники передвинулись на востокъ, на Енисей, гдѣ былъ заложенъ Туруханскъ. Отсюда пошло дальнѣйшее занятіе Вост. Сибири: прямо на востокъ, на рѣки Ленскаго бассейна и вверхъ по Енисею. Послѣ основанія Енисейска (въ 1618 г.) началось занятіе земли бурятъ по Ангарѣ, а оттуда по ея притоку Илиму къ притоку Лены Куту. Послѣ основанія Якутска (1632 г.) русскіе продвинулись дальше на востокъ и къ 1645 г. дошли даже до устьевъ Колымы. Въ концѣ 40-хъ годовъ XVI в. русскіе появились за Байкаломъ и въ 50-хъ годахъ уже заняли все нынѣшнее Забайкалье. Въ настоящее время въ Восточной Сибири обитаетъ всего одна треть всего русскаго

населенія Сибири. Въ Енисейской губерніи инородцы составляютъ лишь незначительную часть всего ея населенія (780.000), въ Иркутской едва-ли одну пятую (всего 505,000), въ Забайкальской одну четвертую (всего 810,000) и только въ Якутской области — 93 % всего ея населенія (260,000). Инородцы преобладаютъ въ Туруханскомъ краѣ, въ уѣздахъ Баргуянскомъ и Селенгинскомъ Забайкальской области и въ Якутскомъ, Верхоянскомъ, Вилюйскомъ и Колымскомъ уѣздахъ Якутской области.

Объ инородцахъ Туруханскаго края подробно говорится въ I т. „Великой Россіи“. Минусинскіе инородцы, раздѣляющіеся на различныя племена — качинцевъ, сагайцевъ, койбаловъ и др., — живутъ по обоимъ берегамъ Абакана и по лѣвому берегу Енисея. Они средняго роста, широкоскулые, съ плоскимъ носомъ, черными, широко разставленными глазами, черными или темнорусыми, прямыми жесткими волосами. Число всѣхъ минусинскихъ инородцевъ доходитъ до 30,000. Самое многочисленное племя изъ нихъ сагайцы, предки которыхъ, по преданію, ходили вмѣстѣ съ киргизами на войну съ Чингизханомъ. Минусинскіе инородцы теперь живутъ въ деревянныхъ срубахъ о 6, 10 и 12 сторонахъ, съ куполообразной крышей, но чаще всего въ обыкновенныхъ избахъ съ плоской земляной двускатной или односкатной крышей. Юрты и избы содержатся крайне неопрятно. Очаги у сагайцевъ и качинцевъ всегда устраиваются по срединѣ юрты, а у черневыхъ татаръ каминъ помѣщается въ углу, направо отъ входа. Перекочевки теперь совершенно прекратились, и сохранился только выгонъ скота на лѣтнія пастбища. Молоко и мясо — любимая пища минусинскихъ инородцевъ. Мясо — или просто вяленое на солнцѣ, или сначала посоленое, а потомъ вяленое. Молоко употребляется въ пищу во всѣхъ видахъ; изъ кислаго молока приготовляется напитокъ айранъ, а изъ него — водка арага. Изъ ячменя или ржи приготовляется уже извѣстный „толканъ“. Чай съ молокомъ и сметаной составляетъ ежедневную пищу каждой семьи. Пища вообще приготовляется очень грязно. Мужская одежда этихъ инородцевъ вполнѣ приближается къ русской. Рубахи, штаны и чулки носятся безсмѣнно, до полнаго изнашиванія. Женщины про-

Минусинскіе инородцы.

Берега р. Лены на сѣверѣ.

Гольцы въ верховьяхъ Ангары.

Байкалъ. Мысъ „Малыи Колокольни“

должаютъ сохранять старинную одежду: длинныя инородческія рубахи, „сикпэны“ — шелковые халаты съ длинными рукавами; они шьются также изъ плиса и шерстяныхъ матерій и расшиваются шелкомъ на плечахъ и по спинѣ. Поверхъ сикпэна замужнія женщины надѣваютъ „шечедекъ“ — безрукавку изъ плиса, иногда всю расшитую по спинѣ цвѣтнымъ узоромъ. На голову женщины надѣваютъ шапки съ четыреугольнымъ верхомъ изъ плиса съ мѣховой опушкой, на пальцы — громадные серебряные перстни съ кораллами, а въ уши вдѣваютъ огромныя серебряныя серьги изъ большихъ проволочныхъ колецъ съ привязанными къ нимъ подвѣсками изъ бусъ и коралловъ. Замужнія заплетаютъ волосы въ 2 косы, дѣвушки — отъ 13 до 20. Приготовленіемъ всей одежды, даже обуви, занимаются женщины. Качинцы и сагайцы живутъ въ улусахъ, осѣдло, занимаются земледѣліемъ; другіе, кромѣ земледѣлія, занимаются и скотоводствомъ. Но земледѣліе вообще развито мало и не составляетъ главнаго занятія, даже у сагайцевъ. Стенныя растенія Абаканской степи, смѣняющія другъ друга съ мая до поздней осени и въ засохшемъ видѣ остающіяся на зиму, позволяютъ мѣстному неприхотливому скоту весь годъ оставаться на подножномъ кормѣ.

Въ административномъ отношеніи минусинскіе инородцы раздѣлены на двѣ управы съ головой, двумя выборными и письмоводителемъ въ каждой. Управскій сходъ состоитъ изъ головы и болѣе зажиточныхъ инородцевъ. Инородцы каждой управы дѣляется на „роды“ (не менѣе 15 семей, не по родству, а по сосѣдству). „Родомъ“ управляютъ староста съ 1—2 помощниками. Родовыя сходы, главнымъ образомъ, занимаются вопросами о раскладкѣ податей и землепользованіи, а судебныя дѣла вѣдаются управскими сходами.

Минусинскіе инородцы почти всѣ крещены, однако не оставили и шаманизма, такъ что православіе у нихъ перемѣшано съ прежними обрядами и понятіями язычества.

Въ горахъ и тайгахъ южной части Нижнеудинск. уѣзда Иркутской губерніи живетъ вымирающее племя бродячихъ оленоводовъ-охотниковъ, карагасовъ (400 человѣкъ въ 94 чумахъ). Карагасы — пропорціонально сложены, небольшого

роста, сухопарые, слабые; по характеру они скромны, безпечны и изумительно лѣнивы. Они почти всѣ курятъ табакъ и очень любятъ крѣпкіе напитки. Живутъ въ коническихъ чумахъ, но всѣ говорятъ по-русски. Главное ихъ богатство — олени: у богатыхъ 40—50, у бѣдныхъ 2—3. Главный промыселъ — соболиный. Всѣ они крещены, но держатся также и шаманства. Вслѣдствіе отсутствія дорогъ („Дорога хорошій — два оленя да собака прошелъ), священникъ посѣщаетъ ихъ очень рѣдко, поэтому браки совершаются у нихъ огуломъ. Подъ развѣсистымъ кедромъ прикрѣпляются доски, на которую ставятся крестъ, горящія свѣчи и пр., и священникъ въ трескучій морозъ, совершаетъ обрядъ вѣнчанія, обводя вереницу изъ 10 и болѣе паръ, какъ хороводъ, вокругъ вѣкового кедра.

Самое многочисленное инородческое племя Восточной Сибири — буряты (до 300.000 чел.) — живутъ въ Иркутской губ. и Забайкальской области. Въ Иркутской губ. ихъ болѣе 12.000 (больше всего въ Балаганскомъ уѣздѣ) остальные въ Забайкальской области (больше всего въ уѣздахъ Верхнеудинскомъ и Баргузинскомъ). Въ городахъ бурятъ живетъ самое ничтожное количество. Въ наружности бурятъ очень ясны монгольскія черты: широкія скулы, узкія глазныя щели, прямые черные волосы, слабое развитіе бороды и усовъ и смугло-желтый цвѣтъ кожи. Но между ними не рѣдко встрѣчаются лица болѣе правильныя и даже привлекательныя. Буряты — народъ общительный, добродушный, веселый. Но это качество бурята обнаруживается только тогда, когда онъ дома, среди своихъ; въ городѣ, среди русскихъ, онъ кажется скрытнымъ и себѣ на умѣ. Буряты отличаются любознательностью; ученики-буряты имѣютъ прекрасныя умственныя способности, сообразительность, не говоря уже о прилежаніи и трудолюбіи. Бурятъ слѣдуетъ признать самыми грамотными изъ всѣхъ инородцевъ не только Восточной, но и всей Сибири. Буряты Иркутской губерніи были въ 1897 г. въ среднемъ менѣе грамотны, чѣмъ ихъ сородичи въ Забайкальѣ; болѣе высокая грамотность послѣднихъ всецѣло зависитъ отъ высокаго сравнительно процента грамотности среди мужчинъ,

тогда какъ женщины-бурятки въ Забайк. обл. являются еще болѣе безграмотными, чѣмъ бурятки Иркутской губерніи.

Болѣе высокій процентъ грамотныхъ женщинъ въ Иркутской губерніи зависитъ отъ большихъ успѣховъ въ этой губерніи православія; бурятки православнаго вѣроисповѣданія дали, какъ въ Иркутской губерніи, такъ и въ Забайкальской области наибольшій процентъ грамотныхъ по сравненію съ бурятками другихъ вѣроисповѣданій. Кромѣ того, иркутскіе буряты болѣе грамотны по-русски и среди нихъ относительно болѣе лицъ, получившихъ образованіе выше начальнаго, чѣмъ у бурятъ забайкальскихъ. Буряты, особенно бѣдные, отличаются замѣчательнымъ гостепріимствомъ. Они очень хорошо относятся къ своимъ женамъ, любятъ дѣтей, родственниковъ и друзей. Главная пища бурятъ „арса“, — очень кислый, полужидкій творогъ, получаемый послѣ перегонки заквашеннаго молока въ слабую водку — „таросунъ“. Перегоняя „таросунъ“ еще нѣсколько разъ, получаютъ еще болѣе крѣпкую водку „арака“. Арсу сливаютъ въ кадки и при употребленіи въ пищу разводятъ водой или молокомъ и кипятятъ, подбавляя муки. Лѣтомъ буряты ѣдятъ и кислое молоко — „курунгу“, изъ котораго дѣлается арса. Свѣжее молоко они предпочитаютъ пить съ чаемъ, чай пьютъ кирпичный, подправляя его мукой, масломъ и солью. Лѣтомъ мясо почти не употребляется въ пищу. Осенью бьютъ быковъ, изрѣдко лошадей. Для заготовленія мяса въ прокъ его рѣжутъ длинными полосами, опускаютъ въ кипящій разсолъ и валятъ на вѣтру. Употребленіе хлѣба все больше и больше распространяется между бурятами, особенно въ Иркутской губерніи, какъ и употребленіе картофеля. Грибовъ и ягодъ буряты не ѣдятъ. Сѣверные буряты живутъ въ восьмиугольныхъ деревянныхъ юртахъ въ сажень вышиной, съ бревенчатой или досчатой кровлей и съ дымовымъ отверстіемъ вверху. Огонь разводится по срединѣ юрты, прямо на землѣ. Въ уѣздахъ Балаганскомъ и Иркутскомъ, а также въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Забайкалья, буряты начали строить себѣ дома по русскому образцу, соединяться въ селенія, ставя дома въ ближайшемъ сосѣдствѣ одинъ отъ другого. Но большая часть бурятъ все еще живетъ небольшими улусами въ 10—15

юртъ, въ которыхъ юрты разбросаны на большомъ пространствѣ и обнесены загородкой изъ жердей. Скотъ, бродящій въ этихъ загородкахъ, всю зиму удобряетъ почву, а весной жители улуса переселяются въ лѣтники и даютъ травѣ расти на удобренныхъ мѣстахъ. Въ концѣ лѣта здѣсь образуется прекрасный сѣнокосъ. Такія мѣста называются „утугами“. Около лѣтниковъ, или утуговъ, буряты устраиваютъ пашни, если позволяетъ почва. Утуги и пашни орошаются нѣсколько разъ въ теченіи лѣта посредствомъ проведенныхъ изъ рѣки канавъ, и буряты пользуются этой водой по очереди. Въ Забайкальѣ, гдѣ воды мало, предпочитаютъ орошать не пашни, а сѣнокосы, такъ какъ для забайкальскихъ бурятъ скотоводство важнѣе земледѣлія.

Шитьемъ одежды и обуви у бурятъ занимаются женщины. Зимняя одежда чаще всего шьется изъ овчинъ, а у бѣдныхъ — изъ шкуръ телятъ и жеребятъ — „дегиль“, — шуба или халатъ, а сверху иногда надѣвается доха. Широкіе и длинные лѣтніе халаты и рубахи дѣлаются изъ бумажныхъ и шерстяныхъ русскихъ матерій, а у богатыхъ изъ шелковыхъ китайскихъ. Въ дождливую погоду почти всѣ носятъ „собу“, суконную шинель съ пелеринкой. Шапки у мужчинъ и женщинъ почти одинаковы: съ острой тульей и расширеннымъ кверху околышемъ, иногда глисовымъ. Зимой носятъ шапки съ наушниками изъ лисьихъ лапокъ. Халаты у мужчинъ и дѣвицъ дѣлаются цѣльные, затягиваются на боку и на правомъ плечѣ и перехватываются на поясницѣ ремнемъ или кушакомъ. Женскіе халаты похожи на юбку и кофту съ разрѣзомъ, сшитыя вмѣстѣ. Сверху надѣвается безрукавка. По вороту, рукавамъ и подолу халаты обшиваются мѣховой опушкой, а иногда прокладываются и яркой шелковой матеріей или плисомъ.

Женщины носятъ двѣ косы, а дѣвушки много. Поверхъ косъ бурятки носятъ неширокую повязку, вышитую жемчугомъ, бусами, кораллами и серебряными бляхами. Шапки и безрукавки обязателны для бурятки. Въ праздники съ головы бурятки виситъ очень затѣйливый уборъ съ серебряными украшеніями, а къ нему сзади привѣшиваются мѣшочки изъ бархата, въ которые вкладываются косы. Къ

Забайкальскіе буряты.

Забайкальскіе буряты.

Нагрудныя украшенія бурятокъ.

Группа бурятскихъ женщинъ.

всему этому прикрѣпляются серебрянныя цѣпочки, развѣшенныя по груди и спинѣ. Мужчины украшаютъ серебромъ шапки и кушаки. Буряты наряжаются только въ праздники и когда идутъ въ гости, а дома они, особенно женщины, одѣваются плохо и вообще нечистоплотны. Буряты раньше были звѣроловами и скотоводами, а земледѣліе появилось между ними не очень давно, лѣтъ 100 тому назадъ. Подъ вліяніемъ примѣра русскихъ сосѣдей, а особенно вслѣдствіе уменьшенія прежняго земельнаго, простора, часть бурятъ быстро переходитъ къ земледѣлію и увеличиваетъ залашки, какъ, напр., буряты нѣкоторыхъ мѣстностей Иркутскаго и Балаганскаго уѣзда, и ихъ земледѣліе уже недалеко отстаетъ теперь отъ русскаго. Въ Балаганскомъ уѣздѣ особенно замѣтенъ переходъ отъ кочевого состоянія къ земледѣльческому. Нѣкоторые улусы совсѣмъ перестали кочевать, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ исчезли и лѣтники. Даже буряты-скотоводы уже не дѣлаютъ теперь большихъ переходовъ. Рыболовствомъ въ обширныхъ размѣрахъ буряты занимаются въ устьяхъ Селенги (кударинскіе буряты) и у береговъ острова Ольхона на Байкалѣ. Изъ ремеслъ среди бурятъ развилось плотничное и кузнечное, и послѣднее особенно ими уважается.

Буряты дѣлятся на нѣсколько родовъ. Раньше буряты управлялись наслѣдственными князьями, или тайшами, и старшинами (шуленги). Въ Забайкальѣ степныя думы изъ родовыхъ старшинъ подъ предсѣдательствомъ тайшей, уже не наслѣдственныхъ, а избранныхъ, замѣнены общекрестьянскими учрежденіями. Въ Иркутской губерніи учреждены инородческія управы, въ родѣ волостей, управляемыя головами. Дѣлопроизводство въ этихъ управахъ ведется на русскомъ языкѣ. Буряты, сохранившіе тайшей, только въ уголовныхъ случаяхъ судятся по русскимъ законамъ, а въ прочихъ — по народнымъ обычаямъ.

Старинной вѣрой бурятъ было шаманство — „черная вѣра“, вѣра въ благодѣтельныя и враждебныя силы природы. Какъ и алтаецъ, первобытный бурятъ привыкъ со страхомъ смотрѣть на вершины горъ, гдѣ скопляются облака и гремитъ громъ, откуда стекаютъ потоки, причиняющіе внезапныя наводненія, привыкъ трепетать при видѣ губитель-

ныхъ байкальскихъ бурь, часто внезапныхъ снѣжныхъ бурановъ, и пришелъ къ твердому убѣжденію, что силы природы — такія же существа, какъ и онъ самъ, чаще всего враждебныя и злыя, но которыхъ можно умолить, заклясть или умилостивить подарками. Но это могутъ дѣлать только люди, знающіе заклинанія, могущіе входить въ общеніе съ этими невидимыми существами, люди сильныхъ умственныхъ способностей, смѣлые и безстрашные. Такими людьми и явились шаманы, посредники между духами и людьми. Особымъ почтеніемъ пользуется у шаманистовъ небо, какъ податель жизни, какъ всеобщій отецъ, за нимъ огонь, столь благодѣтельный въ суровомъ климатѣ. Небо населено для шаманиста особыми высшими духами, тенгріями; кромѣ нихъ еще существуютъ хаты, посредники между тенгріями и людьми, иногда спускающіеся на землю. Духи низшіе, покровители каждаго мѣста — заяны, а каждый родъ, каждая семья имѣетъ особаго покровителя — онгона. Шаманисты дѣлаютъ изображенія этихъ онгоновъ: это или шкурка животнаго — горностая, зайца, хорька, украшенная лентами, или деревянная человѣческая фигура, или кукла изъ лоскутовъ, а чаще всего грубый рисунокъ на доскѣ или на лоскутѣ, сдѣланный красной краской. Онгоновъ-покровителей очень много: для лошадей, коровъ, игръ, промысловъ, особенно кузнечнаго дѣла, различныхъ болѣзней. Имъ приносятъ жертвы водкой и молочными продуктами. Со смертью хозяйна дома всѣхъ онгоновъ сжигаютъ и заводятъ новыхъ. Нѣсколько разъ въ годъ у богатыхъ родовъ, а у бѣдныхъ года въ три разъ, устраиваются общественныя жертвоприношенія и праздники въ извѣстныхъ мѣстахъ, гдѣ находятся „обо“ — куча камней или хвороста, посвященная мѣстному заяну. Эти праздники называются тайлаганами. Жертвоприношенія на тайлаганахъ совершаютъ шаманы. Шаманомъ можетъ сдѣлаться не всякій, а лишь особо одаренный для этого: съ живымъ воображеніемъ, съ склонностью къ галлюцинаціямъ и припадкамъ; поэтому шаманство часто передается по наслѣдству, особенно по женской линіи. Чаще всего шамана приглашаютъ для избавленія отъ болѣзни. Для этого въ юртѣ разводятъ огонь, въ который бросаютъ пихту, верескъ, богородскую

траву, а юрту обрызгиваютъ молокомъ. Бубенъ бурятскіе шаманы употребляютъ рѣдко. Шаманъ надѣваетъ особыя шубу и шапку. Шуба дѣлается изъ замши, обшита бахромой и желѣзными привѣсками, изображающими змѣй. Шапка шамана состоитъ изъ желѣзнаго обода, къ которому прикрѣпляются двѣ желѣзныя же полудуги, перекрещивающіяся на вершинѣ. Въ руки шаманъ беретъ палки, представляющія коней, съ вырѣзанной лошадиной головой на верхнемъ концѣ; посрединѣ палки находится легкій выгибъ, и здѣсь подвѣшены маленькія стремена. Стоя у огня, шаманъ и одѣвающіе его помощники начинаютъ пѣть молитвы; шаманъ раскачивается туловищемъ во всѣ стороны, а ноги его или остаются неподвижно, или онъ дѣлаетъ прыжки, опираясь на свои палки. При этомъ не притворяющійся шаманъ дѣйствительно впадаетъ въ особое состояніе, близкое къ припадку: тогда шаманъ падаетъ на полъ, бьется, изо рта его течетъ пѣна, онъ рычитъ или кричитъ подражая животнымъ. Въ это время, какъ думаютъ буряты-шаманисты, въ шамана или входятъ духи, вслѣдствіе чего онъ можетъ пророчествовать ими, указывать на мѣстонахожденіе какой-нибудь похищенной вещи, или, если шаманство производится для исцѣленія больного, душа самаго шамана оставляетъ тѣло и отправляется выручать душу больного въ жилище умершихъ, царство Эрлена-Хана, передъ которымъ онъ и молится о возвращеніи души больного обратно. При этомъ шаманъ и его помощники поютъ сложенныя на этотъ случай пѣсни или сочиняютъ разсказы, въ которыхъ сообщается, гдѣ находится и что дѣлаетъ въ данное время шаманъ. Шаманы черные призываютъ восточныхъ подземныхъ духовъ (злыхъ), а шаманы бѣлые — свѣтлыхъ западныхъ (добрыхъ). Шамановъ хоронятъ обыкновенно на горахъ и гробъ помѣщаютъ на деревьяхъ. Число бурятовъ-шаманистовъ уменьшается: они становятся или православными или ламаитами, буддистами, такъ что въ Забайкальской области не болѣе 5% всѣхъ бурятъ осталось вѣрными старинному шаманству. Буряты Иркутской губерній преимущественные шаманисты.

Изъ сосѣдней Монголіи къ забайкальскимъ бурятамъ проникъ буддизмъ въ формѣ ламаизма, или сѣвернаго вѣро-

ученія, ведущаго свое начало отъ тибетскаго реформатора Цзонкавы. Основная простота ученія Гаутамы Будды здѣсь осложнилась сложной миѳологіей, массой идоловъ (бутхановъ, хотя имъ приписывается собственно иносказательный смыслъ), множествомъ религіозныхъ службъ, разныхъ суевѣрій и т. д. Настоящее ученіе Будды ламаитамъ почти неизвѣстно, такъ какъ оно изложено большею частью на индійскихъ и тибетскомъ языкахъ. Съ другой стороны, отъ „черной вѣры“, стариннаго шаманизма, въ новую, „желтую“ вѣру перешли такія черты, какъ вѣра во всеобщее распространеніе добрыхъ и злыхъ духовъ, поклоненіе ихъ изображеніямъ и т. п. Каждое растеніе, каждая былинка имѣетъ для ламаитовъ своего духа-покровителя. Изображеніе этихъ божествъ безчисленны и разнообразны; они выливаются изъ мѣди, лѣпятся изъ глины, рисуются на кожѣ, полотнѣ, бумагѣ. Въ жилищѣ каждаго бурята-ламаита прямо противъ входа возвышается домашній алтарь — ящикъ въ родѣ комода съ пестро-разрисованными стѣнками; на немъ находятся „бурханы“, мѣдные, глиняные, картонные, или иконы, нарисованныя на полотнѣ, бумагѣ, а передъ ними — мѣдныя чашечки съ жертвенными приношеніями (водой, масломъ, зерномъ), колокольчики, вазочки, естественные и искусственные цвѣты. Эта вѣра названа ламаизмомъ потому, что ея духовныя лица, ламы, имѣютъ очень большое значеніе въ жизни ламаитовъ. Лама — „добрый другъ“; безъ него невозможно получить спасеніе. Онъ долженъ быть руководителемъ каждаго человѣка, къ нему должно питать постоянное почтеніе, его нужно не только снабжать необходимыми предметами, но не жалѣть для него и самыхъ дорогихъ. Бритые, съ широкимъ и длиннымъ желтымъ платомъ (желтый цвѣтъ — священный цвѣтъ сѣверныхъ буддистовъ, откуда и ламаизмъ названъ „желтой“ вѣрой) на обыкновенной бурятской одеждѣ, перекинутымъ на лѣвое плечо и пропущеннымъ подъ правую руку, — эти ламы населяютъ монастыри, дацаны, гдѣ и совершаютъ служенія 4 раза въ день въ кумирняхъ, наполненныхъ изображеніями боговъ, которыя они въ праздничные дни обносятъ кругомъ дацановъ съ пѣніемъ священныхъ гимновъ. Ламы должны быть безбрачны, соблюдать посты и

Бурятскій дацанъ.

Бурятскій шаманъ

Бурятская юрта.

Окинскій дацанъ.

обучать правиламъ вѣры будущихъ ламъ, молодыхъ людей. Кромѣ того, ламы изучаютъ въ дацанахъ тибетское врачебное искусство, и къ нимъ за помощью обращаются не только буряты, но и русскіе. Въ монастыряхъ полагается извѣстное число штатныхъ ламъ (всего такихъ ламъ 320), но имѣется много нештатныхъ. Главный дацанъ находится на Гусиномъ озерѣ въ Забайкальѣ, около Селенгинска, и тамъ живетъ глава сибирскихъ ламаитовъ — хамбо-лама, утверждаемый русскимъ правительствомъ. Высшимъ духовнымъ главой своимъ ламаиты признаютъ Далай-ламу, но чтятъ также ургинскихъ хутухтъ. Каждая бурятская семья считаетъ своимъ долгомъ, чтобы хотя одинъ изъ ея членовъ принадлежалъ къ числу ламъ, и потому многіе буряты, принявъ обычные обѣты, живутъ дома и занимаются хозяйствомъ. Эти „убаши“, получившіе въ дацанахъ нѣкоторое образованіе, обыкновенно работящіе и скромные люди. Вредными тунеядцами, имѣющими отношеніе къ ламаитскому духовенству, являются бывшіе ученики дацановъ, исключенные оттуда по разнымъ причинамъ, и самозванцы-ламы изъ Урги. Ламаизмъ началъ распространяться среди бурятъ только въ XVIII в. и въ 40-хъ годахъ этого вѣка большинство бурятъ еще оставалось шаманистами.

На огромномъ пространствѣ отъ Енисея къ востоку и отъ сѣверныхъ тундръ до Амура и Охотскаго моря бродитъ довольно многочисленное племя *тунгусовъ* (до 76,000). Тунгусы встрѣчаются не только во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ Восточной Сибири, но и въ Приморской. По внѣшнему виду тунгусы дѣлятся на южныхъ и сѣверныхъ. Южные тунгусы отличаются довольно высокимъ ростомъ и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, имѣютъ довольно прямой, короткій носъ, узкіе, но прорѣзанные почти прямо глаза, большой ротъ, широкія скулы и большія руки и ноги. Цвѣтъ лица очень смуглый. Сѣверные тунгусы, наоборотъ, отличаются ростомъ малымъ, также малыми руками и ногами и гораздо меньшей смуглотой. Волосы у тѣхъ и другихъ черные и прямые, растительность на лицѣ жидкая и короткая, глаза темно-каріе. Уши тунгусовъ отличаются маленькой мочкой. По характеру тунгусы живы, подвижны, беззаботны, даже вѣтрены, отличаются чрезвычайнымъ раду-

шіемъ и гостепріимствомъ. По обычаю, тунгусъ, входя въ незнакомое жилище, беретъ трубку изъ рукъ или даже изо рта хозяина, садится къ огню и послѣ этого ведетъ себя уже очень скромно. Гостю предлагаютъ отвѣдать какой нибудь пищи, въ которой тунгусы очень умѣренны. Взаимное гостепріимство совершенно необходимо для тунгусовъ при ихъ беззаботности и бродячей жизни. Воровство и грабежъ тунгусамъ неизвѣстны.

Въ семействѣ отецъ — глава и полный хозяинъ, но дѣти и жена не находятся въ рабской зависимости отъ него. У женатаго сына отецъ беретъ только половину его заработка. Отношенія отца къ дѣтямъ самыя мягкія. Члены рода всячески помогаютъ своимъ сородичамъ, иногда прокармливаютъ обѣднѣвшія семьи и даже платятъ за нихъ ясакъ. Изъ всѣхъ сибирскихъ инородцевъ тунгусы наиболѣе склонны къ кочеванію, къ переѣздамъ; они ведутъ въ полномъ смыслѣ бродячую жизнь. На зиму тунгусы дѣлаютъ себѣ юрты изъ жердей, поставленныхъ наклонно, съ дымовымъ отверстіемъ наверху. Юрта покрывается оленьими продымленными шкурами, а у бѣдныхъ — рыбьей кожей. Посрединѣ постоянно горитъ костеръ съ чайниками и котелками. По бокамъ устраиваются отдѣленія или пологи, широкіе, продолговатые мѣховые ящики, крѣпко закрытые со всѣхъ четырехъ сторонъ, а съ пятой, обращенной къ огню, снабженные мѣховой занавѣской, которая можетъ подниматься и опускаться. Въ такомъ пологѣ можно только сидѣть или лежать на нѣсколькихъ рядахъ постланныхъ оленьихъ шкуръ, но за то въ немъ такъ тепло, что можно оставаться въ легкой одеждѣ: и въ самыя страшныя пурги туда не проникаетъ холодъ. Въ большой юртѣ бываетъ по 6—8 такихъ пологовъ. Лѣтомъ тунгусъ довольствуется берестяной юртой, которую онъ оставляетъ при переходѣ на другое мѣсто. При входѣ въ юрту всегда лежитъ вязанка дровъ, на жердяхъ сушатся мокрая обувь и одежда, виситъ пузырь съ жиромъ бѣлуги или нерпы, самоелюбимое лакомство тунгуса. Главной пищей тунгуса служитъ вареная или вяленая оленина; кромѣ того употребляетсярыба въ сушеномъ видѣ (юкола) или въ замороженномъ (строганина), мясо и жиръ

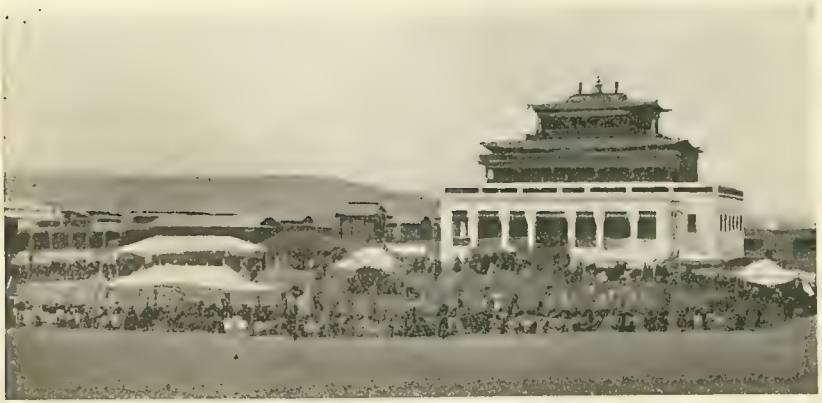
медвѣдя. Изъ вареной рыбы дѣлается порошокъ (порса), который смѣшивается съ топленымъ нерпичьимъ жиромъ. Изъ нерпичьяго жира, рыбьей икры и брусники приготовляется густое тѣсто и замораживается; этимъ лакомствомъ тунгусъ наслаждается послѣ тяжелой охоты или труднаго перехода. Растительной пищи тунгусъ вообще не любитъ, хотя чай во всеобщемъ употребленіи. Широкаго, тяжелаго платья тунгусы не носятъ, да имъ и нельзя обременять себя такой одеждой: ходьба съ горы на гору въ разъединенныхъ глубокими логами лѣсахъ, нерѣдко по глубокому снѣгу, для осмотра поставленныхъ ловушекъ, — все это само по себѣ очень тяжелое дѣло. Даже при 40° морозѣ тунгусъ бродитъ въ горахъ иногда въ лѣтнемъ замшевомъ кафтанѣ. Благодаря такому закаливанію и дѣятельному образу жизни, тунгусы доживаютъ до глубокой старости. Тунгусы носятъ кафтаны съ расходящимися полами, вышитые бисеромъ, крашеной шерстью и ремешками. Расходящіяся полы кафтана дѣлаютъ необходимымъ ношеніе особаго передника, который ремешками завязывается вокругъ шеи и на таліи, а нижнимъ концомъ спускается до колѣнъ. У женщинъ такіе же кафтаны и передники, только вышитые и украшенные съ особеннымъ стараніемъ: на женскомъ нарядѣ висятъ монеты, бусы, китайскія пуговицы. Мужчины и женщины носятъ шаровары изъ мѣха или ровдуги (замши) и торбасы (кожаные, шерстью внутрь, иногда вышитые сапоги). Женщины и дѣвушки заплетаютъ волосы въ двѣ косы и носятъ на головѣ чепецъ, весь вышитый бисеромъ и шелкомъ. Шею обертываютъ особыми ошейниками, иногда изъ цѣлой сотни бѣличьихъ хвостовъ. Тунгуски, живущія въ сосѣдствѣ съ русскими, переняли отъ нихъ юбки, чаще всего краснаго цвѣта, съ широкой, синей коймой и съ разрѣзомъ сзади (для удобства при верховой ѣздѣ). Вообще тунгусы отличаются франтовствомъ, любовью къ пестротѣ, расшитымъ нарядамъ. Тунгуски даже въ уши своихъ любимыхъ оленей продѣваютъ низки, на которыя навѣшиваютъ шелковыя кисти. Веденіе всего хозяйства, даже разборка, перевозка и постановка юрты, снятіе шкуры съ убитаго оленя, — все это составляетъ обязанность женщины. При всемъ этомъ отношенія между мужемъ и женой —

самыя мирныя и дружескія; мужъ никогда не бьетъ ее, въ важныхъ дѣлахъ совѣтуется съ ней. Дѣтей тунгусы любятъ и дѣти очень почтительны къ родителямъ. Но ни одна слеза не показывается изъ глазъ тѣхъ и другихъ при потерѣ любимаго существа: тунгусы вообще не плачутъ.

Хотя тунгусы и отличаются живымъ и впечатлительнымъ умомъ, легко осваиваются со всякимъ дѣломъ, страстные охотники до пляски и пѣсенъ, но они не изобрѣтательны: у нихъ нѣтъ такихъ длинныхъ замысловатыхъ сказокъ и пѣсенъ, какъ у другихъ инородцевъ, дѣти ихъ не устраиваютъ даже несложныхъ игръ, не имѣютъ куколъ и игрушекъ.

Въ лѣтнее время тунгусы занимаются рыбной ловлей; но лишь только выпадаетъ первый снѣгъ, тунгусъ кладетъ въ суму принадлежности охоты, кусокъ жира, чайникъ, нѣсколько юколъ, надѣваетъ лыжи, беретъ ружье и посохъ и надолго пропадаетъ изъ юрты. Цѣлыми недѣлями тунгусъ бродитъ по горнымъ хребтамъ и долинамъ верховьевъ рѣкъ, выслѣживая звѣря, и не зная ни усталости, ни холода, ни голода. Онъ ночуетъ тогда подъ кустомъ или въ снѣгу, спитъ мало, да и то лишь, когда сильная пурга мѣшаетъ охотѣ, еще меньше ѣстъ и пьетъ, проходя въ день 40—80 в. Зрѣніе и чутье тунгуса поразительны. Онъ не собьется съ дороги въ непроглядную пургу или въ густомъ лѣсу, сквозь вѣтви котораго не видно даже клочка неба. Часть тунгусовъ исключительно занимается оленеводствомъ, и олени, на которыхъ тунгусъ переводитъ свое имущество съ одного мѣста на другое, имѣются у каждой семьи. Тунгусы — единственные изъ сибирскихъ инородцевъ, которые ѣздятъ на оленяхъ верхомъ (прочіе всѣ запрягаютъ ихъ въ нармы). Все отношеніе тунгусовъ къ русской власти заключается въ томъ, что весной они собираются на стойбища для внесенія ясака по 1—2 соболей съ юрты. Тунгусы давно уже крещены, но мало знакомы даже съ внѣшней стороной православія. Тунгусамъ родственно также племя *ламутовъ* (до 5000), которые доходятъ въ своихъ кочевкахъ до береговъ Охотскаго моря, а на сѣверѣ — даже до Анадыра. Болѣе южные ламуты по образу жизни напоминаютъ тунгусовъ, а сѣверные — чукчей.

Праздникъ „бѣлаго мѣсяца“ у бурятъ.



Праздникъ „Цамъ“ у бурятъ.

Бурятские типы.

Настоятель буратскаго дацана.

Якуты по численности занимаютъ второе (послѣ бурятъ) мѣсто среди инородцевъ Сибири (до 240,000). За исключеніемъ небольшого количества въ Туруханскомъ краѣ и Приамурской области, якуты преимущественно населяютъ Якутскую область, причемъ почти половина ихъ живетъ между правыми берегами Лены, нижнимъ теченіемъ Алдана и Амгой, лѣвымъ притокомъ послѣдняго. Южная часть этого пространства населена гораздо гуще сѣверной. Якуты пришли сюда, повидимому съ Байкала, откуда въ XIII—XIV вв. они были вытѣснены монголами. Тѣснимые монголами, якуты сами потѣснили тунгусовъ и заняли ихъ мѣста.

Якуты средняго роста, коренастаго сложенія, съ черными, довольно большими, хотя чаще узковатыми, глазами, съ смуглымъ желто-сѣрымъ или бронзовымъ цвѣтомъ кожи, съ черными жесткими и прямыми волосами. Лицо большей частью плосковатое, скуластое, причемъ наиболѣе развита средняя часть лица, хотя носъ лишь умѣренно выдающійся. Якуты какъ и буряты, не вымираютъ, число ихъ увеличивается, и они отличаются продолжительностью жизни. Нигдѣ въ Сибири нѣтъ такъ относительно много стариковъ 60 лѣтъ и больше, и особенно старухъ, какъ среди якутовъ. По переписи 1897 года, въ Якутской области на 269,880 всего населенія оказалось 3759 въ возрастѣ 80—89 лѣтъ, 953 — отъ 90 до 99 и 90 человѣкъ, имѣющихъ отъ 100 до 109 лѣтъ. Силой они не отличаются, но выносливы, и обладаютъ прекраснымъ зрѣніемъ и слухомъ. По характеру якуты веселы, любятъ игры, пляски, сборища и разныя зрѣлища. Когда нужно, они способны переносить голодъ, жажду, упорный трудъ, зато въ обычной жизни отличаются безпечностью, лѣнью, неумѣренностью въ пищѣ и питьѣ. Хотя грамотныхъ между ними очень мало (по переписи 1897 года всего 0,7%), но ихъ умственныя способности можно назвать хорошими; они легко осваиваются съ русской грамотой, которая особенно начала распространяться между ними въ послѣднее время, а имѣютъ склонность къ ремесламъ, рисованію, отличаются торговой предпріимчивостью, часто переходящей въ самое предосудительное кулачество, отъ котораго особенно страдаютъ тунгусы. Обыкновенное жилище якутовъ — юрта

(по якутски — „балаганъ“), небольшое деревянное строеніе съ двускатной невысокой крышей, сдѣланное изъ поставленныхъ наклонно бревенъ. Юрта внутри поддерживается четырьмя столбами по угламъ, освѣщается двумя, тремя или четырмя окнами, лѣтомъ затянутыми бычачьимъ пузыремъ, а зимой заставленными льдинами (теперь чаще со стекломъ). Крыша по большей части завалена землей. Снаружи юрта зимою обмазывается коровьимъ каломъ и глиной, чѣмъ занимаются женщины, набрасывая лопатами коровій калъ на наружныя стѣны юрты. Внутри кругомъ юрты идутъ нары; ея лѣвая сторона назначается для женщинъ, правая — для мужчинъ. Надъ юртой возвышается, нѣсколько наклонно, широкая труба камина, изъ которой по вечерамъ вылѣтаютъ цѣлые снопы искръ, какъ изъ пароходной трубы. Эта труба, сдѣланная изъ жердей, обмазанныхъ съ внутренней стороны глиной, поднимается съ низкаго квадратнаго шестка изъ толстыхъ бревенъ, плотно набитаго глиной; съ одной стороны ея сдѣлана выемка, довольно высокая и узкая, какъ бы въ видѣ чела печки; на этотъ шестокъ стоймя кладутся дрова и зажигаются. У правой передней нары, подъ образами находится столъ. Рядомъ съ юртой ставится хотонъ — хлѣвъ для скота. Юрта помѣщается въ одномъ изъ концовъ просторнаго двора. Полъ юрты глиняный, у богатыхъ, въ видѣ рѣдкаго исключенія, досчатый. Въ жилищахъ бѣдныхъ якутовъ (такихъ, конечно, громадное большинство) вѣчно стоитъ невыносимый запахъ: они никогда не стираютъ бѣлья („оно отъ этого только рвется“, какъ говорятъ они), ихъ одежда пропитана запахомъ испорченнаго рыбьяго жира и дичи. Якуты вообще любятъ сильные запахи, напр. запахъ лодана, корболовой струи. Какъ особенность можно отмѣтить, что они любятъ запахъ тѣла близкихъ, дорогихъ имъ лицъ: мать нюхаетъ дѣтей, отецъ сына, мужъ жену. Нюханье, какъ ласка, замѣняетъ поцѣлуй. Рѣже юртъ встрѣчаются „урасы“ или „ураги“, покрытое берестой или дерномъ, строеніе въ видѣ колпака, остовъ котораго сдѣланъ изъ жердей. Посрединѣ — дымовое отверстіе. Лѣтомъ среди зелени бѣлая берестяная „ураса“ очень красива. Бересты, которой покрывается „урасы“, сначала варятся въ горячей

водѣ и пропитываются березовымъ варомъ; куски эти расшиваются узорами, украшеніями и швами изъ цвѣтнаго конскаго волоса. Длинныя, крайне холодныя зимы, продолжительныя отдаленныя поѣздки заставляютъ якутовъ очень заботиться о томъ, чтобы одежда хорошо защищала ихъ отъ страшнаго холода. Поэтому якуты надѣваютъ на голыя ноги чулки изъ бѣличьей или телячьей кожи, на нихъ мелкія туфельки изъ того-же мѣха, а поверхъ „саары или „торбаса“ (длинные мѣховые сапоги), въ которые всегда кладется подстилка изъ сухой травы. Наколѣнники подбитыхъ мѣхомъ штановъ засовываются за голеница сапогъ, и на нихъ надѣваютъ мѣховые поколѣнники, „ллуко-сутуро“. Эти сутуро стягиваются крѣпко подъ колѣнями, а вверху, охватывая бедро, прикрѣпляются къ штанамъ мѣдными кольцами. Они не пропускаютъ ни снѣга, ни дождя, ни вѣтра до нижняго платья, о которомъ якуты заботятся, чтобы оно оставалось всегда сухимъ. Сверху надѣваютъ „сокъ“ — однобортный кафтанъ, съ отложнымъ воротникомъ, доходящій до колѣнъ, книзу все болѣе и болѣе расширяющійся отъ клиновидныхъ вставокъ. Сокъ подбивается заячьимъ или лисьимъ мѣхомъ у богатыхъ, а у бѣдныхъ — телячьей или конской шкурой, выдѣланной, но не лишенной шерсти. Сверху, главнымъ образомъ на сѣверѣ, якуты надѣваютъ куклянки, дохи изъ оленьей шкуры. „Сокъ“ все болѣе и болѣе выходитъ изъ употребленія. На голову надѣваютъ шапки, остроконечныя или круглыя, но всегда съ наушниками и широкой мѣховой каймой, сдѣланныя изъ двойнаго ряда мѣха. Шею якуты обертываютъ сверхъ платья особымъ ошейникомъ изъ бѣличьихъ хвостовъ, въ которой они прячутъ подбородокъ, ротъ, щеки, часть носа и дышатъ черезъ мѣхъ его, такимъ образомъ нѣсколько умѣряя холодъ взыхаемаго воздуха. Теперь эти мѣховые ошейники часто замѣняются шарфами и шалями. Руки якутовъ прячутся въ руковицы съ однимъ пальцемъ. На глаза они надѣваютъ волосяныя очки въ родѣ полоски волосянаго кружева для защиты глазъ отъ очень яркаго блеска снѣга въ весенніе мѣсяцы (мартъ и апрѣль). Въ такой одеждѣ якутъ долго можетъ свободно переносить самые жестокіе морозы. Нарядной одеждой у якутовъ считается „сангыяхъ“ — родъ шубы,

доходящей до ногъ, съ небольшимъ стоячимъ воротникомъ. Сангыяхи оторачиваются какимъ-нибудь дорогимъ мѣхомъ или даже цѣликомъ шьются изъ такого мѣха, съ боковъ и на спинѣ вышиваются шелкомъ, дорогимъ мѣхомъ, серебромъ и бисеромъ, такъ что стоятъ иногда отъ 200 до 1000 руб. и передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе. Отъ русскихъ якуты заимствовали рубахи, которыя носятъ почти всѣ, жилеты, галстухи и т. п. Портняжествомъ у нихъ занимаются женщины.

Въ далекую старину кумысъ и лошадиное мясо составляли почти исключительно пищу якутовъ, а теперь ихъ главная пища „соротъ“, особымъ образомъ приготовленное кислое коровье молоко. Изъ стараго, постоявшаго „сораза“ якуты приготовляютъ главное свое блюдо, „бутугасъ“ — жидкую похлебку изъ простой воды съ небольшой примѣсью муки, ягодъ или съѣдобныхъ корней. Коровье масло якуты очень любятъ, считаютъ лакомствомъ, ѣдятъ твердымъ, употребляютъ въ чаѣ, пьютъ въ растопленномъ видѣ. Якуты въ состояніи выпить его безъ передышки до $^1/_2$ фунта, а съ остановками до $2^1/_2$ фунтовъ. Растопленное масло послѣ продолжительнаго пребыванія на страшномъ холодѣ во время пути — напитокъ далеко не противный и очень полезный: оно быстро согрѣваетъ, возстановляетъ силы и бодрость. Большинство сѣверныхъ якутовъ еще не умѣетъ приготовлять настоящаго русскаго, топленаго масла, а довольствуются „хаяхомъ“, приготовленнымъ изъ подогрѣтыхъ, сбитыхъ мутовкой сливокъ, бѣлымъ, жирнымъ и густымъ веществомъ, изъ котораго еще не выдѣлились частицы масла. Изъ масла, воды и муки приготовляется „саламатъ“, свадебное угощеніе, пища богатыхъ людей, больныхъ и родильницъ: влажную ячменную или ржаную муку кладутъ въ котелъ, подогрѣваютъ или даже поджариваютъ на слабомъ огнѣ, подливая постоянно воды и помѣшивая; въ концѣ вмѣсто воды подливаютъ масла до полнаго насыщенія. За молочной пищей у якутовъ слѣдуетъ растительная — сосновая заболонь, которую теперь все болѣе и болѣе вытѣсняетъ мука, особенно на югѣ. Изъ муки якуты дѣлаютъ похлебку и прѣсныя лепешки. Ѣдятъ они также съѣдобные корни, стебли и листья нѣкоторыхъ дикихъ растеній и ягоды (кромѣ малины). На сѣверѣ якуты употребляютъ въ

Тунгусы съ р. Сыма

Семейскіе въ Забайкалѣ.

Семья тунгусовъ.

Тунгусы въ верховьяхъ Верней Ангары.

пищу копченую, вяленую и квашеную рыбу. Скотскаго мяса якуты ѣдятъ много и въ самомъ простомъ видѣ: варятъ его въ водѣ безъ соли и всякихъ приправъ или жарятъ на сковородѣ, подливая воды. Чай, преимущественно кирпичный, пьется якутами въ огромныхъ количествахъ. Соль и хлѣбъ на югѣ входятъ во всеобщее употребленіе.

Рогатый скотъ въ настоящее время составляетъ главное богатство и основу жизни якутовъ (скотоводствомъ занимается до 85 % всѣхъ якутовъ). Раньше якуты были исключительно коневоды. Въ связи съ возрастаніемъ ихъ стадъ рогатаго скота, у якутовъ весьма важнымъ занятіемъ оказалось сѣнокошеніе, и потому два сѣнокосныхъ лѣтнихъ мѣсяца — самая горячая пора для населенія, такъ что въ неутомимыхъ косцахъ трудно тогда узнать прежнихъ лѣнтяевъ: въ теченіе 50 дней имъ нужно сдѣлать годовые запасы. Земледѣліемъ занимаются не болѣе 5 % якутовъ на югѣ области и сѣютъ не только ячмень и яровую рожь, но и пшеницу. Рыболовствомъ и охотой занимаются не болѣе 6 % населенія.

Изъ дерева, кожи, мѣха и волоса якуты приготовляютъ разные предметы своего домашняго обихода: изъ лиственницы и березы — мебель, лодки, нарты, изъ бересты — посуду для молока, изъ коровьей и конской кожи — обувь, платье, дорожную посуду для кумыса („симиръ“), изъ конскаго волоса — сѣти, невода, веревки. Хорошіе плотники, якуты не умѣютъ приготовлять глиняныя издѣлія, не умѣютъ промывать глину, не знаютъ горшечной глазури. Изъ металловъ якутамъ извѣстнѣе желѣзо, которое они сами добываютъ изъ руды, такъ что производство разныхъ предметовъ изъ желѣза сдѣлалось у нихъ особымъ кустарнымъ промысломъ (охотничьи копья, ножи, лемехи и т. п.). Они дѣлаютъ также предметы изъ мѣди и серебра; послѣднее у нихъ содержитъ не болѣе 50 % чистаго металла. Все, что дѣлается при помощи топора и ножа, приготовляютъ мужчины, все, что сшивается, сплетается или лѣпится — дѣло женщинъ или стариковъ, которые также могутъ и выдѣлывать кожи. Всѣми этими работами якуты занимаются въ длинные зимніе вечера. Въ текущемъ году въ Якутскую область вернулись изъ Москвы четверо якутовъ и якутокъ, научившіяся лучшимъ

пріемамъ выдѣлки кожъ и выработки разныхъ поддѣлокъ изъ мамонтовой кости.

Родовой бытъ не окончательно исчезъ у якутовъ. Семьи, имѣющія общаго родоначальника, составляютъ родъ, управляемый родовымъ старостой. Нѣсколько родовъ образуютъ поселокъ, а нѣсколько поселковъ — улусъ съ нѣсколькими выборными головами, писаремъ и его помощникомъ. Поселки и улусы (первыхъ въ области 230, послѣднихъ 18) разбросаны такъ, что поселки, принадлежащіе къ одному улусу, находятся въ предѣлахъ другого. Для уплаты податей якуты дѣлятся на 3 класса, смотря по количеству сѣнокосныхъ паевъ, и уплачиваютъ за пай отъ 3 до 25 руб. Ихъ натуральныя повинности состоятъ въ гоньбѣ между почтовыми станціями, постройкѣ и починкѣ мостовъ, общественныхъ исправленіяхъ дорогъ и т. п.

Глава якутской семьи — полный и неограниченный ея властелинъ; въ его присутствіи домочадцы разговариваютъ полушопотомъ, при немъ не допускаются шумъ, игры и смѣхъ. Но престарѣлыхъ родителей, которые уже не могутъ внушить страхъ, якуты не уважаютъ. Женщина въ якутской семьѣ не имѣетъ никакихъ правъ, на нее смотрятъ только, какъ на работницу. Дѣвушекъ выдаютъ замужъ безъ ихъ согласія, за калымъ до нѣсколькихъ сотъ рублей, хотя этотъ обычай теперь уже выводится.

Якуты всѣ крещены, носятъ христіанскія имена и русскія фамиліи, имѣютъ въ своихъ жилищахъ иконы, передъ которыми зажигаютъ свѣчи и молятся, но въ то же самое время не оставили своихъ прежнихъ вѣрованій. Якуты по прежнему вѣрятъ „въ душу каждаго предмета“: каждое дерево, ножъ, камень, топоръ имѣютъ свою душу. На горныхъ перевалахъ, на рѣчныхъ берегахъ, около утесовъ проѣзжающіе тутъ якуты по прежнему оставляютъ приношенія обитающимъ тамъ духамъ: чай, табакъ, соль, монеты, ситцевые лоскутья и т. п. Для лѣченія больныхъ по прежнему приглашаютъ шамановъ.

Вліяніе русскихъ на инородцевъ Восточной Сибири далеко нельзя признать благопріятнымъ. Вымираніе замѣтно среди енисейскихъ остяковъ, тунгусовъ, ламутовъ, орочонъ, кара-

гасовъ и, повидимому, минусинскихъ инородцевъ. Только буряты и якуты не вымираютъ, и число ихъ увеличивается. Вымираніе бурятъ замѣчается только на байкальскомъ островѣ Ольхонѣ. Отъ русскихъ буряты усвоили много полезнаго, особенно буряты Балаганскаго и Иркутскаго уѣзда Иркутской губ.: они стали заниматься земледѣліемъ въ обширныхъ размѣрахъ, юрты въ улусахъ располагаются улицами, въ зимникахъ завели русскія печи, ихъ жилища, питаніе, одежда вообще значительно улучшились, въ обиходѣ появились вилки, ложки, стаканы, даже полотенца, пища стала приготовляться чище, дома сдѣлались опрятнѣе, обычай калыма почти исчезъ, русская грамотность распространилась замѣтно; немало бурятъ учится въ среднихъ и даже высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но отъ русскихъ промышленниковъ и торговцевъ буряты переняли и много дурныхъ качествъ: пьянство съ азартной игрой въ карты, воровство и обманы всякаго рода, плохое исполненіе словесныхъ обязательствъ, сутяжничество, сокращеніе взаимной помощи и гостепріимства. Якуты подъ вліяніемъ русскихъ развили у себя довольно обширное земледѣліе, стали заниматься сѣнокошеніемъ, переняли нѣкоторыя части одежды (жилеты и пр.), въ западной части области стали строить избы по русскому образцу. Но отъ сношеній съ торговцами и золотопромышленными рабочими пригородные якуты пріобрѣли лживость и даже вороватость. Крещеные инородцы не выполняютъ аккуратно даже такихъ требъ, какъ крещеніе, бракъ и погребеніе, не говоря уже о постахъ и т. п. Забайкальскіе буряты, принявшіе православіе, въ самое послѣднее время во множествѣ вернулись къ своей прежней вѣрѣ — ламаизму.

Русское населеніе Вост. Сибири по своему происхожденію, внутреннымъ качествамъ, наружному виду и хозяйственному быту не отличается ничѣмъ особеннымъ отъ западно-сибирскаго, но нѣкоторые оттѣнки все-таки болѣе свойственны восточно-сибирскому крестьянину. Въ Вост. Сибири замѣтно преобладаютъ брюнеты, въ характерѣ населенія больше самостоятельности и стойкости, старинный бытовой укладъ сохранился мѣстами лучше. Отъ смѣшанныхъ браковъ съ инородцами многіе русскіе Вост. Сибири приняли до нѣкоторой

степени инородческое обличье — въ Туруханскомъ краѣ, въ Минусинскомъ уѣздѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Ирк. губ. и Забайкальской области и особенно въ Якутской области. Отъ смѣшенія русскихъ съ бурятами получается потомство смуглое, черноволосое и черноглазое, иногда съ довольно правильными и пріятными чертами лица, но чаще скуластое и узкоглазое; эти русскіе извѣстны подъ именемъ карымовъ и карымокъ. Русскіе крестьяне по Ленѣ и впадающимъ въ нее притокамъ сильно объякутились по внѣшнему виду, прекрасно говорятъ по-якутски и плохо по-русски. Въ Верхоянскѣ и Вилюйскѣ русскіе казаки и мѣщане роднымъ языкомъ считаютъ якутскій, а нѣкоторые изъ нихъ и совсѣмъ не говорятъ по-русски. Въ такихъ отдаленныхъ мѣстностяхъ какъ Колымскій край, русскіе представляютъ очень печальную картину вырожденія: средняго или малаго роста, съ головой, похожей на якутскую, косымъ разрѣзомъ глазъ, выдающимися скулами, большой нижней челюстью, почти безъ всякой растительности на лицѣ. Умственныя способности колымскихъ русскихъ очень ограничены. Научиться грамотѣ они могутъ только съ большимъ трудомъ. По-русски говорятъ плохо, обращаются къ шаманамъ, почти совсѣмъ незнакомы съ православной вѣрой, преисполнены всевозможныхъ суевѣрій. Многіе заражены венерической болѣзнью. Языкъ колымчанъ переполненъ инородческими словами и страшно испорченъ. Но у нихъ сохранились старинныя русскія пѣсни, которыя когда-то распѣвали ихъ предки, впервые появившіеся на берегахъ суровой Колымы; въ этихъ пѣсняхъ говорится объ огородѣ, яблонѣ, вишнѣ, малинѣ и т. п., о чемъ колымчане никогда и не слыхали. Пѣсни эти они поютъ теперь, на половину не понимая ихъ смысла. Ихъ единственное занятіе — рыболовство, и въ нерѣдкіе теперь годы неулова они страдаютъ отъ голода.

Но въ восточной половинѣ Сибири, какъ и въ западной, сохранились и особенно чистые представители великорусскаго племени — т. н. „семейскіе“ въ Забайкальѣ, въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ, по рѣкѣ Чикою и въ другихъ мѣстахъ. „Семейскіе“ — потомки тѣхъ старообрядцевъ, которые въ 1764 г., при Екатеринѣ II, были переселены въ Забай-

калье изъ присоединенныхъ польскихъ областей, куда они бѣжали отъ преслѣдованія за вѣру послѣ разоренія соловецкихъ скитовъ. Они были переселены и водворены цѣлыми семьями, отчего православные ихъ сосѣди и стали называть ихъ семейскими. Въ настоящее время ихъ тысячъ до сорока. Это — видный, высокорослый народъ, не смѣшивающійся не только съ бурятами, но и съ сосѣдями — сибиряками; „семейскіе“ отличаются преверженностью къ старообрячеству и съ большимъ недовѣріемъ относятся къ обученію гражданской русской грамотѣ и вообще ко всякимъ новшествамъ.

Переселеніе въ предѣлы Восточной Сибири изъ Европейской Россіи происходило гораздо слабѣе, чѣмъ въ Западную Сибирь. За 14 лѣтъ (1896—1909 г.) въ Енисейскую губ. переселилось 180,000, а въ Иркутскую лишь 54,000 человѣкъ. Въ послѣдніе годы переселенцы появились на Ангарѣ, въ Баргузинскомъ уѣздѣ, въ сѣверныхъ уѣздахъ Иркутской губерніи и даже въ южныхъ уѣздахъ Якутской области. Минусинскій уѣздъ всегда былъ излюбленнымъ мѣстомъ переселенія въ Восточной Сибири, что происходитъ отъ исключительно благопріятныхъ его почвенныхъ и климатическихъ условій. За 1865—1890 г. туда переселилось не менѣе 100,000 человѣкъ. И теперь населеніе этого уѣзда быстро растетъ, благодаря выходцамъ изъ Европейской Россіи, которые все болѣе и болѣе расширяютъ площадь земледѣлія въ этомъ уѣздѣ, расчищая тайгу. Заселяются также земледѣльческіе части уѣздовъ Ачинскаго, Красноярскаго, Канскаго и плодородныя долины рѣкъ Иркутской губерніи, впадающихъ въ Ангару.

IV.

Сельско-хозяйственные промыслы.

Землепользованіе въ Восточной Сибири въ настоящее время во многихъ мѣстностяхъ утратило свой прежній характеръ неограниченной свободы: удобныхъ свободныхъ земель сравнительно немного, а населеніе растетъ. Особенно сократились размѣры землепользованія въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Иркутской губерніи, гдѣ старожилы теперь имѣютъ всего 14—20 десятинъ по душу, и въ Забайкальской области, гдѣ въ трехъ уѣздахъ старожилы располагаютъ отъ $13^1/_2$ до 14 десятинъ. Частнымъ владѣльцамъ въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ принадлежитъ всего 200,000 десятинъ, а въ Нерчинскомъ уѣздѣ Забайкальской области до 900,000 десятинъ находятся въ владѣніи Кабинета Его Величества. Залежная система полеводства является пока преобладающей, и земля подъ паромъ остается гораздо дольше, чѣмъ въ Западной Сибири. Земледѣліе — главнѣйшее занятіе жителей плодородныхъ равнинныхъ мѣстностей Енисейской и Иркутской губерній и Забайкальской области, гдѣ и скучено почти все ихъ русское осѣдлое населеніе. Но посѣвная пло-

Тунгусъ-проводникъ и его семья.

щадь Восточной Сибири далеко уступаетъ Западно-Сибирской, какъ видно изъ свѣдѣній за 1909 годъ:

Енисейская	Иркутская	Забайкальская
461,105 дес.	408,120 дес.	326,007 дес.

Посѣвная площадь пшеницы всюду увеличивается, хотя увеличеніе это незначительно по сравненію съ губерніями Западной Сибири:

Енисейская губернія		Иркутская губернія	
1898 г.	1909 г.	1897 г.	1909 г.
85,5000 д.	134,200 д.	51,600 д.	56,000 д.

Въ Енисейской губерніи болѣе половины всей посѣвной площади приходится на Ачинскій и Минусинскій уѣзды, особенно на послѣдній (210,000 десятинъ). Постоянный притокъ переселенцевъ въ Минусинскій край уже превратилъ его въ „житницу Восточной Сибири“, и въ будущемъ земледѣліе разовьется тамъ до огромныхъ размѣровъ. Въ Туруханскомъ краѣ земледѣліе невозможно вслѣдствіе слишкомъ суроваго климата. Опыты разведенія ячменя и нѣкоторыхъ овощей какъ въ Туруханскомъ краѣ, такъ и въ Верхоянскомъ уѣздѣ Якутской области (въ послѣднемъ подъ 73° сѣверной широты) показали, что хотя, послѣ многихъ трудовъ и заботъ, и получаются кое-какіе злаки и овощи, но никакого промысловаго значенія земледѣліе имѣть здѣсь не можетъ. Но въ южныхъ частяхъ Якутской области, въ Олекминскомъ уѣздѣ, земледѣліе вполнѣ возможно. Площадь посѣва въ области доходитъ до 20,000 десятинъ. При короткомъ, но жаркомъ лѣтѣ срокъ созрѣванія хлѣбовъ въ области короче, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Сибири, для пшеницы 73—86 дней, яровой ржи 77—90, ячменя 69—80. Якутскій сѣменной хлѣбъ могъ бы находить себѣ очень хорошій сбытъ въ Иркутской губерніи и Забайкальской области, гдѣ часто хлѣбъ погибаетъ отъ раннихъ заморозковъ, еще не успѣвъ вызрѣть. Кромѣ Олекминскаго, земледѣліе существуетъ въ Вилюйскомъ и Якутской уѣздахъ. Болѣе половины посѣвовъ въ области принадлежитъ якутамъ.

Главный хлѣбъ — Восточной Сибири — рожь, за ней слѣдуетъ пшеница. Посѣвы послѣдней увеличиваются тамъ,

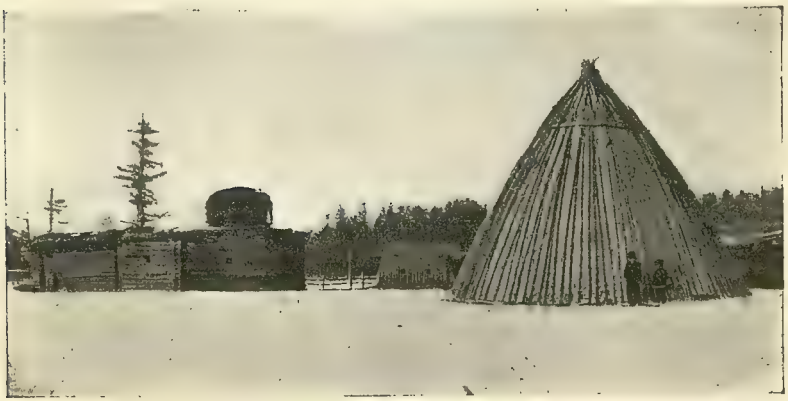
гдѣ облегчается ея сбытъ, т. е. въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ недалеко отъ желѣзной дороги, особенно въ Ачинскомъ и Минусинскомъ уѣздахъ, тѣмъ болѣе, что въ южныхъ частяхъ Минусинскаго края нерѣдокъ сборъ въ 150 пудовъ съ десятины. Земледѣльческія орудія все болѣе и болѣе входятъ въ употребленіе, особенно въ Ачинскомъ и Минусинскомъ уѣздахъ.

Огородныя овощи въ Восточной Сибири тѣ же, что и въ Западной. Лѣтомъ въ Якутской области жаръ такъ великъ, что тамъ хорошо вызрѣваютъ арбузы. Размѣры промысла огородничество приняло около городовъ, въ Иркутской губерніи — въ селѣ Александровскомъ, Балаганскѣ и Киренскѣ, откуда овощи идутъ въ соленомъ и сушеномъ видѣ на золотые пріиски, и особенно въ Минусинскомъ уѣздѣ. Минусинскіе арбузы невелики, но хорошаго вкуса; подъ бахчами до 500 десятинъ. Арбузовъ и дынь ежегодно сплавляется въ Красноярскъ и Енисейскъ отъ 300 до 500,000 пудовъ, а прочихъ овощей до 70 тысячъ пудовъ.

Опыты садоводства въ Восточной Сибири производятся лишь въ Красноярскѣ и особенно въ Минусинскомъ уѣздѣ. Лучше всего къ климату Минусинскаго края („Сибирской Италіи“), съ раннимъ весеннимъ теплomъ и поздними же весенними морозами (часто въ самомъ концѣ мая), губящему листья, молодые побѣги и цвѣты плодовыхъ растеній, — приспособляются сорта яблонь, извѣстныхъ подъ именемъ китайскихъ, и одинъ сортъ грушъ, прививаемый къ мѣстной боркѣ. Здѣсь возможно разведеніе (изъ сѣмянъ) яблонь наиболѣе выносливыхъ сѣверныхъ россійскихъ породъ. Мелкая кислая вишня въ дикомъ видѣ существуетъ въ одной изъ волостей Минусинскаго уѣзда. Но, въ общемъ, климатъ Минусинскаго уѣзда едва-ли благопріятенъ для обширнаго промышленнаго плодоводства.

Табакъ (для собственной надобности крестьянъ) разводится въ Балаганскомъ уѣздѣ, Ачинскомъ и особенно въ Минусинскомъ. Въ двухъ послѣднихъ уѣздахъ подъ табакомъ было всего 92 десятины (1900 г.). Табакъ — низшихъ сортовъ (махорка и „бакунъ“). Изъ техническихъ растеній въ Енисейской губерніи разводится довольно много

г. Иркутскъ. Музей.



Старинная якутская усадьба.

Иркутскъ. Мостъ черезъ р. Ангару.

Иркутскъ. Видъ на соборъ.

льна и конопли, а въ Минусинскомъ уѣздѣ до самаго послѣдняго времени, когда тамъ закрылся единственный въ Сибири сахарный заводъ, разводилась и свекловица (до 200 десятинъ). Свекловица была очень хорошаго качества, и съ десятины ея получилась до 600 пудовъ.

Орѣховый промыселъ развитъ въ Яблоновомъ хребтѣ, особенно въ верховьяхъ Ингоды и Чикоя (въ Забайкальѣ), но болѣе всего въ Минусинскомъ краѣ, гдѣ кедровниками занято не менѣе 400,000 десятинъ. Тайга восточной части Минусинскаго уѣзда и Усинскій край изобилуютъ богатыми кедровниками. Промыселъ производится посредствомъ „барца“ (ударомъ бревна, подвѣшеннаго къ сосѣднему дереву), или извѣстнымъ и въ Западной Сибири — „колотомъ“, „кіемъ“. Сбиваніе шишекъ первымъ способомъ очень вредитъ кедру. Изрѣдка, въ глуши Минусинскаго края, промышленники даже просто спиливаютъ подъ корень кедры, покрытые шишками. Орѣхъ родится не каждый годъ, но, въ среднемъ, его ежегодно собирается не меньше 100,000 пудовъ только въ одномъ Минусинскомъ уѣздѣ. Промышленники продаютъ орѣхи скупщикамъ, которые на плотахъ доставляютъ его къ пароходнымъ пристанямъ. Большая часть минусинскихъ орѣховъ отправляется въ Европейскую Россію.

Какъ и въ Западной Сибири, скотоводство составляетъ первое послѣ земледѣлія занятіе населенія Восточной Сибири, причемъ у бурятъ и якутовъ — наиболѣе богатыхъ въ этомъ отношеніи, количество скота доходитъ до $6^1/_2$ мил., — цифра на 6 мил. меньше, чѣмъ въ Западной, но такъ какъ населеніе Вост. Сибири не достигаетъ и половины Западной, то скотоводство, относительно, въ Восточной Сибири болѣе развито, чѣмъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ. Забайкалье — наиболѣе скотоводческая часть Восточной Сибири (до 3 мил. головъ; за нимъ слѣдуетъ Енисейская губернія (до 2 мил.). Среди скота по количеству на первомъ мѣстѣ стоитъ рогатый; за нимъ слѣдуютъ лошади. Овецъ особенно много въ Забайкальѣ (1,200,000) и въ Енисейской губерніи (722,000). Всюду замѣтно сокращеніе коневодства и умноженіе рогатаго скота. Въ Енисейской губерніи болѣе $^3/_4$ всего ея скота приходится на Минусинскій и Ачинскій уѣзды, причемъ Минусинскій

уѣздъ на цѣлый милліонъ головъ превосходитъ Ачинскій. Въ Минусинскомъ уѣздѣ раскинулась обширная Абаканская степь, самой природой предназначенная для скотоводства. Тамъ быстро растетъ разведеніе рогатаго скота и овецъ; число послѣднихъ за 18 лѣтъ увеличилось на 153%. Въ этихъ уѣздахъ дѣлаются попытки тонкоруннаго овцеводства, для чего изъ южно-русскихъ степей туда уже переведено 400 овецъ, а земли арендовано всего до 50,000 десятинъ, такъ какъ предполагается развести тамъ до 100,000 тонкорунныхъ овецъ.

Качество восточно-сибирскаго скота не выше, чѣмъ въ Западной Сибири: скотъ мелкій, малоудойный, даетъ мало мяса. Болѣе крупенъ скотъ изъ Усинскаго края. Минусинскій скотъ находитъ себѣ значительный сбытъ въ Красноярскѣ и Иркутскѣ. Въ Забайкальѣ особенно благопріятны для скотоводства южныя и юго-восточныя части: грунтъ тамъ твердый, что задерживаетъ растительность въ предѣлахъ, необходимыхъ для хорошаго качества зимняго подножнаго корма; почва солонцеватая съ нерѣдко выступающимъ наружу „гуджиромъ“ (солью); зимой снѣгу тамъ очень немного, что облегчаетъ для скота добывать кормъ, спасаетъ отъ пораненія ногъ о высокую засохшую траву и отъ простуды. Въ такихъ мѣстахъ нѣтъ и насѣкомыхъ („гнуса“), не дающихъ покоя скоту, а потому истощающихъ его. Несмотря на почти не прекращающіеся падежи, эти мѣстности остаются самыми богатыми скотомъ въ Забайкальѣ.

Мараловодство въ Восточной Сибири развито въ южныхъ горныхъ частяхъ — въ Усинскомъ краѣ и въ Забайкальѣ, по Чикою, и Ингодѣ. Въ Усинскомъ краѣ дикихъ мараловъ (изюбрей) уже перестали ловить посредствомъ ямъ, но обыкновенно отправляются на ихъ ловлю артелями изъ четырехъ человѣкъ. Какъ только найденъ слѣдъ марала, два охотника снимаютъ съ себя лишнюю одежду, всѣ припасы и даже оружіе, передаютъ все это двумъ подручнымъ и сами въ „шабурѣ“, въ легкой обуви, съ палкой и арканомъ въ рукахъ, на лыжахъ, отправляются „заганивать“ марала. Во время гона маралъ не долженъ переутомиться: если онъ и не околѣетъ отъ усталости, то можетъ сдѣлаетси хилымъ. Если

приходится имѣть дѣло съ тельной самкой, то требуется особая осторжность, и тогда приходится гнаться 2—3 дня. Какъ только охотники замѣчаютъ, что бѣгъ марала становится неровнымъ, они останавливаются и даютъ ему передохнуть. Къ ночи къ гонщикамъ подходятъ ихъ товарищи, которые несутъ теплую одежду и съѣстные припасы. Раннимъ утромъ охота продолжается, и когда усталый маралъ сдѣлается уже совершенно равнодушенъ къ своей участи, охотники быстро приближаются къ нему и набрасываютъ арканъ. Теперь нужно довести марала до ближайшей дороги или рѣки, куда могли бы подъѣхать сани и принять добычу. Чтобы облегчить движеніе уже обезсилѣвшему маралу, подручные передъ нимъ протаптываютъ снѣгъ. Добравшись до саней, охотники связываютъ марала, кладутъ на сани и осторожно везутъ домой, въ маральникъ. Содержаніе мараловъ стоитъ очень дешево: все лѣто они на подножномъ корму, и только зимою ихъ подкармливаютъ сѣномъ. Недавно пойманныя самки въ Усинскомъ краѣ стоятъ рублей сто, а самцы 200—300, такъ какъ имѣютъ цѣнные рога и потому приносятъ ежегодно 80—150 руб. дохода. Въ Усинскомъ краѣ теперь насчитывается до 2000 одомашненныхъ мараловъ.

Въ Забайкальѣ изюбрей (мараловъ) ловятъ ямами на тропахъ, которыми они обыкновенно пересѣкаютъ горныя „пади“. Ставятся на протяженіи 2—8 верстъ городьбы, прерываемыя въ нѣсколькихъ мѣстахъ; здѣсь роются ямы глубиной въ сажень, въ которыхъ дѣлается срубъ изъ досокъ или жердей; сверху поперекъ, кладутся двѣ тонкихъ перекладинки, на нихъ хворостъ, вѣтки, и наконецъ все засыпается сухими листьями и хвоей. Всего такихъ ямъ въ Забайкальѣ 20 тысячъ съ 2 тыс. верстъ городьбы. Ни для лѣса, ни для самихъ изюбрей эти ямы не приносятъ никакого вреда, а между тѣмъ почти нѣтъ иного средства изловить изюбря: это животное въ высшей степени дико, чутко и осторожно, такъ что даже въ третьемъ поколѣніи изюбри не дѣлаются домашними животными. Не даромъ у звѣровщиковъ объ изюбрѣ существуетъ такой разсказъ: при сотвореніи міра Богъ далъ изюбрю четыре глаза и потому ничто не ускользало отъ его необычайно зоркихъ глазъ. Изюбрь возгордился и началъ хвастать, что ни одинъ звѣров-

щикъ его не настигнетъ (не „скрадетъ“); поэтому Богъ отнялъ у него одну пару глазъ, слѣды отъ которыхъ остались въ видѣ черныхъ пятенъ подъ глазами. По другому разсказу, изюбрь жилъ раньше по 1000 лѣтъ, но теперь все измельчало, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изюбрь. За изюбрями охотятся еще „на солонцахъ“, по „насту“, „ревомъ“, или „трубой“, и съ собаками. „На солонцахъ“ охотятся преимущественно въ Забайкальѣ: на излюбленномъ изюбрями мѣстѣ снимается на аршинъ въ длину, на $^1/_2$ арш. въ ширину дернъ, дѣлаются маленькія ямы, въ которыя и наливается крѣпкій соляной растворъ; ямки эти закрываются, а сверху земля посыпается солью или гуджиромъ. Саженяхъ въ 9 устраивается „сидьба“: яма для охотника съ уступомъ для сидѣнья. Передъ ямой ставятъ двѣ пары маленькихъ козелъ съ жердями, на которыхъ сдѣланы выемки для ружья. Утвержденное такимъ образомъ ружье нацѣливается на верхушку тонкаго прутика, въ который воткнутъ цвѣтокъ; прутикъ втыкается въ землю около самаго солонца такъ, чтобы цѣль какъ разъ соотвѣтствовала ребрамъ изюбря, нагнувшагося полакомиться соленой землей. Хотя изюбри выходятъ на солонцы преимущественно въ очень темныя ночи, но охотнику достаточно услышать шорохъ, чтобы спустить курокъ и положить изюбря на мѣстѣ. Если осторожное животное замѣтитъ, что прутикъ, служащій прицѣломъ не достаточно тонокъ, то не подойдетъ къ солонцу. Въ сентябрѣ, во время течки, изюбрей подманиваютъ на „трубу“ или „ревомъ“. Изъ двухъ продольныхъ половинокъ тонкаго липоваго дерева, склеенныхъ и обмотанныхъ берестой, дѣлается труба въ аршинъ длиной; на болѣе узкомъ концѣ укрѣпляется роговой мундштукъ, въ который и кричатъ втягивая воздухъ въ себя. Другая труба безъ мундштука, въ $^3/_4$ арш. длиной; въ нее кричатъ, подражая реву изюбря. Самецъ изюбрь, услышавъ такой ревъ, откликнется и идетъ на него. Забайкальскіе охотники ловятъ изюбрей при помощи собакъ: онѣ преслѣдуютъ звѣря даже на непреступныя горныя мѣста—„отстои“, гдѣ лѣтомъ изюбри спасаются отъ „гнуса“—круто обрывающіеся утесы, имѣющіе свободный выходъ только съ одной стороны. Прислушиваясь къ протяжному тявканью собакъ, охотникъ добирается до этихъ „отстоевъ“ и убиваетъ

Якутки въ праздничныхъ нарядахъ.

Городскіе якуты — торговцы.

Якутскій рыболовъ.

Якутъ въ зимней одеждѣ.

изюбря. Въ настоящее время мараловодство въ Забайкальѣ пало такъ, что во всѣхъ забайкальскихъ изюбрятникахъ оказывается небольше 120 изюбрей.

Пчеловодство въ Восточной Сибири развито очень слабо, преимущественно въ Ачинскомъ и Минусинскомъ уѣздахъ. Въ обоихъ уѣздахъ до 1200 пасѣкъ и 28,000 ульевъ. Медъ самоточный, центробѣжнаго населеніе почти не знаетъ, воскъ чаще всего получается топленіемъ въ корчагахъ. Въ домашнемъ обиходѣ крестьянъ медъ очень распространенъ и замѣняетъ собой сахаръ. Забайкальское пчеловодство выражается всего нѣсколькими сотнями ульевъ, хотя лѣтніе жары, множество лѣсовъ и дикихъ медоносныхъ растеній должны были бы способствовать его развитію въ Забайкальѣ.

Рыболовство является въ Восточной Сибири важнѣйшимъ занятіемъ населенія нижняго теченія Енисея и Лены, на Ангарѣ, на Байкалѣ, а по Колымѣ даже исключительнымъ. Енисейское и Ленское рыбовство ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ Обского: тѣ же рыболовные „пески“, неводы, тѣ же условія жизни рабочихъ, но еще болѣе тяжелыя. Пески на Енисеѣ, раньше всецѣло принадлежавшія инородцамъ, теперь большею частью отобраны у нихъ и сдаются рыбопромышленникамъ въ аренду, какъ казенно-оброчныя статьи. Въ низовьяхъ Лены инородцы ловятъ рыбу сѣтями, причемъ каждая семья имѣетъ свою отдѣльную сѣть въ 25—30 сажень длины и въ $2^1/_2$ въ ширину. При каждой сѣти имѣется „вѣтка“, легкая лодка изъ осины или плавниковаго лѣса, выбрасываемаго моремъ на берегъ на крайнемъ Сѣверѣ. Лодка имѣетъ двухлопастное весло, которымъ одновременно гребутъ то съ той, то съ другой стороны и правятъ, сидя по срединѣ и сохраняя полное равновѣсіе. Кромѣ того, въ лодкѣ находятся: колотушка, которой „глушатъ“ рыбу ударомъ по головѣ, крючокъ, которымъ ее подхватываютъ, черпакъ для отливанія воды и корзинку изъ прутьевъ для рыбы. Каждый инородецъ можетъ ловить рыбу только на своемъ пескѣ. Забросивъ сѣть въ верхней части песка, инородецъ вмѣстѣ съ ней плыветъ внизъ и зорко смотритъ, не спустился ли въ воду какой нибудь поплавокъ — знакъ, что въ этомъ мѣстѣ запуталась рыба. Тогда онъ мчится къ этому мѣсту, „глу-

шитъ“ рыбу и бросаетъ ее въ корзинку. Въ Ленѣ и другихъ рѣкахъ якуты ловятъ рыбу изъ ямъ, куда она собирается на зимовку (ловля „куюромъ“). Куюръ — небольшая сѣть въ родѣ мѣшка, прикрѣпленная къ обручу. Куюръ привязываютъ къ жерди, продѣтой черезъ положенную на прорубь доску, ворочаютъ имъ по дну ямы и потомъ захватываютъ ее въ куюръ. Осенняя „побойка“ рыбы на Ангарѣ острогой очень трудна и представляетъ много опасностей: бить рыбу приходится въ болѣе мелкихъ и очень быстрыхъ мѣстахъ, гдѣ малѣйшее неосторожное движеніе, всякая непредвидѣнная волна можетъ опрокинуть легкую лодочку.

Ловъ рыбы въ ямахъ („плесахъ“) происходитъ и по Ангарѣ осенью. Цѣлая волость посылаетъ развѣдчика „слушать рыбу“, и по всплескиваніямъ послѣдней въ ямахъ онъ судитъ объ ея количествѣ. Въ назначенный день пустынная рѣка оживляется, взадъ и впередъ снуютъ сотни лодокъ, отыскивая мѣста. Но вотъ удобныя мѣста заняты . . . Глаза всѣхъ обращены на волостного старшину. Онъ подаетъ знакъ — и всѣ лодки наперерывъ одна передъ другой стремятся въ рѣку, поспѣшно выбрасываютъ самоловы и также поспѣшно возвращаются къ берегу. Работа продолжается до темноты, когда старшина подаетъ знакъ къ прекращенію ловли. Наловивъ рыбы въ одной ямѣ, лодки передвигаются къ другой и т. д. Каждое хозяйство выставляетъ столько ловцовъ, сколько можетъ, а вся пойманная рыба принадлежитъ ловцу. На Байкалѣ особенно важенъ для русскаго и инородческаго населенія омулевый промыселъ (5—8 мил. рыбъ), хотя и осетровъ добывается тамъ до 1000 штукъ и до 100,000 пудовъ „соровой“ рыбы (въ прибрежныхъ заливчикахъ) ежегодно. Съ мая по іюнь омуль направляется къ берегамъ Малаго моря (сѣверной часть Байкала), Баргузинскаго, Чевыркульскаго и другихъ заливовъ, гдѣ и происходитъ т. н. „каргинскій“ промыселъ на прибрежныхъ пескахъ при 18-футовой глубинѣ. Движеніе это происходитъ съ юга на сѣверъ, причемъ омуль проходитъ черезъ Ольхонскія ворота. Это такъ называемый селенгинскій омуль, идущій съ сѣвера; ангарскій омуль нерестится осенью. Весь омуль вообще направляется въ концѣ концовъ къ сѣверу, къ рѣкамъ Верхней Ангарѣ и Кичерѣ. На зимовку омуль возвращается

Якутская утварь.

Праздничные наряды якутокъ.

Якуты-звѣропромышленники въ тайгѣ.

въ южную часть Байкала и проводитъ зиму въ ямахъ. Лучшія мѣста для каргинскаго промысла принадлежатъ иркутскому архіерейскому дому и монастырямъ, которые и сдаютъ въ аренду лучшіе участки крупнымъ иркутскимъ рыбопромышленникамъ („корабельщикамъ“) а худшіе — крестьянскимъ артелямъ. Артельное начало особенно привилось въ южной части Малаго моря. Крупные промышленники въ свою очередь группируются въ т. н. „спарки“. Ловля рыбы производится сѣтями и неводами. „Сѣтовымъ“ промысломъ занимаются преимущественно мелкія крестьянскія артели, — ловятъ крупную рыбу сѣтями въ 700—1200 саж. длиною. Между „сѣтовщиками“ и „неводчиками“ существуетъ вражда, и нерѣдко возникаютъ побоища: послѣдніе обвиняютъ первыхъ, что они своими сѣтями, свободно плавающими по водѣ, закутываютъ всю рыбу; но зато сѣти захватываютъ лишь крупную рыбу, оставляя на свободѣ маломѣрную. Промышленники сѣвернаго Байкала особенно недовольны тѣмъ, что рыба вылавливается при ея проходѣ черезъ Ольхинскія ворота, гдѣ въ это время, по ночамъ, скучивается не менѣе 150 лодокъ, т. е., иногда бурятскія артели неводчиковъ остаются безъ рыбы.

Звѣроловство составляетъ важное занятіе русскаго населенія Приангарскаго края, Киренскаго уѣзда Иркутской губерніи, сѣверныхъ уѣздовъ Забайкалья и Усинскаго края. Инородцы Туруханскаго края, тунгусы, ламуты, карагасы и орочены занимаются имъ преимущественно. Промысловыя животныя и пріемы охоты тѣ же, что и въ Западной Сибири. Русскіе звѣропромышленники обыкновенно отправляются на промыселъ цѣлыми артелями, и чѣмъ дальше мѣсто промысла, тѣмъ больше артель (2—4 до 15—20 человѣкъ). Если артель отправляется на промыселъ за нѣсколько сотъ верстъ отъ мѣста жительства, то возвращается обыкновенно со вскрытіемъ рѣкъ въ самодѣльныхъ лодочкахъ (облоскахъ). Промышленникъ беретъ съ собой винтовку, ножъ, топоръ, порохъ и свинецъ, 1—1 $^1/_2$ пуда ржаныхъ сухарей, 5 фунтовъ листового табаку, 10 фунтовъ соли, столько же толченаго ячменя и кирпичъ чаю. Одежда предпочитается короткая — суконные зипуны — для большей свободы движеній. На ноги надѣваютъ онучи изъ холста, на нихъ чулки изъ само-

дѣльнаго сукна, а сверхъ всего ноги обертываются сыромятными кожами, пропитанными дегтемъ. Лыжи и салазки — необходимая принадлежность. Каждая артель строитъ себѣ станъ изъ жердей, крытый берестой. Если охотничьи ухожья находятся недалеко отъ деревни, верстъ за 30—50, какъ въ Приангарьѣ, и каждая артель имѣетъ свое опредѣленное ухожье, то промышленники строятъ тамъ деревянныя избушки съ каменкой т. е. печкой, сбитой изъ глины или сложенной изъ камня. Такія избушки топятся „по-черному“, а потому ихъ стѣны покрыты всегда толстымъ слоемъ сажи. Если промышленники отходятъ далеко отъ своихъ селеній, то имъ приходится вести жизнь очень суровую. Они удаляются отъ стана на нѣсколько дней, даже на нѣсколько недѣль, при чемъ спятъ, зарывшись въ снѣгъ, питаются бѣлками и зайцами, которыхъ ѣдятъ полусырыми, подвергаются опасности отъ медвѣдей, бурановъ, заболѣваютъ цынгой и тифомъ. Нѣкоторые совсѣмъ не возвращаются въ станъ и ихъ уже не ищутъ. Добычу, раздѣленную пополамъ, сбываютъ скупщикамъ, которые стараются дать ей какъ можно меньшую оцѣнку, тѣмъ болѣе, что промышленники у нихъ въ долгу за взятые раньше товары и припасы. Особенно плохо проходится при этомъ промышленникамъ инородцамъ. Скупщики нѣсколько дней спаиваютъ ихъ водкой, потомъ вдругъ прекращаютъ это и объявляютъ инородцамъ свои цѣны, заранѣе сговорившись между собой. Теперь они чаще не угощаютъ водкой, а продаютъ ее. На Ленѣ даже крестьяне звѣроловы находятся въ кабалѣ у мѣстныхъ кулаковъ, становятся покручниками („покрученье“): кулакъ снабжаетъ безъ денегъ нѣсколько крестьянскихъ семей всѣмъ необходимымъ, оцѣнивая товаръ въ 2—3 раза дороже настоящей стоимости, а расчетъ производится въ данномъ случаѣ вычетомъ пая „покручника“ изъ добытой пушнины въ пользу „покручившаго“.

Самый драгоцѣнный промысловой звѣрь Восточной Сибири — соболь — теперь всюду почти вывелся; знаменитыхъ витимскихъ соболей теперь набирается ежегодно всего нѣсколько десятковъ, киренскихъ едва ли сотня; на Ишимѣ, Чикоѣ, Ангарѣ, въ Колымскомъ краѣ, мѣстахъ, раньше славившихся изобиліемъ соболей, они почти окончательно ис-

чезли. Во всей Сибири и Приамурьи въ 1910 г. упромышлено небольше 23,000 соболей. Причины этого тѣ же что и въ Западной Сибири: увеличеніе числа охотниковъ, охота въ то время, когда самки еше не разрѣшились отъ бремени, отсутствіе мѣстъ, куда соболь могъ бы временно скрываться (заказники) и, наконецъ, самые способы охоты ловушками и вслѣдствіе чего пойманные соболи легко пожираются другими звѣрями, особенно лисицами. Изъ способовъ ловли, принятыхъ только въ Восточной Сибири, нужно отмѣтить „кургавки“. Въ началѣ октября, когда рѣчки не успѣли еще покрыться льдомъ, ихъ берега очищаются отъ валежника, образующаго какъ бы естественные мосты черезъ нихъ для соболей, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перебрасываются громадныя деревья — въ видѣ моста для соболей. На этомъ предательскомъ мосту среди вѣтвей спрятаны волосяныя петли („курчавки“), прикрѣпленныя къ сукѣ, пригнутому и поддерживаемому небольшимъ крючкомъ. Когда петля срываетъ крючокъ, сукъ выпрямляется и вздергиваетъ ее кверху вмѣстѣ съ попавшимъ въ нее соболемъ. Иногда къ „курчавкамъ“ привязываютъ тяжелые камни, и какъ только соболь попадетъ въ нихъ, камни падаютъ и увлекаютъ съ собою соболя, который и расшибается объ ледъ, если рѣчка уже замерзла. Самые лучшіе соболи водятся въ мѣстностяхъ очень холодныхъ зимой, высокихъ и находящихся очень далеко отъ моря. Самые лучшіе соболи не только должны имѣть густую и темную шерсть, но и очень блестящую и мягкую, почему туруханскіе соболи, съ ихъ очень густой, но грубой шерстью, не могутъ сравниться съ соболями, водящимися по рѣкамъ Витиму, Баргузину и Муѣ. Теперь большинство лучшихъ восточносибирскихъ соболей добывается въ Якутской области.

Вост.-сибирская бѣлка также отличается своимъ темнымъ цвѣтомъ и пушистостью (лучшія нерчинскія). Количество ихъ также уменьшается и отъ тѣхъ же причинъ, какъ въ Зап. Сибири. Какъ и въ Зап. Сибири, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ начали ловить маленькихъ лисенятъ и выращивать ихъ до полной зрѣлости. Якуты добываютъ молодыхъ лисицъ изъ норъ и воспитываютъ ихъ въ небольшихъ срубахъ („сайбы“). Такія лисицы называются „кормленками“, и ихъ

содержаніе ничего не стоитъ, такъ какъ якуты кормятъ ихъ щукой, которую сами не ѣдятъ. Крестьяне каинскаго уѣзда также держатъ такихъ „покормленокъ“ въ стайкахъ, гдѣ лисицамъ больше свободы, чѣмъ въ якутскихъ „сайбахъ“, отчего отъ нихъ получается мѣхъ почти такого же качества, какъ отъ лѣсныхъ лисицъ.

Къ числу окончательно вымершихъ животныхъ Сѣверо-Восточной Сибири принадлежитъ мамонтъ, жившій когда-то громадный слонъ, около 2 сажень (13 ф.) высотою, болѣе 2 сажень (15 ф.) въ длину, съ клыками болѣе сажени (8 ф.) длиной покрытый густой, мягкой и теплой шерстью съ подшерсткомъ свѣтло-бураго цвѣта. Мамонтъ имѣлъ голый хвостъ съ пучкомъ густыхъ волосъ на концѣ, голыя уши, гриву близъ плечъ и на спинѣ съ жесткими около фута въ длину волосами и большіе зубы. Онъ питался молодыми побѣгами ели и сосны и молодыми еловыми шишками, какъ это доказываютъ остатки пищи, найденной въ зубахъ сохранившихся труповъ. На Таймырскомъ полуостровѣ и на Новосибирскихъ островахъ найдены черепа и кости особаго вида быковъ, соотвѣтствующихъ полярному мускускому овцебыку Сѣверной Америки. Въ древнѣйшія времена въ Сибири обиталъ и волосатый носорогъ, покрытой теплой шерстью съ тонкимъ подшерсткомъ и двумя рогами на носовыхъ костяхъ. Густая, теплая шерсть этихъ животныхъ показываетъ, что они жили въ очень холодномъ климатѣ.

Древняя крѣпость въ Якутскѣ.

Якутскъ. Упаковка пушнины на ярмаркѣ.

Якутъ на охотѣ.

Высшій классъ якутовъ.

V.

Ископаемыя богатства и золотопромышленность.

Вост. Сибирь чрезвычайно богата цѣнными минералами и металлами. Каменный уголь разсѣянъ огромными залежами въ разныхъ мѣстахъ Вост. Сибири: и въ низовьяхъ Енисея (по р. Курейкѣ), и въ его верхнемъ теченіи — въ Минусинскомъ уѣздѣ по Енисею и Абакану, и около Иркутска (Черемховскія копи), въ Забайкальѣ по берегамъ Байкала, около Гусинаго озера, по р. р. Хилку и Ингодѣ. Въ Якутской области уголь находится на Ленѣ (у Якутска и Жиганска), по Вилюю въ верховьяхъ Алдана. Сравнительно съ 1895 г., разработка угля увеличилась болѣе, чѣмъ въ 40 разъ и теперь ею занято не менѣе 8 тысячъ рабочихъ. Уголь идетъ преимущественно для надобностей желѣзной дороги. Изъ драгоцѣнныхъ камней въ Иркутской губерніи и Забайкальской области встрѣчаются агаты-лапись, лазурь, аквамарины, бериллы и др., въ Енисейской — алмазы. Азбестъ найденъ въ Иркутской губ. и Минусинскомъ уѣздѣ, нефть въ Иркутской губ. и у береговъ Байкала. Мѣдью богата только Ени-

сейская губ., особенно Минусинскій уѣздъ, желѣзомъ — вся Вост. Сибирь, кромѣ Якутской области, и особенно Забайкалье, какъ и серебромъ. Добыча золота стоитъ въ Вост.-Сибири на первомъ мѣстѣ въ разработкѣ металловъ. Чрезвычайно богаты золотомъ правые притоки Витима и бассейнъ Олекмы (впадаютъ въ Лену) — до 700—800 пудовъ въ годъ; далѣе идетъ Забайкалье (Нерчинскій и Баргузинскій уѣзды, 240 п.), а затѣмъ Енисейская губернія (всѣ уѣзды, кромѣ Канскаго). Золотоносный пластъ на Витимѣ и Олекмѣ толщиной рѣдко больше сажени, зато содержаніе золота въ немъ отъ $1\frac{1}{2}$ до 12, 18 и даже 23 золотниковъ въ 100 пудахъ песку, въ то время какъ въ Енисейскомъ уѣздѣ рѣдко доходитъ до 1 зол. Восточно-сибирскіе пріиски расположены въ мѣстахъ таежныхъ и трудно доступныхъ, особенно лѣтомъ: таежная тропа вьется или по болотамъ, на которыхъ кое-какъ набросаны гати, или по густому лѣсу, часто завалена буреломомъ, черезъ который съ трудомъ пробираются и привычныя таежныя лошади. Ѣзда по такимъ тропамъ возможна или верхомъ или на „волокушахъ“: двѣ длинныя жерди парядними концами прикрѣпляются къ хомуту лошади, а задними вологатся по землѣ; между жердями устроено сидѣнье въ родѣ люльки. Черезъ 30—40 верстъ такой утомительной дороги попадаются „зимовья“ — домъ на расчищенной отъ лѣса полянѣ, конюшня, казарма для рабочихъ. Здѣсь мѣняются лошади, а на „половинкахъ“ маленькихъ хижинахъ въ тайгѣ, имъ дается только кратковременный отдыхъ. Самые пріиски расположены въ широкихъ долинахъ между горами, гдѣ протекаютъ рѣчки. Наружность самого пріискового стана далеко не одинакова; иногда это куча почернѣвшихъ или совсѣмъ новыхъ домиковъ — помѣщеніе для служащихъ, конюшня, баня, казармы для рабочихъ, иногда это цѣлая „резиденція“ съ церковью, больницей, изрѣдка даже школой, съ хорошими постройками. Такихъ „резиденцій“, конечно, очень немного, преимущественно въ олекминско-витимской тайгѣ, гдѣ были раньше пріиски крупныхъ золотопромышленныхъ компаній, перешедшіе теперь къ иностранцамъ, преимущественно англичанамъ. Обыкновенно на пріискахъ не воздвигаютъ капитальныхъ построекъ, потому что черезъ нѣсколько лѣтъ, когда мѣсто

рожденіе истощится, пріискъ переносится на другое мѣсто. Если по разнымъ признакамъ предполагается, что въ какой либо мѣстности имѣется золото, тамъ производятся „развѣдки“, вырывается цѣлый рядъ ямъ („шурфовъ“) въ поверхностномъ, наносномъ, слоѣ земли („торфа“). Когда присутствіе золота установлено, производятся „вскрышныя“ работы, при которыхъ дѣлаются „разрѣзы“, чтобы добраться до золотоноснаго слоя. Такъ какъ „торфы“ достигаютъ толщины отъ нѣсколькихъ сажень до 20—30, да еще при углубленіи въ самомъ золотоносномъ пластѣ, то получается очень глубокій искуственный оврагъ, бока котораго спускаются уступами, и, мѣрѣ разработки уступы эти все суживаются. Вырываемая земля („пески“) накладывается въ таратайки и отвозится къ золотопромывальной машинѣ, возвышающейся надъ долиной подобно остову какого-то страннаго зданія. Промывка этихъ песковъ производится только лѣтомъ, когда вода не замерзаетъ. Если слой „торфовъ“ очень великъ (въ пять разъ толще золотоноснаго пласта), то „пески“ добываются „ортами“ — горизонтальными корридорами вглубь земли съ боковъ „разрѣза“, или шахтами — вертикальными колодцами съ поверхности земли. Отъ главнаго корридора („проходной орты“) идутъ „забои“, начинающіе боковые корридоры. Врываясь въ землю, рабочіе ставятъ подставки изъ бревенъ, чтобы предупредить обвалы. Въ душныхъ, сырыхъ корридорахъ, еле освѣщенныхъ свѣчами, слышатся только глухіе удары кайлъ и лопатъ о землю, которая сваливается въ тачки и по „выкатамъ“, доскамъ, постланнымъ на сырой землѣ, иногда покрытой водою, — вывозится „откатчиками“ къ выходу изъ орты, гдѣ складывается въ таратайки и отвозится въ золотопромывальную машину. Богатыя компаніи и особенно иностранцы ввели перевозку „песковъ“ въ вагончикахъ по рельсамъ, переносныя желѣзныя дороги, безконечные стальные канаты и пр.

Золото въ Восточной Сибири встрѣчается или въ коренныхъ мѣсторожденіяхъ (жильное, рудное золото), или, и гораздо чаще, добывается изъ розсыпей. Жильное золото наиболѣе часто встрѣчается въ Енисейской губерніи и въ Забайкальѣ. Самымъ распространеннымъ способомъ полученія золота является добываніе изъ розсыпей, причемъ теперь во

многихъ мѣстахъ перерабатываются и „отвалы“, въ которыхъ старинные способы промывки оставили еще много металла. На пріискахъ до сихъ поръ приняты золотопромывальныя машины прежней бочечной системы, приводимыя въ дѣйствіе водой посредствомъ наливныхъ колесъ. Вода къ нимъ проводится или по каналамъ, или по деревяннымъ жолобамъ („сплоткамъ“). Эти „сплотки“ на сваяхъ, иногда въ 6—7 сажень высотой, пересѣкаютъ лощину, въ которой расположенъ пріискъ, и проводятъ къ машинѣ воду изъ рѣчки, иногда немного подпруженной. „Пески“ изъ „отваловъ“ или прямо изъ разрѣза на таратайкахъ втягиваются лошадьми на „полоко“, плоскую крышу машины, сваливаются въ отверстіе („люкъ“), изъ котораго черезъ рукавъ попадаютъ въ громадную желѣзную бочку, суживающуюся къ „люку“ и всю усѣянную мелкими дырочками. Бочка, прикрѣпленная къ колесу, приводимому въ движеніе водой, вертится, какъ жерновъ на мельницѣ, при чемъ „эфеля“ (промываемые пески и гальки) и золото, омываемые водой изъ подвижныхъ рукавовъ, находящихся позади бочки, попадаютъ въ дырочки и несутся по наклонному полу машины, „шлюзу“ (плоскань“). Песокъ увлекается водой по шлюзу, вылавливается въ особые люки, и золото, какъ болѣе тяжелое, остается въ верхней части „шлюза“ („головка“) подъ желѣзными листами, или у деревянныхъ перекладинъ въ родѣ рѣшетокъ („трафаретъ“). Но здѣсь блестящія крупинки золота перемѣшаны еще съ оставшимися эфелями и мелкими, наиболѣе тяжелыми обломками горныхъ породъ („шлихи“). Оно еще разъ промывается („доводится“), чаще на „вашгердѣ“, гдѣ окончательно очищается отъ всѣхъ постороннихъ примѣсей. „Вашгердъ“ представляетъ собой пологонаклоненный ящикъ шириной до двухъ аршинъ; въ его верхней части устроена перегородка изъ досокъ; въ этотъ „дворикъ“ вливается изъ ручья вода, и черезъ край перегородки ровно стекаетъ по вашгерду, гдѣ находится очищаемое золото. Вода уноситъ послѣдній песокъ, а оставшійся „шлихъ“ отдѣляютъ отъ золота лопаточкой, пальцами и магнитомъ. Въ такихъ вашгердахъ производятся и пробы изъ „забоевъ“. Золото снимается со шлюза дважды въ день. Послѣ промывки на вашгердѣ золото сушатъ и относятъ въ пріисковую

Якутскъ. Зимній пейзажъ.

контору, взвѣшиваютъ и записываютъ въ особую книгу. Для улавливанія мельчайшихъ частицъ золота въ нижнемъ концѣ шлюза кладутся мѣдные листы, натертые ртутью. Добываніе руднаго золота посредствомъ измельченія руды въ толчеяхъ и потомъ промывки ихъ на шлюзахъ, мокрымъ (амальгамаціоннымъ) путемъ, посредствомъ хлора, а также химическимъ ціанистымъ кали, распространено очень мало вслѣдствіе дороговизны машинъ и химическихъ приспособленій.

Въ послѣднее время въ Сибири начала примѣняться разработка розсыпного золота посредствомъ драгъ. Драга — машина, которая сама добываетъ и промываетъ золотоносныя почвы и помѣщается на золотоносныхъ рѣчкахъ. Драга дѣлаетъ ненужнымъ снятіе торфовъ и выемку песковъ ручнымъ способомъ, чѣмъ чрезвычайно сокращаетъ число служащихъ и рабочихъ. Но драга требуетъ розсыпей, бѣдныхъ крупными обломками, при которыхъ она легко ломается, и вообще она пригодна только при такомъ грунтѣ, который можетъ вычерпывать, т. е. такомъ, который свободно входитъ въ ея черпаки. Кромѣ того, драга, не улавливая мельчайшихъ частицъ золота, заваливаетъ ихъ выработанными породами, такъ что послѣ нея переработка отваловъ невозможна, между тѣмъ какъ теперь они съ пользой перемываются по 2—3 раза. Наконецъ, для успѣшнаго пользованія драгой на сибирскихъ рѣчкахъ должны быть произведены предварительные опыты, чтобы извѣстнымъ образомъ приспособить ее, принявъ во вниманіе мѣстныя климатическія и другія условія. По причинѣ большой стоимости ея, средніе золотопромышленники соединяются въ компаніи для веденія промысла посредствомъ драги.

Пріисковые рабочіе раздѣляются на забойщиковъ, тачечниковъ, откатчиковъ, конюховъ, плотниковъ и простыхъ рабочихъ („поторжныхъ“), которые получаютъ жалованье меньше первыхъ. Составъ рабочихъ крайне пестръ во всѣхъ отношеніяхъ: крестьяне старожилы, крестьяне новоселы; старые и молодые; русскіе, татары, черкесы, поляки, буряты. Рабочіе нанимаются по контрактамъ на весь годъ и приходятъ на пріиски сами. Кромѣ мѣсячнаго жалованья, рабочіе получаютъ „положеніе“ — извѣстное количество въ мѣсяцъ

муки, кирпичнаго или байховаго чая, крупы и мяса, свѣжаго или сушенаго, масла или сала, или находятся исключительно на своемъ содержаніи. Свѣжаго мяса дается отъ $1^1/_4$ до $1^1/_2$ ф. въ день. Кромѣ того, рабочіе получаютъ ежедневно по окончаніи работы $^1/_{100}$ ведра спирта, разведеннаго водой. Разные мануфактурные товары и сахаръ продаются въ пріисковыхъ лавкахъ, принадлежащихъ владѣльцамъ пріисковъ. Рабочій день на пріискахъ начинается въ 3 часа утра и продолжается 14—15 часовъ съ двумя перерывами, для чая и обѣда. Праздниковъ не было раньше, за исключеніемъ 3-хъ дней Пасхи, 2-хъ Рождества и 1-го Троицы, кромѣ двухъ обязательныхъ отдыховъ по дню въ мѣсяцъ; теперь число дней для отдыха увеличилось, хотя неодинаково для разныхъ мѣстностей. Рабочій, окончившій „урокъ“ раньше обычнаго времени, можетъ заняться „старательской“ работой уже за особое вознагражденіе, а находящіе самородки, „подъемное“ золото, сдаютъ его въ пріисковую контору. Крупныхъ золотопромышленниковъ вообще немного, но зато велико число мелкихъ, которые берутъ деньги у тѣхъ же крупныхъ золотопромышленниковъ въ кредитъ для обстановки пріисковъ, найма рабочихъ и пр. и въ концѣ концовъ получаютъ самые ничтожные барыши, и то лишь въ удачные годы. Иногда мелкіе золотопромышленники лишь для вида устраиваютъ свои пріиски, но только подлѣ многолюдныхъ и богатыхъ пріисковъ: промывка золота происходитъ тамъ опять только для вида, а на самомъ дѣлѣ такіе золотопромышленники тайкомъ продаютъ спиртъ рабочимъ сосѣдняго большаго пріиска и покупаетъ у нихъ краденое золото, и то больше за спиртъ. Очень часто такой мелкій золотопромышленникъ, арендовавъ пріисковую площадь, сдаетъ ее артелямъ „золотничниковъ“ изъ нѣсколькихъ человѣкъ каждая; онъ указываетъ имъ мѣсто для работъ, учреждаетъ за ними надзоръ для того, чтобы все добытое золото они сдавали только ему. Золотничники сами должны заботиться о своемъ пропитаніи, сами строить жилье и завести „бутарки“ — простые вашгерды, только немного побольше. Золотничники гораздо меньше обезпечены чѣмъ контрактовые рабочіе, и вообще ихъ положеніе гораздо хуже; привлекательно только отсутствіе подневольнаго труда

и большая возможность найти хорошее „подъемное“ золото. Промывка золота на лоткахъ и бутаркахъ выгодна для самостоятельнаго рабочаго въ случаѣ удачной находки. Золотничество развивается съ сокращеніемъ крупныхъ предпріятій. Въ болѣе глухихъ и отдаленныхъ таежныхъ мѣстностяхъ, на Олекмѣ, Витимѣ, развилась „летучка“ — совершенно самостоятельныя артели бродячихъ искателей золота, которыя обыкновенно работаютъ на старыхъ, заброшенныхъ пріискахъ. Летучка сдаетъ свое золото на сосѣднихъ пріискахъ по соглашенію, а все необходимое пріобрѣтаетъ у ближайшихъ поставщиковъ. Мѣстный горный надзоръ преслѣдуетъ этихъ вольныхъ золотопромышленниковъ, называя ихъ „хищниками“ только портящими мѣсторожденія золота; но зато почти всѣ крупныя открытія золота сдѣланы „летучкой“.

Работа на пріискахъ дѣйствуетъ вообще очень вредно на здоровье: въ ортахъ внизу иногда бываетъ холодная вода (горный ключъ), стоя въ которой приходится работать, а вверху такъ жарко, что необходимо снимать одежду, — отсюда разныя простудныя заболѣванія. Нерѣдко на пріискахъ свирѣпствуетъ цынга, исчезающая только съ появленіемъ ягодъ и „черемши“, которую больные ѣдятъ сырой, лежа по цѣлымъ днямъ среди нея на полянахъ, въ вареномъ видѣ, натираются ею и скоро выздоравливаютъ. Въ олекминской тайгѣ цынги не бываетъ, но зато рабочіе страдаютъ отъ ленточной глисты (отъ якутскаго скота) и перемежающейся лихорадки. Плохо построенныя, со щелями, отопляемыя желѣзными печами въ зимнее время, помѣщенія для рабочихъ грязны, со спертымъ воздухомъ, и рабочіе получаютъ въ нихъ ревматизмъ и разныя простудныя заболѣванія. Во время самыхъ работъ иногда происходятъ обвалы въ ортахъ, обрушеніе отваловъ, заливаніе ортъ водой, паденіе бадьи при шахтовыхъ работахъ. Пыль въ разрѣзахъ въ сухое время иногда причиняетъ болѣзни дыхательныхъ путей, купанье въ лѣтній зной въ ледяныхъ горныхъ ключахъ обыкновенно награждаетъ неосторожныхъ рабочихъ „ломотой“ (ревматизмомъ). Немало вредитъ здоровью рабочихъ и водка, которую они пьютъ и для веселья и для согрѣванія, и которую въ любомъ количествѣ пріобрѣтаютъ у „спиртоносовъ“ за краденое зо-

лото. Порядочная постановка лѣчебной части на пріискахъ встрѣчается лишь у богатыхъ компаній.

Пріиски вообще дурно вліяютъ на нравственность рабочихъ и окрестнаго населенія. Пьянство, кутежи, азартная игра въ карты на зимовкахъ и окрестныхъ селеніяхъ во время пути рабочихъ (которые на пріискахъ называются „Иванàми“), кражи золота для сбыта спиртоносамъ за водку, постоянное стремленіе обмануть пріискныхъ служащихъ, — все это портитъ пріискныхъ рабочихъ. Крестьяне окрестныхъ деревень забрасываютъ земледѣліе, превращаютъ свои дома въ кабаки, гдѣ стараются обобрать, а то и просто обокрасть „пріискателей“, возвращающихся изъ тайги съ заработанными деньгами. Женское населеніе такихъ деревень замѣтно портится. Инородцы особенно страдаютъ отъ сосѣдства пріисковъ. Но въ общемъ золотопромышленность оказываетъ замѣтное вліяніе на хозяйственную жизнь Восточной Сибири, давая заработокъ не меньше чѣмъ 30,000 рабочимъ и ежегодно оставляя въ странѣ до 10 мил. руб. въ видѣ заработной платы, за поставку на пріиски хлѣба, мяса, лошадей, сѣна и другихъ продуктовъ и прибыли мѣстныхъ торговцевъ. До послѣдняго времени богатые золотопромышленники жертвовали крупныя суммы на школы, больницы, благотворительныя учрежденія.

Ѣзда на собакахъ.

Склады мамонтовой кости близъ Якутска.

Древняя церковь Киренскаго монастыря.

VI.

Обрабатывающая промышленность, торговля, пути сообщенія.

Промышленность обрабатывающая въ Восточной Сибири существуетъ еще въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ Западной Сибири. На первомъ мѣстѣ стоятъ винокуренные заводы, (20 заводовъ съ 1100 рабочими, вырабатывающіе до $2^1/_4$ мил. ведеръ спирта). Пивоваренныхъ заводовъ всего 24. Мукомольное дѣло развито слабо: въ Минусинскомъ уѣздѣ, самомъ земледѣльческомъ во всей Восточной Сибири, вырабатывается всего 150,000 пудовъ крупчатки. На всю Восточную Сибирь существуетъ всего по одной фабрикѣ табачной, спичечной и фаянсовой посуды и одинъ цементный заводъ въ Забайкальѣ.

Кустарныя промыслы въ зачаточномъ состояніи даже и въ Минусинскомъ уѣздѣ. Маслодѣліе Енисейской губерніи даетъ всего $1{,}2^0/_0$ сибирскаго продукта на рынкѣ. Въ Забайкальѣ маслодѣліемъ начали заниматься только въ 1910 г. (буряты). Торговля въ Восточной Сибири, вдоль линіи желѣзной дороги, измѣнилась такъ же, какъ и въ Западной: количество крупныхъ монопольныхъ фирмъ сократилось, и

даже средніе торговцы завели непосредственныя сношенія съ Москвой, Лодзью и другими центрами производства, коми-вожеры вствѣчаются всюду. На отдаленномъ сѣверо-востокѣ и теперь торговля ведется такъ, какъ въ былыя времена. Булунскій купецъ напр., (Булунь — село на 300 верстъ ниже устьевъ Лены) долженъ самъ разводить свои товары якуту или тунгусу на домъ, да и то у него будетъ брать товары только тотъ инородецъ, который съ нимъ давно „знакомъ“. Булунскій купецъ, въ сущности говоря, не торгуетъ своими товарами, а „даритъ“ ихъ и даритъ какъ разъ въ то время, когда у инородцевъ нѣтъ ничего, чтобы „отдарить“. Но вотъ въ срединѣ зимы у инородца набралось уже много пушнины, и снова много сотенъ верстъ долженъ проѣхать булунскій купецъ, чтобы получить „отдарки“. Купецъ, конечно, ведетъ свой счетъ своимъ подаркамъ; инородецъ также знаетъ, на какую цѣну надо отдарить и каждый думаетъ какъ бы одурачить другъ друга. Преимущество всегда на сторонѣ купца, такъ какъ у него въ рукахъ главный козырь водка. Колымскій купецъ особое существо — всю жизнь проводящее въ полярной пустынѣ. Въ началѣ октября, какъ только замерзнутъ „бадароны“ (болота), изъ Якутска отправляются вьючнымъ путемъ обозы купеческой клади. Главный грузъ — кирпичный чай, листовый табакъ, браковапные ситцы и водка. Въ Мартѣ складъ прибываетъ въ Колымскъ. Часть ея продается тутъ же, а большая половина на собакахъ отправляется къ чукчамъ по Анюю. Купцы вымѣниваютъ чай, табакъ и водку на пушнину и мамонтовые клыки. Водка для крѣпости часто настаивается на купоросѣ и махоркѣ, и купцы при обманѣ пользуются необыкновенной страстью инородцевъ къ водкѣ. Въ маѣ купцы отправляются въ Якутскъ, нагруженные пушниной и мамонтовыми клыками. Все населеніе береговъ Колымы, русскіе и инородцы, въ вѣчныхъ долгахъ у якутскихъ купцовъ. Несмотря на запрещеніе продавать водку инородцамъ, торговля ею производится свободно на всемъ сѣверо-востокѣ Сибири.

Ярмарокъ, которыхъ такъ много въ Западной Сибири, къ востоку отъ Енисея гораздо меньше, въ Енисейской губерніи всего 28, въ Забайкальѣ и Якутской области только по 6.

Въ Иркутской губерніи сколько нибудь крупныхъ ярмарокъ нѣтъ, а существуетъ (какъ и въ Забайкальѣ) много мелкихъ, гдѣ производится мѣновая торговля съ инородцами (сугланы). Послѣ качугской ярмарки на Ленѣ внизъ по рѣкѣ отправляются суда иркутскихъ купцовъ (паузки) съ товарами, и во время ихъ остановокъ у селеній устраиваются торжки. Енисей и Лена являются теперь главнѣйшими водными путями, по которымъ южныя, болѣе населенныя мѣстности Сибири направляютъ на сѣверъ свои продукты, преимущественно хлѣбъ. Енисей только начиная отъ Енисейска становится рѣкой, по которой могутъ подниматься морскія суда, впрочемъ, небольшихъ размѣровъ. Между Енисейскомъ и Красноярскомъ находится первый большой порогъ (Казаченскій), который уже нѣсколько мѣшаетъ пароходному движенію. Чѣмъ выше по Енисею, тѣмъ больше перекатовъ, такъ что пароходы не всегда доходятъ до Минусинска. Еще выше, съ приближеніемъ къ Саянамъ Енисей становится недоступнымъ для пароходовъ вслѣдствіе нерѣдкихъ огромныхъ пороговъ. По причинѣ пороговъ невозможно пароходство и по Ангарѣ, несмотря на ея ширину и обиліе воды. Пороги, шиверы, перекаты разбросаны тамъ въ 48 мѣстахъ; нѣкоторые пороги очень велики: Падунъ — 2 ½ версты, а Тиманскій даже 6 ½ версты. Всѣхъ пароходовъ на Енисеѣ теперь до 60. Правильное пароходство по Ленѣ начинается только съ Устькута; съ Витима она уже огромна и полноводна, а ниже Якутска, вѣроятно, на 1 ½ тысячъ верстъ отъ устья, — по ней могутъ подниматься и большіе морскіе пароходы. На Байкалѣ и Ленѣ въ настоящее время не болѣе 30 пароходовъ.

Кромѣ существующаго желѣзнодорожнаго пути, отъ Ачинска до Иркутска теперь прокладывается вторая колея сибирской магистрали. Амурская дорога въ предѣлахъ Забайкальской области уже открыта для движенія на разстояніи шести станцій. Предполагается соединить жел.-дор. путемъ богатѣйшій Минусинскій край съ сибирской магистралью (Минусинскъ — Ачинскъ), чтобы дать выходъ на востокъ его сельско-хозяйственнымъ продуктамъ, и Мысовскъ съ Кяхтой для оживленія торговыхъ сношеній съ Монголіей, весьма упавшихъ те-

перь, такъ какъ чай изъ Китая теперь совсѣмъ не идетъ прежнимъ сухимъ путемъ черезъ Кяхту.

Грунтовыя дороги хороши въ южной, болѣе населенной части Восточной Сибири. На сѣверѣ существуютъ только вьючныя тропы, да и то не всюду; главными путями сообщенія являются лѣтомъ и зимой рѣки, на которыхъ и размѣстилось все русское населеніе. Особенно отрѣзанъ отъ всего міра Колымскій край. Безконечныя болота и Верхоянскій хребетъ отрѣзываютъ его отъ Якутской области, откуда ведетъ (изъ Якутска до Средне-Колымска) единственная дорога на протяженій 2300 верстъ по хребтамъ, нагорьямъ или глубокимъ снѣгамъ зимой, а лѣтомъ по „бадаранамъ“ (грязнымъ болотамъ въ 1—$1^1/_2$ арш. глубиною). Съ Колымскимъ краемъ лучше сообщаться при посредствѣ моря: отъ села Олы на Охотскомъ морѣ черезъ Становой хребетъ на р. Буюнду, притокъ Колымы, или отъ Аяна черезъ Приморскій хребетъ на Нелькань. Въ 1911 году дѣлается первый опытъ рейса парохода Добровольного флота черезъ Дежневъ проливъ въ устье Колымы и вверхъ по этой рѣкѣ. Колесной дорогой предполагаютъ соединить Минусинскій уѣздъ съ Усинскимъ краемъ и Урянхайской землей, что разовьетъ русско-монгольскія торговыя сношенія.

Ороченъ.

Молодая гилячка.

Юрты гиляковъ зимой.

VII.

Административное дѣленіе, народное здравіе и образованіе, населенныя мѣста.

Огромное пространство отъ границъ Китая до береговъ Ледовитаго океана занимаетъ Енисейская губернія, захватившая весь бассейнъ Енисея. По своему пространству (2,220,929 кв. верстъ), она — вторая губернія Россіи, но ея населеніе — всего 790,000. $^2/_3$ этой губерніи занимаетъ Туруханскій край съ 11—12,000 обитателей. Отъ него къ югу располагаются уѣзды губерніи: Енисейскій, Красноярскій, Канскій, „Сибирская Италія“, „житница Восточной Сибири“ — плодородный Минусинскій уѣздъ съ Усинскимъ краемъ на самомъ югѣ. Юго-западный Ачинскій уѣздъ представляетъ какъ бы ворота, посредствомъ которыхъ Восточная Сибирь сообщается съ Западной. Къ востоку отъ Канскаго уѣзда до береговъ Байкала простирается Иркутская губернія, едва равняющаяся $^1/_5$ части Енисейской губерніи (703,000 квадр. верстъ) и населенная всего полумилліономъ человѣкъ. Сѣверный, Киренскій уѣздъ занимаетъ ея бо́льшую половину, а болѣе плодородные уѣзды — Иркутскій, Балаганскій и Верхоленскій — находятся въ южной ея половинѣ. Западнымъ, Нижнеудин-

скимъ уѣздомъ Иркутская губернія сообщается съ Енисейской. Къ западу отъ Байкала раскинулась Забайкальская область (575,000 квадр. верстъ и 810,000 населенія). Самый обширный и самый сѣверный ея уѣздъ — Баргузинскій. Южнѣе расположены уѣзды: Верхнеудинскій — самый населенный, Читинскій, Акишинскій, Нерчинскій, Селенгинскій, Троицкосавскій и Нерчинско-заводскій. Почти весь сѣверо-востокъ азіятскаго материка занимаетъ огромная Якутская область ($^1/_3$ всей Сибири) съ населеніемъ 270,000 человѣкъ, разбросаннымъ на площади въ $3^1/_2$ мильоновъ квадратныхъ верстъ. Размѣры пяти округовъ этой области огромны: самый большой Верхоянскій — 974,000, самый малый — Колымскій — 335,000 квадратныхъ верстъ, оба сѣверные округа области. Посрединѣ находятся Якутскій (самый населенный, съ 150,000 жителей) и Вилюйскій, а на югѣ Олекминскій округъ.

Какъ было указано въ отдѣлѣ о климатѣ Восточной Сибири, въ общемъ ея климатъ весьма здоровъ, особенно въ Забайкальѣ, населеніе не страдаетъ отъ него, и какихъ либо особенныхъ мѣстныхъ болѣзней тамъ почти не существуетъ. Только въ Верхоянскомъ округѣ, вслѣдствіе страшныхъ зимнихъ холодовъ, плохихъ жилищъ и несоотвѣтствующей климату одежды у значительной части населенія и очень плохого питанія, зимой умираетъ не менѣе $^7/_{10}$ всѣхъ умирающихъ за годъ. Въ Минусинскомъ уѣздѣ съ марта по май, въ Иркутской губерніи въ маѣ и осенью, когда поднимается много пыли, появляются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перемежающіяся лихорадки. Среди населенія сѣвера Енисейской губерніи и въ Якутской области распространены глисты отъ употребленія въ пищу мерзлой сырой рыбы и оленины. Переселенцы и въ Восточную Сибирь занесли трахому. Изъ особенныхъ мѣстныхъ болѣзней, существующихъ въ Восточномъ Сибири, нужно указать на зобъ, проказу и мерячество. Зобъ встрѣчается по среднему и нижнему теченію Енисея, въ Иркутской губерніи, въ Верхоленскомъ и Киренскомъ уѣздахъ, по теченію Лены. Онъ распространенъ въ узкихъ рѣчныхъ долинахъ съ глинистой почвой, плохо провѣтриваемыхъ. Особенно быстро развивается онъ у пришлыхъ людей, и скорѣе всего ему подвергаются дѣти, потомъ женщины. Многія особи, зобатыя съ

дѣтства, въ то же время оказываются и идіотами. Страшная болѣзнь проказа, „лѣнивая смерть“, какъ называютъ ее якуты, съ давнихъ поръ гнѣздится въ Средне-Вилюйскомъ улусѣ Вилюйскаго округа, въ обширной лѣсистой странѣ, покрытой болотами, озерами и сыпучими песками. Главное гнѣздо проказы — озеро Неджели (въ длину 70, въ ширину до 30 в.). Населеніе этой мѣстности, усѣянной топкими болотами и гнилыми озерами, питается вонючей рыбой и прогнившимъ молокомъ, пьетъ стоячую, мутную озерную воду, заражающую воздухъ своими зловредными испареніями, живетъ въ страшной грязи и нечистотѣ. Въ прежнее время было нѣсколько неудачныхъ попытокъ собрать прокаженныхъ въ особо устроенныя колоніи — больницы; и теперь въ 16 верстъ отъ Вилюйска существуетъ подобная колонія, на содержаніе которой съ 1895 г. изъ государственнаго казначейства отпускается по 7000 рублей въ годъ; при колоніи находится врачъ, фельдшеръ, священникъ и нѣсколько сестеръ милосердія. Разлученные съ семьей и со всѣми родными, отверженные отъ всего остального общества, предоставленные своей жестокой болѣзни, уродующей тѣло и подкашивающей силы, несчастные прокаженные, въ одиночку или небольшими общинами, часто цѣлые десятки лѣтъ влачатъ на берегахъ избѣгаемыхъ всѣми озеръ жалкую безотрадную жизнь, исполненную мучительныхъ страданій и не имѣютъ въ будущемъ ничего, кромѣ послѣдовательно возрастающихъ мученій и медленно подкрадывающейся смерти. Прокаженные живутъ въ жалкихъ юртахъ, въ грязи, почти безъ всякой обстановки; одежду ихъ составляютъ грязныя, носимыя цѣлыми годами шкуры. Пища доставляется прокаженнымъ разъ или два въ недѣлю, при чемъ кладется на условленное мѣсто въ нѣкоторомъ разстояніи отъ юрты. Проказа встрѣчается и въ Колымскомъ округѣ. Когда прокаженный поселокъ вымретъ весь, якуты сжигаютъ всѣ юрты. Они такъ боятся проказы, что считаютъ прокаженной и рыбу того озера, изъ котораго ловили больные. Въ Якутской области существуютъ еще двѣ мѣстныя болѣзни — мэнріеръ и мярячество. Первая болѣзнь похожа на кликушество: больной воетъ, кричитъ, разсказываетъ небылицы, причитаетъ, часто его сводитъ, ломаетъ, пока, истощившись, онъ не заснетъ.

Этой болѣзни особенно подвержены женщины. Мирячество (или эмирячество) выражается въ неудержимомъ стремленіи повторять какія-либо слова или дѣйствія. Больные вскрикиваютъ при появленіи страннаго для нихъ предмета, при внезапномъ стукѣ, повторяютъ поразившее ихъ слово, цѣлыя фразы, даже на совершенно неизвѣстномъ имъ языкѣ. Одержимыхъ этой болѣзнью въ сильной степени можно заставить продѣлать, что угодно, исполнивши передъ ними, то или другое дѣйствіе. Эмирячекъ парни заставляютъ плясать до упаду, становиться на голову и пр. Эмирячатъ чаще всего женщины, и чѣмъ старѣе, тѣмъ сильнѣе.

Вопросъ о врачебной помощи въ Восточной Сибири находится еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ въ Западной. Количество врачей, больницъ и аптекъ недостаточно, и пользоваться ими могутъ лишь немногіе, преимущественно городскіе жители. Обитатели отдаленнаго Туруханскаго края, Приангарья, сѣверныхъ округовъ Якутской области лишены даже возможности прививать себѣ оспу. Огромныя разстоянія, рѣдкость населенія и очень плохіе пути сообщенія мѣшаютъ въ Восточной Сибири правильной постановкѣ врачебной помощи. Въ Якутской области, напр., только 10 врачей и 2 аптеки.

Количество школъ также далеко не отвѣчаетъ потребности въ нихъ. Во всей Восточной Сибири не болѣе 1700 начальныхъ школъ, съ 80,000 учащихся. Больше всего школъ въ Забайкальской обл. (550 школъ и 28,000 учащихся), меньше всего въ Якутской (122 и 3160 учащ.) Въ Восточной Сибири нѣтъ ни одного высшаго учебнаго заведенія. Среднія школы изъ уѣздныхъ городовъ находятся только въ Ачинскѣ Енисейскѣ, Минусинскѣ, Верхнеудинскѣ, Троицкославскѣ и Нерчинскѣ. Газеты выходятъ только въ Красноярскѣ, Иркутскѣ и Читѣ. Отдѣлы и подотдѣлы Географическаго Общества открыты въ Иркутскѣ, Красноярскѣ, Читѣ, Троицкославскѣ и Якутскѣ; музеи, кромѣ упомянутыхъ городовъ, — въ Енисейскѣ, Минусинскѣ и Нерчинскѣ.

Хотя въ Восточной Сибири городскихъ населеній больше чѣмъ въ Западной (26), но большихъ городовъ среди нихъ очень мало, зато въ нѣкоторыхъ мелкихъ нѣтъ и 1000 жит. Столица Восточной Сибири, Иркутскъ, основанный въ

Ѣзда на оленяхъ.

1652 г., въ настоящее время имѣетъ 113,000 населенія. Въ послѣдніе годы Иркутскъ значительно обстроился, по количеству красивыхъ зданій не уступаетъ Томску, общій видъ котораго менѣе привлекателенъ, чѣмъ Иркутска. Центральныя части Иркутска замощены и освѣщены электричествомъ. Грязи на улицахъ гораздо меньше, чѣмъ въ Томскѣ. Немало различныхъ увеселительныхъ мѣстъ, ресторановъ, кофеенъ. Иркутскъ — умственный центръ всей Восточной Сибири: въ немъ 71 учебное заведеніе съ 6700 учащимся, въ томъ числѣ 7 среднихъ, старѣйшій въ Сибири отдѣлъ Геогр. Общества съ богатымъ музеемъ, выходитъ нѣсколько газетъ, въ томъ числѣ единственная въ Сибири „Врачебная газета“, дѣйствуютъ нѣсколько просвѣтительныхъ Обществъ. Городъ не имѣетъ долговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Иркутскъ — административный и торгово-промышленный центръ Восточной Сибири: резиденція генералъ-губернатора (иркутское генералъ-губернаторство состоитъ изъ губ. Иркутской, Енисейской и Забайкальской области), имѣетъ 2131 торгово-промышленное предпріятіе съ оборотомъ около 8 милл. руб. Иркутскъ богатъ благотворительными учрежденіями (Базановскій воспитательный домъ, Михѣевская, Кузнецовская, Медвѣдниковская), обязанными своимъ существованіемъ щедрости золотопромышленниковъ прежняго времени. Но торгово-промышленное значеніе Иркутска падаетъ (за послѣдніе три года обороты понизились на 10 мил. руб.), и падетъ еще болѣе, когда сибирская магистраль къ сѣверу отъ него будетъ соединена желѣзной дорогой съ Леной: всѣ нужные для пріисковъ продукты пойдутъ туда минуя Иркутскъ и безъ участія иркутскихъ предпринимателей.

На пересѣченіи сибирской магистрали и Енисея расположенъ Красноярскъ (основанъ въ 1625 г.), и это обезпечиваетъ ему хорошую будущность. Мѣстоположеніе Красноярска очень красиво на берегу громадной рѣки съ видомъ на горы, возвышающіяся со всѣхъ сторонъ. Улицы прямы, широки и не грязны. Енисейскъ, когда-то служившій единственнымъ путемъ изъ Западной Сибири въ Восточную и бывшій мѣхопромышленнымъ центромъ, а позднѣе славившійся золотопромышленностью, теперь захудалъ и имѣетъ

всего 7 ½ тысячъ жителей. Оживить его можетъ лишь открытіе морского пути черезъ устье Енисея.

Главная замѣчательность Минусинска (14 ½ тысячъ жителей) — прекрасный мѣстный музей, созданный болѣе 25 лѣтъ и руководимый Н. М. Мартьяновымъ, скончившемся въ 1904 году — предметъ гордости минусинцевъ и вниманія ученыхъ всего міра.

Чита, главный городъ Забайкальской области (до 55,000 жителей), быстро растетъ и имѣетъ большое будущее. Верхнеудинскъ, наиболѣе значительный изъ городовъ области (20,000 жителей), находится въ срединѣ наиболѣе промышленнаго района области. Мысовскъ представляетъ примѣръ быстраго роста населенія подъ вліяніемъ желѣзной дороги. Въ городъ онъ переименованъ недавно изъ села Мысового.

Якутскъ — послѣдній культурный пунктъ на сѣверо-востокѣ Сибири (до 8,000 жителей). Прочіе города Якутской области въ сущности небольшія села, которыя можно называть городами скорѣе всего потому, что въ нихъ находится уѣздная администрація. Вилюйскъ (1200), Олекминскъ (около 1000) и т. п.

Семья ороченовъ.

Гольды въ праздничныхъ платьяхъ.

Гольды близъ Хабаровска.

Орочены Амурской области.

Амурско-Приморская окраина.

I.

Рельефъ, климатъ и орошеніе.

Амурско-Приморская окраина, занимающая пространство почти въ два милліона квадратныхъ верстъ юго-восточной части Сибири и все побережье Великаго океана, дѣлится на три области: Амурскую, Приморскую и Камчатскую и сѣверную половину острова Сахалина. Широкія, плоскія, лѣсистыя горы, съ глубокими рѣчными долинами, занимаютъ Амурскую область: это — отроги Станового хребта, Малый Хинганъ, или Буреинскій хребетъ, начинающійся на южномъ берегу Охотскаго моря, гдѣ его продолженіемъ являются Шантарскіе острова, и другіе хребты, идущіе съ сѣвера на югъ. Низмен-

ныхъ равнинъ въ Амурской области очень мало — не болѣе 100,000 квадратныхъ верстъ, и изъ нихъ самая большая — Зейско - Буреинская низменность (до 30,000 квадратныхъ верстъ). Отдѣльныя вершины Малаго Хингана поднимаются до 5 и даже до 6 тысячъ футовъ. Хинганскіе гребни состоятъ большею частью изъ гранитовъ, но встрѣчаются и осадочныя породы.

Приморская область такая же горная страна, какъ и Амурская. На юго-востокѣ, по берегу Великаго океана, тянется длинный, но невысокій (не выше версты) лѣсистый хребетъ Сихота-Алинь въ видѣ идущихъ рядомъ складокъ, перерѣзанныхъ рѣчными долинами, съ болѣе отлогими западными склонами. Приморская область на югѣ, гдѣ цѣпь горныхъ хребтовъ близко подходитъ къ Охотскому морю, — заполнена самымъ восточнымъ изъ трехъ параллельныхъ хребтовъ, изъ которыхъ состоятъ Алданскія горы, — именно скалистымъ Приморскимъ хребтомъ. Здѣсь горы падаютъ въ Охотское море рядами крутыхъ утесовъ, между которыми въ страшныхъ тѣснинахъ бѣшено мчатся горныя рѣчки. Мѣстные жители все это набережье называютъ „непроходомъ“. Продолжая идти къ сѣверо-востоку, Становой хребетъ отдѣляетъ хребетъ Тайгоносъ, занимающій полуостровъ между Пенжинской и Гижигинской губами, и заполняетъ своими отрогами всю крайнюю сѣверо-восточную часть Сибири. Камчатскія горы отдѣляются отъ Станового хребта обширной моховой тундрой, называемой Парапольскимъ доломъ, цѣлымъ моховымъ моремъ безъ малѣйшаго возвышенія или углубленія. Камчатскія горы, состоящія изъ гранитовъ, сіенитовъ, слюдяныхъ сланцевъ и изверженныхъ вулканическихъ породъ, представляются въ видѣ двухъ хребтовъ: одинъ почти по срединѣ полуострова, другой ближе къ восточному берегу, гористому, безлѣсному, съ крутыми берегами, между тѣмъ на западѣ полуострова раскинулись луга, травянистыя и болотистыя тундры. На востокѣ отъ срединнаго хребта возвышается рядъ вулкановъ, покрытыхъ снѣгомъ и расположенныхъ по большей части группами. Изъ 38 камчатскихъ вулкановъ дѣйствующихъ 12. Нѣкоторые камчатскіе вулканы, долго считавшіеся потухшими, вдругъ начинали дѣйствовать: Коряцкая въ 1895 г. начала

извергать дымъ (пары), а затѣмъ и лаву, Ключевская (самый значительный вулканъ Камчатки, болѣе 4 верстъ высоты) нодѣйствовала съ 1655 до 1896 г. За ней слѣдуютъ: Коряцкая (2 версты) и Шевелючъ (около 3); онъ замѣчателенъ тѣмъ, что его изверженія всегда сопровождаются сильными толчками и сотрясеніями почвы. Около Петропавловска возвышается Авачинская сопка, послѣднее изверженіе которой было 13 октября 1909 г. Во время изверженія этого вулкана подземный грохотъ слышался на 100 верстъ въ окружности. Ночью сопка изборождается огненными рѣками и царитъ надъ всѣми окрестностями въ невиданномъ освѣщеніи. Послѣ большихъ изверженій Авачинской сопки вся Камчатка покрывается мельчайшей вулканической пылью, и всѣ ея обитатели нѣкоторое время кашляютъ поголовно.

Островъ Сахалинъ покрытъ горами, идущими въ видѣ отдѣльныхъ цѣпей и образующими долины, вытянутыя съ сѣвера къ югу. По западному берегу Сахалина тянется горный хребетъ, прерываемый узкими „падями“.

По климату Амурско-Приморскую окраину можно раздѣлить на двѣ части: южную, собственно Амурско-Приморскую, и сѣверо-восточную, Охотско-Камчатскую. Южная находится зимой подъ вліяніемъ зимняго сѣверо-западнаго муссона восточной Азіи, приносящаго сухость и холодъ, а лѣтомъ юго-восточный муссонъ несетъ на материкъ обильную влагу съ Великаго океана. Эта влажность океана и падаетъ въ видѣ обильныхъ и частыхъ дождей въ Амурской и Приморской областяхъ и въ южной части Охотскаго набережья. Сѣверо-восточная оконечность Сибири и Камчатки, находясь далеко на сѣверѣ и въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ огромными водными бассейнами, отличается суровымъ и влажнымъ климатомъ. Зимой въ Амурской области, съ октября по мартъ, стоитъ ясная, тихая погода съ морозами въ 20^0 и больше, съ особенно холодными ночами. Среднія годовыя температуры тамъ подходятъ къ t^0 сѣверной части Европейской Россіи. Съ марта начинается весна, съ вѣтромъ, дождемъ, крупой и снѣгомъ. Въ концѣ іюня начинаются жары, доходящіе до $37{,}5^0$ въ тѣни, какъ въ Крыму или на Кавказѣ.

Температура воздуха.

	Средн. годов.	Средн. іюня.	Средн. янв.
Николаевскъ	—2,4°	+15,3°	—24,2
Благовѣщенскъ	—0,7°	+21,4°	—25,5°
Хабаровскъ	—0,5°	+20,3°	—25,2°

Кромѣ сильныхъ жаровъ, лѣтніе мѣсяцы отличаются огромнымъ количествомъ осадковъ, которые почти совершенно отсутствуютъ зимой.

	Лѣтомъ	Зимой.	Средн. годов.
Благовѣщенскъ	321,8 миллим.	3,8	497,7
Николаевскъ	184,2	71,2	511,6
Хабаровскъ	363,9	25,0	602,7

Дожди начинаются съ половины іюля и особенно обильны въ августѣ, когда число дождливыхъ дней доходитъ иногда до 23. Въ Амурской области лѣтомъ часто бываетъ „изгарь“, настолько сильный сухой туманъ, что солнце уже въ 5 часовъ вечера представляется краснымъ кругомъ безъ блеска. На побережьѣ Японскаго моря средняя годовая t° выше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Приамурьѣ (во Владивостокѣ +4,5°), но лѣто еще болѣе влажно, чѣмъ въ Амурской области, а вѣтры гораздо сильнѣе и дуютъ даже и зимой, чего обыкновенно не бываетъ въ Амурской области. Зимой сѣверо-западные вѣтры приносятъ сухость и дѣлаютъ зимы холодными, безъ оттепелей. Напр., въ Никольскѣ-Уссурійскомъ, при средней годовой t° въ +3° (ниже, чѣмъ въ Москвѣ и Петербургѣ), средняя января —22°, іюля +22°, т. е. колебаніе въ 44°, больше чѣмъ въ Барнаулѣ. Морскіе юго-восточные вѣтры въ іюлѣ и августѣ приносятъ въ эти мѣстности громадное количество паровъ, которые и падаютъ на землю въ видѣ обильныхъ дождей, идущихъ иногда двѣ и даже три недѣли. Въ южной части Уссурійскаго края въ августѣ и сентябрѣ съ страшной силой дуетъ „тайфунъ“, несущій сначала облако пыли, а потомъ начинаются ливни, отъ которыхъ въ день или два рѣки выходятъ изъ береговъ, горные ручьи превращаются въ мощные потоки, затопляютъ поля, иногда сносятъ жилища, разрушаютъ мосты и дороги и надолго отрѣзываютъ селенія одно отъ другого и отъ городовъ. Иногда наводненіе

Корейская семья.

Корейскій коулъ (рабочій).

Корейцы.

Кореец.

начинается въ 2 часа ночи, а въ 5 часовъ вода поднимается уже на 2 сажени. Зимой въ Уссурійскомъ краѣ, при сильныхъ вѣтрахъ, холода весьма значительны, такъ что въ Никольскѣ-Уссурійскомъ доходятъ до —39,2°. Итакъ, въ общемъ, климатъ Приамурья таковъ: ясныя, холодныя (особенно въ Амурской области) и почти безснѣжныя зимы, жаркое лѣто съ насыщенной влагой воздухомъ и съ проливными дождями въ іюлѣ и августѣ, ясная, довольно сухая и теплая осень (самое пріятное время года) и приблизительно такая же, но болѣе вѣтреная и влажная весна. Въ общемъ, климатъ Приамурья не можетъ быть названъ благопріятнымъ, кромѣ зимы, когда воздухъ чистъ, небо ясно, нѣтъ оттепелей и рѣзкой разницы между t^0 дня и ночи.

Климатъ сосѣдняго острова Сахалина отличается суровостью и сыростью. Средняя t^0 тѣхъ пяти мѣсяцевъ, когда происходитъ созрѣваніе хлѣбовъ, тамъ ниже ($+12^0$), а это уже неблагопріятно для хлѣбныхъ растеній.

Охотско-Камчатская окраина отличается суровымъ и влажнымъ климатомъ. Зимой потоки холоднаго воздуха, подъ вліяніемъ сильнаго атмосфернаго давленія въ Якутской области, стремятся черезъ Становой хребетъ къ Охотскому морю, гдѣ давленіе меньше и t^0 выше. Этотъ господствующій на побережьѣ вѣтеръ иногда такъ силенъ, что люди и вьючныя животныя не въ состояніи двигаться ему навстрѣчу. Лѣтомъ, когда давленіе на Великомъ океанѣ усиливается, а Охотское побережье нагрѣвается менѣе, чѣмъ внутреннія части суши, — начинается вѣтеръ съ моря, приносящій холодъ, туманъ и „бусъ“ (мелкій дождь).

Климатъ Камчатки — морской, съ влажными туманами, обиліемъ снѣга и незначительными холодами на восточномъ берегу.

	Средн. іюля.	Средн. янв.	Средн. годов.
Удскъ	—3,5°	—10,8°	+16,3°
Охотскъ	—5°	—15,3°	+14,2°
Петропавловскъ	+2,2°	— 8	+16,1°

Влажность воздуха на Камчаткѣ достигаетъ крайнихъ предѣловъ. Послѣ каждаго небольшого дождя „тундра плачетъ“, какъ выражаются мѣстные жители: серебрянная влага

струится по каждому корешку ягоднаго кустарника въ обвалахъ рѣчныхъ береговъ, по каждой нависшей былинкѣ, изъ торфяныхъ глыбъ падаютъ крупныя капли. Часто въ теченіе всего лѣта нигдѣ по тундрѣ невозможно найти не только мѣста для ночлега, но даже маленькой площадки, гдѣ бы вода не выступала, какъ изъ губки, изъ мха, покрывающаго тундру. Въ Охотскѣ треть лѣтнихъ дней пасмурна, а половина дождлива, въ Петропавловскѣ 27 дождливыхъ и 45 пасмурныхъ дней. Только средина Камчатки, бассейнъ рѣки Камчатки (15,000 кв. верстъ) обладаетъ нѣсколько лучшимъ климатомъ, такъ какъ закрыта горами и отъ сырыхъ восточныхъ вѣтровъ, и отъ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ холодныхъ воздушныхъ теченій, почему ея южныя части покрываются весенней растительностью гораздо раньше прибрежныхъ мѣстностей. Для здоровья климатъ Охотско-Камчатской окраины неблагопріятенъ.

Въ предѣлахъ Амурско-Приморской окраины въ Тихій океанъ впадаютъ двѣ значительныя рѣки: извилистый Анадырь (1,030 в.) на самомъ сѣверѣ и громадный Амуръ на югѣ. Двѣ пары рѣкъ, одна за другой, должны были слиться, чтобы явился наконецъ огромный Амуръ (2,600 в.): свѣтлая Ингода и вытекающій изъ предѣловъ Монголіи мутный, быстрый Ононъ образуютъ мелководную, порожистую, заключенную въ скалистыхъ берегахъ, быструю Шилку (500 в.), которая, слившись съ монгольской необычайно тихой Аргунью, образуетъ наконецъ Амуръ. Въ верхнемъ теченіи Амуръ проходитъ по узкимъ долинамъ, окаймленнымъ высокими, лѣсистыми горами, но далѣе, къ востоку, долина все болѣе и чаще расширяется, и у Благовѣщенска между большими притоками Амура, Буреей и Зеей, раскинулась обширная низменность. За ней, еще далѣе къ востоку, горы съ обѣихъ сторонъ вновь стѣсняютъ Амуръ и онъ извивается прихотливо, въ зеленыхъ берегахъ своего глубокаго каменистаго ложа. При выходѣ изъ Буреинскаго хребта Амуръ снова расширяется, образуетъ множество острововъ и протекаетъ въ низкихъ, пологихъ берегахъ. Принявъ справа мутную, бѣловато-желтую маньчжурскую рѣку Сунгари и вскорѣ за ней другую, Уссури, Амуръ, сдѣлавшійся мутнымъ, отклоняется влѣво отрогами Сихота-Алиня и

800 верстъ течетъ къ сѣверу до впаденія въ Татарскій проливъ. Отроги Сихота-Алиня наполняютъ весь правый берегъ Амура, а слѣва идутъ то низменности, покрытыя озерами, то возвышенности. Ширина Амура въ устьѣ между двумя входными мысами — 14 в. Глубина воды въ Амурѣ колеблется отъ 2—3 футовъ до нѣсколькихъ сажень. Изъ лѣвыхъ притоковъ Амура замѣчательны Зея и Бурея. Зея (до 1.000 в.) беретъ начало на южномъ склонѣ Яблоноваго хребта, и горы черезъ которыя она рвется стремительнымъ потокомъ, подступаютъ къ самымъ ея берегамъ, но потомъ горы начинаютъ удаляться отъ береговъ и рѣка течетъ по обширной долинѣ, расширяющейся къ устью въ безлѣсную равнину, поросшую густой, высокой травой. Теченіе быстрой, каменистой и порожистой Буреи (900 в.) похоже на теченіе Зея.

Рѣки, текущія въ Тихій Океанъ съ восточныхъ склоновъ Сихота-Алиня, имѣютъ крутое паденіе, коротки, каменисты и порожисты. Большаго вниманія изъ нихъ заслуживаетъ только Суйфунъ, протекающій по долинѣ, занятой русскими и корейскими деревнями.

Рѣки, впадающія въ Охотское море, текутъ въ узкихъ долинахъ или ущельяхъ, стѣсненныхъ горами, по руслу, часто заваленному огромными камнями. Нерѣдко на этихъ рѣкахъ встрѣчаются „щеки“ — узкія мѣста отъ 5—10 сажень между двумя хребтами или двумя сходящимися выступами хребтовъ, гдѣ рѣка промыла себѣ ложе. Можно отмѣтить Уду (700 в.), съ ея мелями и порогами, довольно медленную въ нижнемъ теченіи и Охоту (450 в.), глубокую, быструю, съ очень скудной растительностью по берегамъ. Рѣки Камчатскаго полуострова коротки, стремительны и глубоки. Самая значительная изъ нихъ Камчатка (болѣе 500 в.). Въ западной части полуострова течетъ рѣка Тигилъ (180 в.). На западной сторонѣ Камчатки въ Охотское море скатываются не менѣе 118 горныхъ рѣкъ.

Въ Приамурьѣ минеральныхъ источниковъ очень мало. У деревни Ново-Михайловской существуютъ Аннинскіе химически-индиферентные теплые источники. Въ обильной вулканами Камчаткѣ, въ долинахъ рѣкъ или вблизи горныхъ уваловъ, также пробивается не мало минеральныхъ горячихъ ключей, впрочемъ, не отличающихся обиліемъ минеральныхъ

солей. Температура нѣкоторыхъ изъ нихъ достигаетъ 83—100° С. (Банный). Мѣстные жители пользуются нѣкоторыми ключами при лѣченіи простудныхъ болѣзней (Паратунскіе: 25°, 45° и 80° С.).

Николаевскъ на Амурѣ. Ѣздовыя собаки.

Типы женщинъ области р. Амура.

Приамурскіе китайцы.

Николаевскъ на Амурѣ. Японскій сарай для засолки рыбы

II.

Почвы, растительность и животный міръ.

Въ Приамурьѣ преобладаютъ глинистыя и суглинистыя почвы въ 2—5, рѣдко 8 вершковъ. Огромныя площади заболочены, и болота встрѣчаются нерѣдко даже на горахъ. Вслѣдствіе глинистой подпочвы и обилія влаги лѣтомъ почва раскисаетъ, становится вязкой. Лучшія почвы Амурской обл. залегаютъ на равнинѣ между Зеей и Буреей: темный перегной болотнаго происхожденія въ 4—6 вершковъ, а въ низинахъ до $1^1/_2$ аршина глубины. Эта почва похожа на барабинскій перегной, но ни по своему происхожденію, ни по хозяйственному значенію не можетъ сравниться съ настоящимъ южно-русскимъ черноземомъ. Таковы же почвы и въ Приморской обл., гдѣ наиболѣе удобныя для земледѣлія залегаютъ по рѣчнымъ долинамъ и притомъ въ самой южной части края — у береговъ оз. Ханка и на китайской и ко-

рейской границахъ. Вѣчная мерзлота почвы встрѣчается на сѣверѣ Амурской и Приморской областей.

Растительность Амурской области разнообразна и богата, особенно съ приближеніемъ къ Тихому океану. Въ гористыхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ, по склонамъ Яблоноваго хребта, преобладаютъ хвойныя деревья: даурская лиственница, ель, сосна, сибирская пихта и кедровый сланецъ на вершинахъ горъ. Южнѣе и ниже между устьемъ Буреи и Буреинскимъ хребтомъ идутъ лиственные лѣса, надъ которыми раскидываютъ свои темно-зеленыя верхушки огромные кедры. Даурская крушина перевивается ліанами, красные плоды которыхъ созрѣваютъ въ сентябрѣ, низкорослый кленъ обвитъ дикимъ виноградомъ. Вьющіяся растенія образуютъ красивыя, непроходимыя стѣны. Береза и ясень въ горахъ становятся высокими и стройными деревьями. Грецкій орѣшникъ и пробковое дерево являются украшеніемъ амурскихъ лѣсовъ. Луговыя травы, особенно въ долинахъ Амура между Зеей и Буреинскимъ хребтомъ поражаютъ свѣжестью, обиліемъ яркихъ цвѣтовъ, но плохи какъ кормъ для скота — водянисты и малопитательны. Видимая роскошь приамурской растительности не приноситъ человѣку особенной пользы: вслѣдствіе большихъ зимнихъ холодовъ и крайней сырости лѣтомъ, виноградъ, орѣшникъ и пр. не могутъ стать даже сносными плодовыми растеніями, а крайняя влажность вредно отражается на очень многихъ мѣстныхъ деревьяхъ, даже какъ матеріалѣ для подѣлокъ и на травѣ, какъ кормѣ для скота.

Обиліемъ и силой отличается растительность Приморско-Уссурійской округи. Лѣсныя дебри, травяныя заросли мѣстами достигаютъ поразительной силы и густоты и заключаютъ въ себѣ весьма разнообразные виды. Сѣверныя формы встрѣчаются здѣсь съ южными: раскидистая ель обвивается виноградомъ, сосна и кедры сплетаютъ свои вѣтви съ перистыми листьями пробковаго дерева, береза и липа мирно стоятъ съ кипарисомъ, монгольская аралія таится подъ сѣнью широковѣтвистаго клена. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ эта растительность напоминаетъ растительность свойственную Западному Закавказью (Колхидѣ), и также, какъ послѣдняя можетъ разсматриваться, какъ сохранившая особенности растительности

предшествовавшаго современному третичнаго геологическаго періода. Изъ растеній края нужно указать на жень-шень, корень котораго янтарнаго цвѣта, богатый крахмаломъ, очень цѣнится въ Китаѣ за свои будто бы всеисцѣляющія свойства. Изъ плодовыхъ деревьевъ нужно упомянуть о грушѣ, яблонѣ, абрикосѣ, вишнѣ, черемшѣ, виноградѣ и грецкомъ орѣхѣ, качества которыхъ, впрочемъ, очень невысоки. Тайга, покрывающая юго-восточные склоны Сихота-Алиня, обманчива: мощныя на видъ деревья, при первомъ сильномъ вѣтрѣ падаютъ какъ подкошенныя: на самомъ дѣлѣ они дряблы и рыхлы. Очень частые и продолжительные туманы у побережьевъ производятъ усиленное развитіе плѣсени въ растительномъ царствѣ. Эта корявая, гнилая, дуплистая тайга совсѣмъ не похожа на первобытную, мощную тайгу къ западу отъ Сихота-Алиня. Здѣсь подъ сплошными вѣтвями деревьевъ царитъ полумракъ и тишина. Лучи солнца золотятъ лишь вершины деревьевъ, отражаются, искрятся, играютъ въ изумительно-чистыхъ и свѣжихъ росинкахъ, покрывающихъ листву, но въ глубину непроходимой таежной чащи не проникаютъ. Лишенная свѣта и солнца, тепла и росы, таежная почва кажется безплодной пустынной. Покрытая спавшей листвой она представляетъ собой обширный коверъ грязно-желтоватаго цвѣта. Ни травки, ни зелени. Мѣстами деревья переплетенныя другъ съ другомъ, перевитыя ліанами, кустарниками, лозами дикаго винограда представляютъ собой такой непроницаемый покровъ, что и въ яркій день почти совершенно темно. Но вотъ среди вѣтвей и стволовъ показывается просвѣтъ, лучъ свѣта скользнулъ въ него и освѣтилъ трепещущей волной полусумрачный сводъ тайги. Показывается зеленая лужайка, ярко освѣщенная, лучами горячаго солнца. Сплошной стѣной обступили ее исполинскіе кедры, перевитые лозами дикаго винограда, багряные листья котораго словно яркія пятна, выдѣляются на сплошныхъ зеленыхъ стѣнахъ. Овраги, лѣсные ручьи извилистой змѣйкой вьющіеся по ярко-пестрымъ коврамъ цвѣтовъ на полянахъ, часто пересѣкаютъ дорогу. Уссурійская тайга совершенно не похожа на тайгу сѣверной Сибири.

Растительность Охотско-Камчатской окраины очень бѣдна: ель, кедръ, береза, ольха, тополь, рябина и нѣсколько видовъ

кустарниковъ. Въ долинѣ р. Камчатки встрѣчаются тучные луга и роскошныя травы. Березовыя рощи иногда распускаютъ свою зелень надъ сплошнымъ бѣлымъ покровомъ снѣга, а по склонамъ горъ постоянно попадаются островки лѣтней зелени среди бѣлаго снѣжнаго поля.

По отношенію къ животному міру слѣдуетъ отмѣтить, что по мѣрѣ удаленія на востокъ, особенно въ Уссурійскомъ краѣ, къ видамъ животныхъ и птицъ, водящихся въ Забайкальѣ, прибавляются все новыя формы: горный волкъ, тибетскій медвѣдь, енотовидная собака, тигръ и барсъ, пятнистый олень, козуля, фазаны. Чѣмъ ближе къ Японскому морю, тѣмъ больше появляется видовъ животныхъ, сходныхъ съ японскими. Въ Охотско-камчатской окраинѣ фауна гораздо бѣднѣе. Туда проникли впрочемъ нѣкоторыя американскія птицы, а изъ Европы черезъ Сибирь — воробей. Животный міръ Камчатки имѣетъ уже островной характеръ: тамъ нѣтъ лося, бѣлки, рыси и полосатаго бурундука. Эти животныя любятъ лѣсъ, а огромный Парапольскій долъ отрѣзываетъ Камчатку отъ лѣсныхъ областей, гдѣ они обитаютъ. Водящіяся на Камчаткѣ порода выдръ, называемый промышленниками камчатскимъ бобромъ, принадлежитъ къ числу плотоядныхъ и не имѣетъ ничего общаго съ рѣчными бобрами-грызунами.

Приамурье и особено Охотско-Камчатская окраина необыкновенно богата рыбами: горбуша и кета (лососевыя), амурскій осетръ, огромныхъ размѣровъ щука, бѣлуга (по мѣстному, калуга, иногда въ 60 п. вѣса). Камчатскія рѣки очень богаты рыбой. Во время хода рыбы вверхъ по рѣкамъ для метанія икры ея скопляется столь огромное количество, что въ узкихъ и неглубокихъ мѣстахъ вода буквально кишитъ ею, весла съ трудомъ погружаются въ воду, рыба теряетъ всякій страхъ даже при видѣ людей, собакъ и медвѣдей и только рвется впередъ, на болѣе мелкія мѣста, въ тихіе затоны и въ ключевыя озера. Въ камчатскихъ рѣкахъ однихъ лососей встрѣчается 5 видовъ; очень вкусная и красивая чавыча, горбуша и др.

Въ водахъ Великаго океана, особенно въ Беринговомъ морѣ, на перепутьѣ между двумя океанами, кромѣ моржей, тюленей и китовъ, водятся морскіе коты, сивучи и

бобры. Морскіе коты похожи ни тюленей, только нѣсколько больше, въ среднемъ до аршину длинной (доходятъ и до сажени), съ сѣро-серебристой шерстью, съ мягкимъ волосомъ и пухомъ. Въ водѣ коты очень живы и подвижны, а на сушѣ становятся неповоротливы и очень вялы. Крикъ котовъ, особенно молодыхъ, похожъ на блеянье овецъ. Въ теченіи цѣлаго мѣсяца кошки кормятъ молокомъ своихъ дѣтенышей, которые въ это время не умѣютъ еще плавать. Коты водятся на Командорскихъ островахъ (Беринговъ и Мѣдный), лишенныхъ всякой растительности и покрытыхъ скалистыми горами и болотистыми тундрами. Лежбища котовъ встрѣчаются и на Тюленьемъ островѣ, у восточныхъ береговъ Сахалина.

Въ этихъ же водахъ появляются лѣтомъ и сивучи, морскіе львы, прибывающіе съ юга и располагающіеся стадами въ 200—300 матокъ. Сивучъ — громадное животное, похожее на моржа и тюленя, пудовъ въ 80 вѣсу съ огромными и сильными зубами. На Командорскихъ островахъ, а также и на побережьѣ Камчатки, водятся и бобры.

III.

Инородческое и русское населеніе.

По Китайскимъ лѣтописямъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ теперь Уссурійскій край, съ VIII до X до Р. Х. находилось могущественное царство, наводившее страхъ на Корею, Японію и даже Китай. Его существованіе доказывается остатками въ непроходимой тайгѣ крѣпостныхъ валовъ, рвовъ и разныхъ развалинъ. Причины паденія этого царства неизвѣстны; быть можетъ, оно разрушено было корейцами. Въ китайскихъ источникахъ упоминается о существованіи въ Приамурьѣ, вѣроятно маньчжурскихъ „племенъ“ „сугунъ“ и „джурджени“ земледѣльцевъ, имѣвшихъ лошадей и быковъ, и „мухо“ (къ с.-в. отъ Кореи), также земледѣльцевъ. Русскіе въ XVII в. встрѣтили здѣсь маньчжурскія племена — дучеровъ, дауровъ и куяровъ.

Населеніе всѣхъ четырехъ областей Амурско-Приморской окраины совершенно ничтожно сравнительно съ ея огромнымъ пространствомъ — не болѣе 600,000 человѣкъ. Оно дѣлится

Владивостокъ. Панорама города.

Владивостокъ. Сухой докъ.

[illegible] на Амурѣ.

Ловля рыбы зимой на Амурѣ.

на инородцевъ и русскихъ; первые, въ свою очередь, — на коренныхъ и пришлыхъ. Къ кореннымъ приамурскимъ инородцамъ принадлежатъ родственные тунгусамъ гольды, орочоны, манегры. Гольды живутъ по Амуру къ востоку отъ Буреинскихъ горъ. Они средняго роста, худощавые, крѣпкіе, со скошенными монгольскими глазами и выдающимися скулами. Занимаются звѣроловствомъ и рыболовствомъ, почему на лѣтнее время перебираются изъ своихъ зимниковъ въ мѣста, обильныя рыбой и дичью. Они живутъ въ глинобитныхъ постройкахъ, похожихъ на китайскія фанзы, и носятъ одежду китайскаго покроя и изъ китайскихъ матерій. Гольды живутъ семействами, не раздѣляясь, какъ-бы ни было велико число членовъ семьи, въ которой глава съ неограниченной властью — отецъ или старшій братъ. Орочоны живутъ въ верховьяхъ Амура внизъ до устьевъ Невира и въ тайгахъ Южно-Уссурійскаго края, особенно около Императорской гавани. Жилища ихъ — грязныя, дымныя и холодныя юрты; лѣтомъ они занимаются рыболовствомъ, а зимой охотой, преимущественно на соболя. Орочоны въ кабалѣ у китайскихъ торговцевъ и скупщиковъ пушнины, которые дѣлаютъ съ ними, что хотятъ, даже подвергаютъ за провинности смертной казни. По Амуру и въ долинахъ Зеи и Кумары живутъ манегры, сильные, высокіе; они носятъ косы и маньчжурскія поярковыя шапочки. Вообще всѣ приамурскіе инородцы тунгусской вѣтви находятся подъ сильнымъ китайскимъ вліяніемъ, и много переняли отъ своихъ заамурскихъ сосѣдей. Въ низовьяхъ Амура, частью по Охотскому побережью и на Сахалинѣ обитаютъ гиляки (до $4^1/_2$ тыс.), говорящіе особымъ языкомъ, непохожимъ на языки сосѣднихъ инородцевъ. Быть можетъ это одно изъ древнѣйшихъ азіатскихъ племенъ (палэазіаты). Хотя по внѣшности они похожи на тунгусовъ, но въ нихъ меньше монгольскихъ чертъ: не столь широкое плоское лицо, не столь выдающіяся скулы, и на лицѣ больше растительности, чѣмъ у тунгусовъ. По характеру гиляки пылки, какъ тунгусы, при первомъ знакомствѣ недовѣрчивы и сдержанны, но на самомъ дѣлѣ общительны, гостепріимны и честны. Они даровиты, любознательны и искусны въ разныхъ работахъ. Кромѣ главнаго занятія — рыболовства,

гиляки занимаются и звѣроловствомъ. Главная ихъ пища — рыба, кэта и горбуша, единственное домашнее животное — собака, которая употребляется для ѣзды на легкихъ нартахъ. Гиляцкое жилище углубляется въ землю аршина на $1^1/_2$, но въ срединѣ ямы оставляется высокая площадка, и надъ этой, выкопанной въ землѣ, нижней частью жилища дѣлается деревянная надстройка. Гиляки очень почитаютъ медвѣдя. Поймавъ медвѣдя, они долго держатъ его въ неволѣ, окружаютъ особымъ почтеніемъ, и потомъ убиваютъ послѣ разныхъ обрядовъ, въ которыхъ принимаетъ участіе все населеніе поселка и сосѣди. На сѣверо-востокѣ Сибири живутъ чукчи и коряки, о которыхъ см. въ томѣ, посвященному крайнему Сѣверу. Камчадалы въ настоящее время почти смѣшались съ русскими, особенно въ восточной части полуострова, и очень обрусѣли.

Пришлые инородцы Приамурья — китайцы и корейцы. Число первыхъ доходитъ до 100,000. Они занимаются земледѣліемъ, арендуя у крестьянъ земли и нанимаясь на земледѣльческія работы, строительными работами и на пріискахъ, а также охотой въ тайгѣ, скупкой пушнины у инородцевъ, собираніемъ жень-шеня, пантовъ (роговъ изюбря и пятнистаго оленя); они же захватили въ свои руки всю мелкую торговлю. Русскому вліянію не поддаются, даже и тѣ, которые живутъ въ русскихъ домахъ въ качествѣ прислуги. Корейцы (60—70,000 человѣкъ) живутъ по Амуру между Благовѣщенскомъ и Хабаровскомъ (с. Благословенное), въ южной части Южно-Уссурійскаго края (въ Посьетскомъ участкѣ), около корейской границы и во Владивостокѣ, гдѣ они исполняютъ обязанности носильщиковъ (коули). Число корейцевъ все увеличивается со времени присоединенія Кореи къ Японіи. Они почти исключительно занимаются земледѣліемъ. Корейцы вообще народъ вялый, забитый, неприхотливый и очень нечистоплотный, хотя зиму и лѣто ходятъ въ бѣлыхъ одеждахъ китайскаго покроя. Фанзы ихъ грязны и наполнены насѣкомыми. Фанзы эти дѣлаются изъ сплетенныхъ вѣтвей и снаружи и внутри обмазываются глиной. Пологая крыша изъ соломы и прутьевъ, также обмазанная глиной, одновременно служитъ и потолкомъ. Въ первомъ отдѣленіи фанзы (помѣщеніе для семьи) устроены широкія нары, нагрѣваемыя снизу

особыми дымоходами, идущими отъ очага для приготовленія пищи, въ второмъ (для гостей) эти нары занимаютъ всю комнату, такъ, что оно нагрѣвается снизу. Кухня составляетъ третье отдѣленіе фанзы. Деревня состоитъ изъ отдѣльныхъ фанзъ, раздѣленныхъ участками полей, на которыхъ корейцы сѣютъ гаолянъ, пшеницу, бобы сои и буду (двумя послѣдними они преимущественно питаются). Корейцы гораздо воспріимчивѣе китайцевъ къ русскому вліянію: принимаютъ православіе, учатся русской грамотѣ, нѣкоторые принимаютъ русскіе обычай и русскій образъ жизни. Японцевъ въ Приамурьѣ теперь меньше, чѣмъ до войны, и живутъ они въ городахъ, гдѣ занимаются ремеслами (парикмахерскимъ, часовымъ, портняжнымъ и т. д.) и торговлей.

Русское населеніе Приамурья дѣлится на казаковъ (амурскихъ и уссурійскихъ), старожиловъ и новоселовъ. Казакамъ (до 50,000 человѣкъ обоего пола) принадлежитъ до 13 мил. десятинъ земли по берегамъ Амура и Уссури. Переселенцевъ въ Приамурье въ послѣднія 50 лѣтъ (по 1908 г.) прибыло всего только до 360,000; но переселеніе возрастаетъ: за 10 лѣтъ (1900—1909) въ Приамурье переселилось 271,000 (считая и ходоковъ) и больше всего въ Приморскую область (183,000), тогда какъ въ Амурскую только 88,000. Но изъ этого числа обратно вернулись не менѣе 40,000. Въ 1910 г. въ Приморскую область прибыло 16,770 душъ. До послѣдняго времени въ Приамурье переселялись преимущественно выходцы изъ малорусскихъ губерній, за которыми слѣдовали сибиряки, но въ самое послѣднее время возрастаетъ приливъ изъ юго-западныхъ и сибирскихъ губерній, а также Акмолинской области. Мужчины въ Приамурьѣ по численности преобладаютъ надъ женщинами. Впрочемъ, въ послѣднее время число женщинъ увеличивается. Въ крестьянскомъ русскомъ населеніи Приамурья нужно отмѣтить очень высокую рождаемость и очень небольшую смертность, особенно у старожиловъ: рождаемость (на 1000 населенія) 50—60%, смертность 25—30%, приростъ 25—30%, въ то время какъ въ Западной Европѣ приростъ 4—18%, а въ Европейской Россіи 14%. И это несмотря на очень высокую дѣтскую смертность: въ Уссурійскомъ краѣ 66%, а въ Амурской даже 74%. Брачность въ Приамурьѣ

очень высока: 12‰ для Уссур. края и 10‰ для Амурской обл. Тамъ рѣдко можно встрѣтить дѣвушку старше 17 лѣтъ и почти нѣтъ вдовъ моложе 45 лѣтъ, такъ какъ всѣ вдовы вскорѣ же вступаютъ въ новый бракъ. На 1000 женщинъ въ производительномъ возрастѣ (15—50 лѣтъ) въ Приамурьѣ родится значительно болѣе 250 дѣтей (въ Зап. Европѣ около около 130, въ Евр. Россіи около 200).

По хозяйственной зажиточности на первомъ мѣстѣ стоятъ крестьяне старожилы, и особенно старовѣры и молокане Амурской области. Это — народъ предпріимчивый и дѣятельный, ведущій большое земледѣльческое хозяйство, занимающійся поставкой продуктовъ на пріиска, и торговлей. Они любятъ всякія полезныя нововведенія — сельско-хозяйственныя машины, оцинкованное желѣзо для крышъ и т. п. Казаки занимаютъ второе мѣсто. Они очень лѣнивы, плохіе хозяева, мало занимаются земледѣліемъ; ихъ станицы поражаютъ своей неустроенностью и безхозяйственностью. Чрезмѣрное изобиліе земли (впрочемъ, ея огромная часть скоро будетъ у нихъ отрѣзана для переселенцевъ) еще позволяетъ имъ держаться на извѣстномъ уровнѣ благосостоянія. Переселенцы могутъ сносно устроиться въ Приамурьѣ не раньше, какъ черезъ 5 лѣтъ. Непривычный климатъ, новыя условія хозяйства (обиліе лѣса, тяжелыя почвы, бездорожица и др.) представляютъ для нихъ такія затрудненія, что справиться съ ними можно не скоро. Много мѣшаетъ и недостатокъ денегъ (казеннаго пособія въ 150 руб. далеко не хватаетъ).

Врачебное дѣло въ Амурско-Приморской окраинѣ поставлено плохо, особенно въ Приморской области, вслѣдствіе недостатка врачей въ сельскихъ поселеніяхъ, недостатка больницъ и средствъ на лѣкарства. Лучше всего врачебная помощь населенію налажена въ Приморской области, хуже всего въ Камчатской. Населеніе городовъ обезпечено врачебной помощью удовлетворительно, особенно въ Приморской области.

Точно также школьное дѣло поставлено лучше въ Приморской области, чѣмъ въ Амурской, хотя населеніе первой гораздо значительнѣе: въ ней всего до 200 учебныхъ заведеній, а въ Приморской — болѣе 350. Среднихъ учебныхъ

заведеній въ первой 6, во второй 10. Высшая школа (Восточный институтъ для изученія языковъ Дальняго Востока) находится въ Приморской области, во Владивостокѣ. Всѣхъ учащихся въ Амурско-Приморской окрайнѣ до 25,000. Въ Приморской области находятся всѣ ученыя учрежденія окраины (о-во изученія Амурскаго края, отдѣлъ географич. о-ва). Въ Амурской обл. мѣстныя газеты выходятъ только въ Благовѣщенскѣ, въ Приморской — во всякихъ болѣе крупныхъ городахъ, не исключая и Николаевска. Нѣкоторыя мѣстныя газеты весьма серьезно и обстоятельно разрабатываютъ мѣстные вопросы.

IV.

Сельско-хозяйственные и другіе промыслы края и населенныя мѣста.

Какъ и всюду въ Сибири, земля въ Амурско-Приморской окраинѣ принадлежитъ государству, и до самаго послѣдняго времени владѣть ею можно было лишь въ видѣ временнаго пользованія.

Частныхъ владѣльцевъ (въ Приморской области) было до 5000, имѣвшихъ всего до 16,000 десятинъ земли. Теперь и тамъ правительство старается о развитіи частной собственности на землю. До 1900 г. въ Приамурьѣ каждому переселенцу давалось до 100 дес. земли, теперь дается по 15. Но такъ какъ земли еще много, то во всемъ краѣ существуетъ залежная система земледѣлія, хотя, чѣмъ ближе къ крупнымъ рынкамъ, тѣмъ эта система становится болѣе пестрой, т. к. количество легкихъ къ разработкѣ и удобныхъ земель все уменьшается. Если, напр., на большомъ участкѣ поселяется всего нѣсколько семьей, то онѣ и пользуются всей землей, пока не увеличится число переселенцевъ, для которыхъ участокъ этотъ предназначенъ. Въ полной противоположности съ залежной системой оказывается, принятая въ Приамурьѣ корейцами и китайцами, грядковая или рядовая, о которой рѣчь будетъ ниже.

Владивостокъ. Китайскія джонки.

Николаевскъ на Амурѣ. Видъ на бухту и пристани.

Сахалинъ. Хорчевки на базарной площади въ п. Александровскомъ.

Сахалинъ. Пристань въ Александровскѣ.

Земледѣльческія машины въ большомъ распространеніи въ Приамурьѣ, особенно жатки, косилки и т. п.; приамурскіе хозяева должны дорожить каждымъ недождливымъ днемъ, которыхъ такъ мало тамъ лѣтомъ. Земледѣльческій промыселъ въ Приамурьѣ хотя и составляетъ главное занятіе большинства населенія, однако не можетъ считаться основой его жизни. Приамурскій климатъ и особенно крайняя лѣтняя влажность мѣшаютъ тамъ земледѣлію. Холодныя и малоснѣжныя зимы въ Амурской области не позволяютъ тамъ родиться озимымъ хлѣбамъ; зерно маловѣсно и мелко; выписная пшеница скоро вырождается и мельчаетъ. Въ Приморской области очень дорого стоитъ расчистка тайги подъ посѣвъ. Распашка требуется самая тщательная — иначе все задавятъ буйныя травы. Внезапныя лѣтнія наводненія часто заливаютъ пашни въ рѣчныхъ долинахъ. На хлѣбѣ иногда появляются черви и гусеницы, иногда его „поломаетъ“ страшными мѣстными вѣтрами. Отъ излишней влажности на колосьяхъ иногда появляется „головня“, или особый грибокъ въ видѣ пятенъ розового цвѣта. Хлѣбъ приготовленный изъ такого зерна, вызываетъ тошноту и головную боль; затѣмъ наступаетъ сонъ, послѣ котораго чувствуется недомоганіе, какъ послѣ опьяненія водкой, почему народъ и называетъ такой хлѣбъ „пьянымъ“. Крайняя сырость Южно-Уссурійскаго края требуетъ тамъ „рядового“ или „грядового“ способа посѣва, принятаго корейцами и китайцами. При этомъ способѣ междурядья чередуются съ рядами растеній, т. е., гдѣ въ одномъ году были растенія, тамъ въ слѣдующемъ остается свободный проходъ между рядами посѣва. Разстояніе между грядками отъ 12 вершковъ до аршина. Такая огородная обработка требуетъ большой внимательности и терпѣнія и стоитъ вообще дорого вслѣдствіе дороговизны рабочихъ рукъ. При такомъ способѣ обработки излишняя влага стекаетъ въ междурядья, а въ грядахъ ея остается лишь столько, сколько нужно для корней растеній, Въ Приамурьѣ засѣвается не болѣе 300,000 десятинъ, такъ что хлѣбъ туда ввозится изъ сосѣдней Маньчжуріи, а мука даже изъ Сѣв. Америки. Промышленнаго огородничества и табаководства въ Приамурьѣ у русскихъ нѣтъ, хотя корейцы и китайцы съ большимъ успѣхомъ

разводятъ овощи для поставки въ города. Травосѣяніе существуетъ, особенно въ Амурской области, въ видѣ посѣва овса на зеленый кормъ. Посѣвъ кормовыхъ травъ не удается.

Хотя въ лѣсахъ Южно-Уссурійскаго края и растутъ въ дикомъ видѣ яблони, груши, абрикосы, грецкіе орѣхи, даже виноградъ, но ихъ плоды вообще весьма низкаго качества: яблоки величиной съ рябину, черешня — съ грушную горошину и горьковата на вкусъ, груши горьки, кислы, и мякоть ихъ переполнена твердыми крупинками, грецкіе орѣхи мелки и толстокожи, виноградъ мелкій, синій, въ иные годы довольно сладкій, но вино изъ него получается очень терпкое на вкусъ. Всѣ попытки улучшенія плохихъ мѣстныхъ плодовъ посредствомъ прививки привозныхъ сортовъ до сихъ поръ остаются безъ результата вслѣдствіе сильныхъ холодовъ зимой и крайней сырости лѣтомъ. Зато разныя ягодныя растенія (крыжовникъ, смородина и др.) легко улучшаются и даютъ обильные сборы.

Скотоводство въ Приамурьѣ также незначительно и развивается слабо: лошадей не болѣе 160—170,000, столько же рогатаго скота, до 100,000 свиней и до 10,000 овецъ. Для развитія скотоводства въ Приамурьѣ нѣтъ хорошихъ условій: пастбищное время непродолжительно, выпасы неудовлетворительны по качеству (кочковаты и болотисты) и ихъ мало. На видъ роскошная травянистая растительность здѣшнихъ влажныхъ луговъ даетъ кормъ водянистой, малопитательный, изъ котораго получается жесткое, грубое, толстостебѣльное, „рѣзучее“ отъ осокъ, сѣно. Лѣтомъ скотъ страдаетъ отъ „гнуса“ — комаровъ, мошекъ, оводовъ (послѣдніе достигаютъ вершка въ длину), скотъ не можетъ выдержать нападеній „гнуса“ и бѣжитъ въ селенія. Его приходится держать въ закрытыхъ хлѣвахъ, вокругъ которыхъ постоянно нужно разводить дымокуры. Скотъ мелкій и маломолочный. Лучшія лошади — томскія, и стоятъ дорого. Вслѣдствіе сырого климата, слишкомъ буйной травяной растительности и, особенно, мѣстной болѣзни на овецъ — печеночной глисты, овцеводство развиться не можетъ. Порода свиней — маньчжурская, мелкая, плохого сложенія, съ невкуснымъ мясомъ. Мѣстнаго скота на мясо Приамурью не хватаетъ, и мясо и

убитый скотъ въ большихъ количествахъ доставляется изъ Монголіи (черезъ Маньчжурію). Пчеловодство довольно развито въ Уссурійскомъ Краѣ. Тамошній медъ необыкновенно прозраченъ и ароматенъ, а его водянистость легко устраняется: его выставляютъ на солнце въ деревянныхъ кадкахъ, прикрывъ марлей — и излишняя влага испаряется. Пчеловодство также не можетъ развиваться въ Приамурьѣ вслѣдствіе отсутствія рынка для сбыта меда и воска.

Рыболовство въ Амурско-Приморской окраинѣ производится по Амуру, его притокамъ, въ Амурскомъ лиманѣ, по Охотскому побережью и у восточныхъ и западныхъ береговъ Камчатки. Ловится преимущественно кэта и др. лососевыя (до 35,000,000 штукъ ежегодно). Рыба сдается предпринимателямъ крестьянами, гиляками; у крупныхъ рыбопромышленниковъ имѣются собственные рабочіе. На мѣстѣ рыба потребляется въ свѣжимъ и соленомъ видѣ, и стоитъ очень дешево. Но вслѣдствіе дальности разстоянія для приамурской рыбы почти нѣтъ другого рынка, какъ японскій; но японцы, сами занимаясь рыболовствомъ у береговъ Амурско-Приморской окраины, до такой степени понизили цѣну на принимаемую ими русскую рыбу, что заниматься рыболовствомъ становится невыгоднымъ. Японцы, заарендовавъ больше $^3/_4$ всѣхъ рыболовныхъ участковъ на побережьѣ и, имѣя право привозить для промысла своихъ рабочихъ (русскіе не могутъ нанимать иностранцевъ), вступили между собой въ соглашеніе и сильно понизили цѣну рыбы, принимаемой у русскихъ. Русскіе рыбопромышленники стараются теперь доставить рыбу на европейскіе рынки въ видѣ консервовъ, замороженномъ и лучше засоленномъ. Кетовая икра уже укрѣпилась на рынкахъ Евр. Россіи. У береговъ Камчатки работаетъ до 200 японскихъ рыболовныхъ шкунъ и нѣсколько пароходовъ, и въ 1909 г. японцы вывезли оттуда не менѣе $1^1/_2$ мил. пудовъ рыбы. Большинство русскихъ рыболовныхъ участковъ, по закону отдаваемыхъ только русскимъ, на самомъ дѣлѣ работаетъ для японцевъ черезъ подставныхъ русскихъ. У устьевъ рѣкъ рыба вылавливается такъ старательно, что во многія рѣки ея проникаетъ очень мало, и живущее по рѣкамъ камчатское

населеніе опасается совершеннаго уменьшенія рыбы: мѣстныя лососевыя рыбы мечутъ икру только разъ въ своей жизни а потомъ погибаютъ. Добываемая японцами у сѣвернаго Сахалина сельдь идетъ у нихъ на удобреніе.

Добыча цѣнныхъ морскихъ котовъ (въ Лондонѣ шкурка котика въ сыромъ видѣ покупается за 45—50 р.) быстро падаетъ, благодаря хищничеству американцевъ и особенно японцевъ. Въ 1890 г. русскими промышленниками было убито 90,000, а въ 1910 г. только 3,340 (японцами 10,000, американцами свыше 12,000). Японцы бьютъ матокъ въ открытомъ морѣ и всѣхъ вообще котиковъ у береговъ (необходимо воспретить бить ихъ въ морѣ на разстояніи 60 миль отъ береговъ).

Туземныя инородческія племена Приамурья живутъ только охотой, но и русскіе занимаются ею, какъ подсобнымъ промысломъ, вслѣдствіе большого количества разныхъ промысловыхъ животныхъ и птицъ (соболь, козуля, лось, изюбрь, кабарга, гусь, утки, рябчикъ въ Амурской области и олени (пятнистый и изюбрь) — въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, чѣмъ занимаются тамъ и русскіе крестьяне. Въ концѣ августа и началѣ сентября уссурійская тайга оглашается ревомъ оленей, зычными криками кабарги, лаемъ красныхъ волковъ, фырканьемъ рыси, ревомъ тигровъ, которые такъ искусно подражаютъ реву изобрей, что подзываютъ ихъ къ себѣ на вѣрную гибель. Въ это время охота въ тайгѣ во всемъ разгарѣ. Козуль ловятъ звуками особой трубочки. Слыша звукъ этой трубочки („пикъ“), козуль полагаетъ, что ее зовутъ дѣтеныши, и бросается на звукъ, если даже козлята и находятся при ней. Тигровъ, которыхъ очень много въ непроходимо заросшихъ ущельяхъ Сихота-Алиня, убиваютъ посредствомъ настороженныхъ ружей, около которыхъ помѣщаютъ приманку въ видѣ убитой козули, или привязанную собаку, которая своимъ воемъ приманиваетъ тигра. Нѣкоторые смѣльчики подкарауливаютъ тигра ночью и стрѣляютъ въ него вручную. Оленей (пантачей) въ уссурійской тайгѣ ловятъ и посредствомъ „лудевъ“: поперекъ оленьихъ тропъ устраивается загородь, иногда въ 50—60 верстъ длиной, и подлѣ нея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вырываются ямы, прикрытыя дерномъ. Олень,

Орочены на Сахалинѣ.

Орочонъ съ р. Нерчи.

Сахалинъ. Три брата

Сахалинъ. Отправка почты на собакахъ въ Александровскѣ.

встрѣтивъ загородь, идетъ вдоль нея и попадаетъ въ яму. Иногда охотники зажигаютъ тайгу и огнемъ загоняютъ пятнистаго оленя насойки, гдѣ иногда и онъ погибаетъ въ огнѣ. Пойманныхъ живьемъ оленей держатъ взаперти, если у нихъ еще не созрѣли рога. Изюбрятниковъ, какъ на Алтаѣ и въ Усинскомъ краѣ, въ Приамурьѣ еще нѣтъ. Количество промысловыхъ животныхъ въ Приамурьѣ уменьшается вслѣдствіе крайне истребительныхъ способовъ охоты (разныя ловушки) и выжиганія огромныхъ лѣсныхъ площадей („палы“) „Заказниковъ“ въ Приамурьѣ пока одинъ — у залива св. Ольги. Въ Уссурійскомъ краѣ развита охота на фазана.

Лѣсной промыселъ въ Амурской области имѣетъ мелкій, крестьянскій характеръ, въ Приморской уже развиваются капиталистическія крупныя предпріятія (въ низовьяхъ Амура, въ Южно-уссурійскомъ краѣ). Извозный промыселъ имѣетъ большое значеніе для селеній по дорогѣ на золотые пріиски, „въ тайгу“ (доставка съѣстныхъ припасовъ и сѣна). Проведеніе Амурской дороги если не убьетъ, то очень сократитъ его.

Въ Приамурьѣ и на Камчаткѣ разсѣяно не мало полезныхъ ископаемыхъ (каменный уголь, нефть на Сахалинѣ и на Камчаткѣ, встрѣчается желѣзо, цинкъ и др.), но добывается только каменный уголь на Сучанѣ (около Владивостока) и на Сахалинѣ. Золотопромышленность въ Приамурьѣ представляетъ уже очень видный промыселъ съ многими тысячами рабочихъ, а золотоносная площадь тянется на 1000 верстъ въ длину и нѣсколько сотъ въ ширину. Въ Амурской области, въ сѣверной ея части, шесть золотопромышленныхъ районовъ, на которыхъ теперь добывается до 400 пудовъ золота ежегодно. Въ Приморской области золото встрѣчается по лѣвымъ притокамъ Амгуни, впадающей въ Амуръ, въ низовьяхъ Амура, на рѣкѣ Иманѣ въ Уссурскомъ краѣ, по берегамъ Японскаго моря, на Охотскомъ набережьѣ сѣвернѣе рѣки Уды и на Чукотскомъ полуостровѣ между мысами Литке и Дежнева. Золотопромышленность въ Приморской области гораздо менѣе значительна, чѣмъ въ Амурской (60—70 пуд.). Въ Приамурьѣ много мелкихъ золотопромышленниковъ, даже „золотничниковъ“. Среди рабочихъ много корейцевъ. Китайцы занимаются хищнической добычей золота въ тайгѣ.

Обработывающая промышленность сосредоточена преимущественно на первичной обработкѣ сырья для мѣстного потребленія и не составляетъ суммы, больше 10—15 мил. руб. въ обѣихъ областяхъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ мукомольное дѣло — въ городѣ Благовѣщенскѣ и Южно-Уссурійскомъ краѣ, на которыхъ перерабатывается не только мѣстное зерно, но и привозное изъ Маньчжуріи. Паровыхъ мельницъ еще въ 1906 г. было въ обѣихъ областяхъ 110; въ 1911 г. въ Приморской области ихъ было 85. Винокуренныхъ заводовъ 4, пивоваренныхъ 15 въ Приморскомъ области, спичечная фабрика 1. Промышленность вообще имѣетъ будущность въ Приамурьѣ, потому что даже теперь она уже неудовлетворяетъ потребности мѣстнаго рынка. Такъ какъ Приамурье на $^9/_{10}$ живетъ привозными продуктами, то его торговля весьма развита, и въ немъ встрѣчаются всѣ ея формы — отъ первобытной мѣны съ инородцами до торговли въ роскошномъ магазиновъ съ зеркальными стеклами. Главная масса товаровъ поступаетъ моремъ въ Владивостокъ, а затѣмъ въ Николаевскъ. Торговля находится въ рукахъ крупныхъ фирмъ (Чуринъ, Кунстъ и Альберсъ и нѣк. др.), а изъ среднихъ и мелкихъ торговцевъ — 80% китайцевъ. Закрытіе порто-франко въ 1910 г. не оказало тѣхъ вредныхъ послѣдствій для края, которыхъ можно было бы опасаться (вздороженіе всего провознаго и пр).

Приамурье до сихъ поръ славится своей бездорожицей. Мосты и грунтовыя дороги, при помощи которыхъ только и возможно заселеніе таежныхъ пространствъ, очень плохи, и ихъ очень мало. Ливни и наводненія страшно портятъ дороги и мосты. Амурская колесная дорога по лѣвому берегу Амура, раньше единственный зимою путь сообщенія съ Забайкалья Приамурьемъ, находится теперь въ очень плохомъ состояніи. Пароходное движеніе происходитъ по Амуру и Уссури, и всѣхъ пароходовъ тамъ теперь до 900. Уссурійская желѣзная дорога отъ Владивостока до Хабаровска очень оживила прилежащія мѣстности; то же нужно ожидать и отъ Амурской дороги, движеніе по которой открыто теперь на 6 станцій отъ нея начала — Куэнги. Сооруженіе этой дороги сопряжено съ продолѣніемъ необыкновенныхъ трудностей:

часто встрѣчается вѣчная мерзлота, иногда приходится проводить дорогу по „морямъ“, болотистымъ пространствамъ, гдѣ глина смѣшана съ камнями. Весной „марь“ оттаиваетъ, и полотно дороги приходится передѣлывать. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣтъ прѣсной воды, въ другихъ работы, вслѣдствіе суроваго климата, возможны лишь 2—3 мѣсяца въ году. Внутреннее каботажное плаваніе плохо развито вслѣдствіе недостатка судовъ. Камчатка сообщается съ Приамурьемъ привольными рейсами пароходовъ Добровольнаго флота. Хотя морскія суда могли бы подниматься на 1000 верстъ вверхъ по Амуру, однако лишь небольшія суда могутъ доходить до Николаевска: доступъ въ Амуръ загражденъ баромъ. Городскихъ населеній въ Приамурьѣ немного, но зато тамъ нѣтъ маленькихъ городковъ, какъ въ остальной Сибири. Въ Амурской области всего два города: Зая-Пристань и Благовѣщенскъ. Послѣдній имѣетъ до 60,000 жителей; въ немъ много каменныхъ зданій, большая часть города освѣщается электричествомъ, но въ дождливое время даже на его главныхъ улицахъ появляются цѣлыя озера, а въ сухое время надъ нимъ носятся цѣлыя облака густой пыли. Благовѣщенскъ — центръ жизни всей Амурской области: онъ связанъ съ золотопромышленностью на сѣверѣ и съ ереселенческимъ движеніемъ въ край. Берегъ у пристаней всегда оживленъ: русскія и китайскія суда, русскіе и китайскіе рабочіе, переселенцы, разные ищущіе заработка люди („бузуи“), — все это толчется на берегу Амура въ лѣтнее время. Къ востоку отъ Благовѣщенска, на пересѣченіи Бурси строющейся Амурской дорогой, возникаетъ новое бойкое городское поселеніе — Алексѣевскъ, въ который переименовано существовавшее тутъ село Суражевка. Зарождающійся городъ имѣетъ большую будущность и затмитъ самый Благовѣщенскъ.

Владивостокъ съ населеніемъ болѣе 100,000, расположенный въ очень живописной мѣстности по берегамъ бухты Золотой рогъ и Амурскаго залива, необыкновенно живописенъ и красивъ съ моря. Цѣлый рядъ улицъ поднимается высоко на окружающія горъ, и нѣкоторыя изъ улицъ пробиты въ видѣ коридоровъ черезъ горныя породы. Городъ имѣетъ много красивыхъ построекъ и магазиновъ, много электри-

чества, прекрасныя плиточныя мостовыя, но водоснабженіе его плохое, вода берется изъ колодцевъ китайцами — водоносами, которые и разносятъ воду по домамъ въ жестяныхъ банкахъ вмѣсто ведеръ. Во всемъ городѣ не найдется уголка гдѣ бы можно было посидѣть у моря и подышать чистымъ воздухомъ: берега завалены всевозможными отбросами. Владивостокъ — главный торговый и промышленный центръ Приамурья и сосредоточіе большого количества войскъ. Владивостокъ хорошо укрѣпленъ, и въ немъ находятся нѣсколько русскихъ военныхъ судовъ. Въ Владивостокѣ воздвигнутъ памятникъ адм. Невельскому, впервые поднявшему здѣсь русскій флагъ. Войска расположены также въ Никольскѣ Уссурійскомъ, недалеко отъ Владивостока. Этотъ городъ (до 30,000 жителей) находится на пересѣченіи двухъ желѣзныхъ дорогъ и въ центрѣ переселенія. Николаевскъ съ 10,000 жителей — центръ рыбопромышленности и золотопромышленности низовьевъ Амура.

Хабаровскъ, резиденція генералъ-губернатора, живописно расположенъ на трехъ холмахъ при впаденіи Уссури въ Амуръ, и весь утопаетъ лѣтомъ въ зелени. Населеніе его доходитъ до 43,000 человѣкъ. По благоустройству Хабаровскъ — лучшій городъ Приамурья (водопроводъ, электричество, нѣсколько общественныхъ садовъ). Памятникъ гр. Муравьеву-Амурскому возвышается по высокому мысу надъ безконечной гладью Амури.

Столица Камчатки, Петропавловскъ, расположенный на живописномъ берегу Авачинской губы, имѣетъ всего 110 домовъ и не болѣе 1000 жителей.